

**СУММА
ПСИХОАНАЛИЗА**

Том XIII

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены русскоязычные доклады и тезисы Международной Российско-Австрийской научной конференции «Зигмунд Фрейд и психоанализ в контексте австрийской и русской культур» (26-28 апреля 2000 года, Московский государственный лингвистический университет).

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность Д.П.Брылёву и А.Е.Иванову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Халеева И.И.	Возрождение и развитие российского психоанализа	5
Лекторский В.А.	О некоторых философских уроках З.Фрейда	8
Додельцев Р.Ф.	Социально-психологический анализ фрейдовской парадигмы	14
Лейбин В.М.	Профессиональный дилетантизм в психоанализе	17
Руткевич А.Н.	Научный статус психоанализа	22
Старовойтов В.В.	Современный психоанализ – смена парадигмы мышления	30
Шпак С.Н.	Фрейд – психоанализ – психоистория: на пути к психологическому объяснению истории	33
Автономова Н.С.	Фрейд в Европе и России: парадоксы «второго пришествия»	36
Брылёв Д.П.	Психоаналитическая философия и русский космизм	43
Жеребин А.И.	О прошлом и будущем одной иллюзии (Заметки на полях книги А.Эткинда «Эрос невозможного»)	47
Кантор А.М.	Аффект и власть в России: между нарциссизмом и расщеплением	58
Кантор В.К.	Фрейд versus Достоевский	68
Мариносян Х.Э.	Пути развития психоаналитического образования в России	77
Пружинина А.А., Пружинин Б.И.	Психоанализ в России – между прошлым и будущим	80
Старовойтов В.В.	Судьба российского психоаналитика	90
Тутаева М.Н.	Рецепция идей З.Фрейда в интеллектуальном сознании российского зарубежья 1920 – х – начала 1930 – х годов	94
Овчаренко В.И.	Осознание бессознательного	98
Гуревич П.С.	Бессознательное как фактор культурной динамики	104
Евласьев А.П.	Психология творчества	110

Ерёмин Б.А.	О творческих сновидениях	113
Иванов А.Е.	Интернет и сетевая зависимость в системе психоаналитических координат	116
Фильц А.	О соотношении сознательного и подсознательного: творческий аспект бессознательного	119
Шастина Е.М.	Зигмунд Фрейд и Элиас Канетти	127
Решетников М.М.	Современное состояние российской психотерапии и психоанализ	130
Белкин А.И., Болдова Е.Г.	Бессознательная сфера и гормоны	138
Бирюкова Э.А.	Актуальность фрейдистских систем духовной терапии	140
Копылов А.Н.	Интимность и проблемы установления терапевтических рамок	143
Маневский С.Е.	Конфигурация психотерапевтического пространства	147
Россохин А.В.	Динамические аспекты аналитической позиции	154
Россохин А.В.	Место анализа латентного негативного переноса в обучении психоаналитической технике	158
Шибяев А.М.	Карнавал проработки	164
Шибяева И.И.	Терапия родителей, дети которых больны сахарным диабетом	166

Возрождение и развитие российского психоанализа

(Приветствие Международной психоаналитической конференции)

И.И.Халеева

Дамы и господа!
Уважаемые гости! Уважаемые коллеги!
Господин посол!

Ректорат, Ученый Совет и весь коллектив Московского государственного лингвистического университета приветствуют и поздравляют Вас с началом работы Международной российско-австрийской научной конференции «З.Фрейд и психоанализ в контексте австрийской и русской культур» и желают Вам успеха.

Ныне, в том числе и благодаря выдающимся работам Зигмунда Фрейда, общеизвестно, что символика играет огромную роль в организации поведения и жизни людей. В этом плане выбор места проведения Вашей конференции можно считать не только не случайным, но и, безусловно, символичным, поскольку работа конференции проходит в одном из исторических эпицентров российской психоаналитической мысли.

Неподалеку от главного корпуса нашего университета, напротив Храма Христа Спасителя, в начале XX века находилась первая московская гимназия, в которой учился будущий первый пропагандист психоанализа в России и создатель Русского психиатрического кружка в Праге доктор Николай Евграфович Осипов (1877-1934).

Непосредственно на улице Остоженке в 1910-1914 годах (в типографии штаба Московского военного округа) печатался журнал «Психотерапия. Обзорные вопросы психического лечения и прикладной психологии», редактором-издателем которого был один из первых российских психоаналитиков Николай Алексеевич Вырубов (1869-1918). В этом фактически первом русском психоаналитическом журнале и одном из первых в мире периодических изданий по психоанализу публиковались статьи не только большой группы российских сторонников психоанализа (Л.Я.Белобородова, А.Н.Бернштейна, М.В.Вульфа, А.Б.Залкинда, Ю.В.Каннабиха, В.Н.Лихницкого, Н.Е.Осипова, А.А.Певницкого, Т.К.Розенталь и других), но и многие статьи З.Фрейда, А.Адлера, К.Г.Юнга, В.Штекеля и других зарубежных психоаналитиков.

Недалеко от нас (в районе Девичьего поля) находилась Психиатрическая клиника Московского университета, в которой работали многие из пионеров российского психоанализа. Под руководством профессора В.П.Сербского сотрудники этой клиники организовали научный психиатрический кружок «Малые пятницы», который в 1912-1918 годах был фактически одной из первых российских психоаналитических оргструктур. На заседаниях кружка

его руководители и члены (М.М.Асатиани, Н.Н.Баженов, Н.Е.Осипов, О.Б.Фельцман и другие) многократно выступали с докладами и обзорами по психоаналитической проблематике.

Рядом с главным корпусом нашего университета (на улице Пречистенке, 32) в 1921 году в Московском психоневрологическом институте (который возглавлял профессор А.Н.Бернштейн) профессором И.Д.Ермаковым был организован научный кружок, изучавший вопросы «психологии художественного творчества психоаналитическим методом» и был открыт «Детский Дом-Лаборатория по научному изучению детского возраста», впоследствии получивший широкую известность как психоаналитически ориентированный Детский дом-лаборатория «Международная солидарность». В 1922 году в Московском психоневрологическом институте под руководством профессора Ивана Дмитриевича Ермакова было организовано Русское психоаналитическое общество (РПСАО) и вскоре создан первый в мире Государственный психоаналитический институт (ГПАИ), в котором в 1922-1925 гг. под руководством И.Д.Ермакова, М.В.Вульфа, Ю.В.Каннабиха и др. проводились интересные и перспективные исследования различных традиционных и нетрадиционных психоаналитических проблем, в том числе в области детского психоанализа. Вскоре Государственный психоаналитический институт переехал в предоставленный ему особняк Рябушинского (на Малой Никитской улице, дом 6), в котором ныне находится музей писателя Максима Горького.

Известно, что насильственное прекращение психоаналитической деятельности в нашей стране нанесло огромный ущерб страдающим людям, науке, обществу и государству. Тем не менее, в условиях экстремальной социальной ситуации российские ученые (Бассин Ф.В., Бирман Б.Н., Вульф М.В., Коган Я.М., Лившиц С.Я., Осипов Н.Е., Сумбаев И.С., Чистович А.С., Шерозия А.Е., Шпильрейн С.Н. и многие другие) сделали все возможное для сохранения российской психоаналитической традиции и развития ее в латентных, в том числе и нелегальных формах. Именно этим в значительной мере и объясняется бурное развитие всех направлений и школ психоанализа в современной России.

Возрождение и развитие российского психоанализа произошло не само по себе. В решающей мере оно обязано активной научной и гражданской позиции большой группы ученых и в первую очередь когорте блестящих профессоров, содействовавших оздоровлению научной и общественной атмосферы и возвращению всей психологии и пограничных дисциплин в русло их естественного не ангажированного развития.

Это присутствующие среди нас профессора: Наталия Сергеевна Автономова, Арон Исаакович Белкин, Павел Семенович Гуревич, Валерий Моисеевич Лейбин, Хачатур Эмильевич Мариносян, Виктор Иванович Овчаренко, Михаил Михайлович Решетников, Алексей Михайлович Руткевич, а также Михаил Григорьевич Ярошевский и многие другие.

Существенное воздействие на эти процессы оказали книга Александра Марковича Эткинда «Эрос невозможного. История психоанализа в России»(1993) и беспрецедентный в мировой практике Указ Президента

Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина «О возрождении философского, клинического и прикладного психоанализа» (Москва, 19 июля 1996 г., № 1044).

По-видимому, далеко не последнюю роль в принятии решения о проведении психоаналитической конференции в Московском государственном лингвистическом университете сыграло и то обстоятельство, что именно Московский государственный лингвистический университет стал первым российским университетом в котором, начиная с 1987 года на постоянной основе на всех факультетах профессором Овчаренко В.И. читается спецкурс «Психоанализ и постфрейдизм» (около 40 учебных часов) дающий студентам представление о содержании основных идей, теорий и практики классического и современного психоанализа, их месте и роли в науке, культуре и мире.

В нашем университете осуществляется подготовка кадров высшей профессиональной квалификации по философскому психоанализу и истории психоанализа. Уже защищены и готовятся к защите докторские и кандидатские диссертации по широкому диапазону различных психоаналитических проблем.

Может быть не случайно, но уж во всяком случае, символично, что именно профессор нашего университета Овчаренко В.И. опубликовал в 1994 г. первый российский «Психоаналитический глоссарий» и первый видеокурс «История российского психоанализа» (1999). Первая «Антология российского психоанализа» (1999) в двух томах была опубликована профессорами Овчаренко В.И. и Лейбиным В.М. Ими же опубликована книга «Психоаналитическая литература в России» (1998), содержащая информацию об основных психоаналитических публикациях в России с 1903 года по 1999 год включительно. Сотрудники нашего университета опубликовали много сотен статей по психоаналитической проблематике и приняли активное участие в издании первой российской энциклопедии «Психоанализ» (редактор профессор Гуревич П.С.).

Фактически наши коллеги и сотрудники принимают непосредственное участие во всех изданиях и различных мероприятиях психоаналитического профиля и в России, и за ее пределами.

Вместе с тем, отдавая должное выдающимся достижениям Зигмунда Фрейда и его последователей, мы никогда не теряли чувства меры и уделяли должное внимание всем другим учениям, оказавшим существенное влияние на философию, науку, культуру, мировоззрение и жизнедеятельность человечества.

Во всей своей деятельности мы неизменно руководствуемся девизом открытого в Болонье в 1158 г. первого в мире университета, на здании которого были начертаны гордые и мудрые слова: «Универсальность и свобода!».

Открывая работу конференции «З.Фрейд и психоанализ в контексте австрийской и русской культур» мы выражаем надежду, что этот прекрасный девиз станет камертоном первой, но, надеемся, не последней психоаналитической конференции в нашем университете.

В добрый путь!

О некоторых философских уроках З.Фрейда

В.А.Лекторский

Отношение к З.Фрейду (и к психоанализу вообще) в современной России довольно странно.

Начнём с того, что Фрейд в моде. Его книги переиздаются. Выходит много литературы о психоанализе (прежде всего зарубежной, но также и отечественной). Возникло несколько психоаналитических обществ и даже исследовательских институтов. Выпускаются специальные журналы. Психоаналитическая техника используется практикующими психотерапевтами. Можно сказать, что мы переживаем своеобразную «психоаналитическую волну». Фрейдовские идеи свободно применяются политологами и журналистами для толкования нашей истории, текущих событий и действий известных политиков. Литературные критики дают толкования текстов, соединяя фрейдовские конструкции с идеями Деррида, Делёза и других постмодернистов. Создаётся впечатление, что наша культура переживает ту же «психоаналитическую революцию», которая повлияла в своё время на облик современной западной культуры.

Нужно заметить, что ранее в нашей стране отношение к Фрейду было иным. Хотя его работы широко переводились ещё до революции, его идеи не получили широкого философского и культурного признания. Психоаналитическая техника использовалась рядом практикующих врачей, но ведущие теоретики-психиатры и психологи, не говоря уже о философах, его в сущности не признали. В чём тут дело? Ведь ряд принципиальных фрейдовских идей, казалось бы, резонировал с некоторыми традициями русской мысли. Это прежде всего весьма популярные в русской дореволюционной философии и даже в культуре в широком смысле, в частности, в литературе, музыке, идеи Шопенгауэра и Ницше о космической роли бессознательного начала (сам Фрейд писал о большом влиянии этих идей на формирование его концепции). Это тонкое проникновение в глубины психического бессознательного у Достоевского и других русских писателей и философов (не случаен интерес Фрейда к Достоевскому).

Мне кажется, что непризнание фрейдовской концепции в России в это время объясняется тремя обстоятельствами:

1. Её сциентистским рационализмом: ведь задача психоанализа в его классическом понимании состоит в том, чтобы помочь больному справиться с силами бессознательного, поставить их под полный сознательный контроль;
2. Её биологизмом, иногда даже производящим впечатление биологического детерминизма (биологические импульсы и инстинкты, коренящиеся в И, представляются контролирующими деятельность Эго);
3. Её индивидуализмом: социальное окружение индивида - это только источник травм и в конечном счёте причина неврозов, так как именно из столкновения социальных требований с биологическими инстинктами и желаниями индивида неврозы и вытекают. Понятно, что такого рода идеи

вступали в противоречие со всеми принципиальными установками русского религиозно-духовного ренессанса начала XX столетия.

Ситуация как будто бы радикально изменилась после революции. Во всяком случае, сциентизм и рационализм (и даже материализм) Фрейда никого уже не мог смущать, а наоборот, всячески приветствовались. Другое дело его биологизм и индивидуализм. Были сделаны однако попытки соединить Фрейда с Марксом, придав психоанализу «социальный» характер. В советской России 20-х годов на этой почве возник даже своеобразный психоаналитический бум. Однако длился он недолго, ибо соединение несоединимого было, конечно, невозможным.

Современный психоаналитический бум в нашей стране имеет совершенно другой характер и свидетельствует помимо прочего о том, ни русская религиозная философия, ни марксизм не определяют ныне облик нашей культуры. Нынешнее психоаналитическое поветрие - это скорее выражение желания поскорее ассимилировать то, что на Западе давно усвоено. И как это нередко бывает, делается это весьма поверхностно. Поэтому возникает та странность в нашем сегодняшнем отношении к Фрейду, о которой я говорил в начале.

Я имею в виду прежде всего то, что серьёзный философский и теоретический анализ фрейдовской концепции почти не проводится. В то время, как рьяные отечественные адепты психоанализа - в основном практики, журналисты, литературные критики - исходят из того, что научность этой концепции полностью доказана (что, видимо, и позволяет им давать нередко весьма произвольные психоаналитические интерпретации), представители академической науки — психологи и философы — предпочитают не говорить на эту тему, что свидетельствует либо о том, что большого восторга психоанализ у них не вызывает, либо о том, что вопрос этот для них не очень ясен.

Между тем, идеи Фрейда заслуживают самого серьёзного исследования именно на эпистемологическом и методологическом уровне. Ибо его концепция не является чем-то единым, что можно либо полностью принять, либо также целиком отвергнуть. Развитие психоанализа после Фрейда это подтвердило. Ряд идей классического психоанализа был отвергнут, некоторые из них были модифицированы. Предметом больших дискуссий стал вопрос об эмпирической подтверждаемости психоанализа. Как известно, для Поппера именно психоанализ вместе с марксизмом был любимым примером, на котором он демонстрировал действие своего принципа фальсификации: согласно Попперу основные положения психоанализа нефальсифицируемы, поэтому, заключал философ, фрейдовская теория - это типичный образец псевдонауки. Я не буду специально обсуждать вопрос об эмпирическом статусе психоанализа (этим вопросом основательно занимается современный американский философ А.Грюнбаум). Скажу только, что принцип фальсификации в его попперовском варианте неприменим и к некоторым заведомо научным теориям. Хотя, конечно, вопрос об эмпирической обоснованности психоаналитической конструкции во всех её разветвлениях остаётся, особенно если учесть, что

факты, на которые опирается фрейдовская конструкция, получены не в эксперименте, а в клинике, что вызывает ряд методологических вопросов.

Я хочу обратить внимание в этом тексте на другое - на то, что именно Фрейд поставил ряд проблем, которые до него в такой форме не ставились и которые оказались одними из центральных для философии и наук о человеке в 20 столетии, во многом определив то, что считается их «неклассическим» характером. Эти проблемы стали сегодня даже более острыми. Остановлюсь на некоторых из них.

1. Прежде всего это проблема непрозрачности Я для самого себя. Идущий от Декарта тезис о самосознании Я как о чём-то чего-то абсолютно самоочевидном был основой всего классического понимания человека, его познания и сознания.

На этом тезисе основывалась классическая психология, в том числе и на том этапе, когда она стала экспериментальной. Сегодня идея о том, что Я может быть неочевидным для себя, что оно может обманываться в отношении самого себя, признаётся если не всеми, то большинством философов и психологов. Между тем, эта идея означает совершенно другое понимание и человека, и наук о нём. В пользу этой идеи говорит множество фактов нашей повседневной жизни. Факты этого рода получены и в психологических экспериментах, и в клинике.

Но как это возможно? Очевидно только в том случае, если допустить расщепление Я, если признать существование такого слоя в психике, который рационально неотрефлектирован, который не осознаётся субъектом. Этот слой психической жизни Фрейд относил к бессознательному (которое он в свою очередь подразделял на предсознание и подсознание). Революционным шагом здесь было не просто представление о наличии бессознательных процессов, так или иначе связанных с психической жизнью.

О том, что работа головного мозга и центральной нервной системы, без которой психическая жизнь невозможна, не осознаётся, писали многие психологи и физиологи задолго до Фрейда. Однако ясно, что сама по себе работа мозга ещё не есть психическая жизнь. Фрейд постулировал существование не просто бессознательных процессов, а таких, которые не сводятся к возбуждению и взаимодействию нейронов и являются именно психическими процессами, т.е., например, бессознательными желаниями, намерениями, мыслями, эмоциями и т.д. Именно такое понимание бессознательного очень долго не принималось. О невозможности существования бессознательной психики писали многие психологи и философы до недавних пор. Сейчас однако поток такого рода критики почти иссяк, ибо метафора бессознательной психической деятельности оказалась исключительно плодотворной в связи с развитием современной когнитивной науки.

Другое дело, как понимать бессознательное и подсознание. Обязательно ли связывать его деятельность с системой Ид, с его биологически определёнными импульсами и даже инстинктами (в том числе жизни и смерти), как это делал сам Фрейд? Обязательно ли принимать фрейдовское учение о механизмах защиты, о репрессиях и о цензуре во всей его полноте? Я думаю,

что нет. Я думаю, что процесс взаимодействия сознания и бессознательного может быть понят и иным образом., например, в рамках построения субъектом собственного Я, в ходе которого он отстраняет, отделяет от себя неприемлемые для него свои мотивы, выводит их за рамки саморефлексии, в известном смысле слова дезинтегрирует самого себя. В этом случае подсознание выступает не как внешняя по отношению к Я сила, а как своеобразный продукт самоотчуждения субъекта. Близкое к этому понимание развивается сегодня в проекте «дискурсивной психологии» Р.Харре и Дж. Джиллета. К сходным идеям приходил в своё время и Сартр в рамках своего «экзистенциального психоанализа». Существуют и другие возможности понимания.

Нужно заметить, что сегодня проблема сознания стала одной из самых обсуждаемых в современной литературе по когнитивной науке и по философской психологии. Хотя классическая философия исходила из тезиса о предельной ясности сознания в акте самосознания, и классическая психология переняла от философии этот тезис, в понимании того, что такое сознание, ясности было немного. Ряд классиков психологии вообще считали, что сознание является лишь фоном, на котором разыгрываются психические процессы и поэтому само по себе не может быть предметом научного исследования и даже не может быть определено. Ныне преобладает мнение, что мы подошли к такому рубежу в изучении работы психики, когда можно и нужно делать сознание предметом научного анализа. Но в этом случае сразу же возникает и вопрос о взаимоотношении сознательных и бессознательных процессов. Соответствующие концепции ныне широко обсуждаются (например, теория Д.Дэннета, в которой размывается грань между сознательными и бессознательными процессами и ставится под вопрос тезис о единстве сознания).

Именно Фрейд открыл ту область, исследование которой сегодня является одной из самых перспективных в науках о человеке.

2. Другое интересное открытие Фрейда, связанное с первым - это возможность объединения причинного объяснения с объяснением на основании мотивов в том случае, когда речь идёт о бессознательных психических процессах. Обычно эти два типа объяснения различаются.

Причина действует как некая слепая сила, не зависящая от нашего сознания. Если в процессе рассуждения человек совершает логическую ошибку, это значит, что имеются какие-то причины этого факта. Но не мотив, ибо мотив предполагает сознание, а вряд ли человек нарушил в данном случае правила логики сознательно. Конечно, осуществление мотива предполагает действие некоторых причинных механизмов, ибо иначе нельзя было бы понять, каким образом наличие мотива вызывает определённые действия человека. Однако мы различаем объяснение на основании причин и на основании мотивов (об этом писал Витгенштейн, и ряд его учеников разрабатывал эту тему). Между тем, в случае бессознательных психических процессов объяснение на основании причин и на основании мотивов объединяется. С одной стороны, эти процессы не контролируются сознанием. Поэтому они действуют причинным образом (я совершаю некоторое действие не потому, что сознательно хотел его совершить,

а потому, что меня толкает на это некий мой бессознательный импульс). С другой стороны, эти процессы - результат вытеснения того, что могло быть мотивом действия. Поэтому они сохраняют нечто от мотивов, т. е. имеют смысл (я совершаю некое действие не только потому, что меня толкает к нему некий слепой импульс, но потому, что я сам бессознательно стремлюсь совершить это действие). А это значит, что проникновение в область бессознательного имеет определённое сходство с истолкованием мотивов действий человека, т.е. с герменевтическим анализом. Хотя речь может идти не о полном уподоблении работе герменевта, а именно только о сходстве. Ведь герменевт имеет дело с сознательно написанным текстом или же с сознательно совершённым поступком. Бессознательные процессы не таковы. Поэтому они и могут принимать характер слепых сил. (Нельзя согласиться с П.Рикёром и Ю.Хабермасом, что психоанализ — это просто герменевтическая процедура). Фрейд, таким образом, показал возможность такого знания, которое, не будучи естественнонаучным в привычном смысле этого слова, вместе не разделяет особенностей классического гуманитарного знания. Это ещё одна проблема, которая нуждается в серьёзном обсуждении.

3. Фрейд поставил под вопрос тезис о единстве Я, тот тезис, который был бесспорным для всей классической мысли. Я, как показал Фрейд, сложно внутри себя, многослойно, не в ладах с собою. Вместе с тем весь смысл разработанной им теории и техники психоанализа состоял в том, чтобы дать средства для восстановления этого единства. Пациент в сотрудничестве с психотерапевтом получает возможность проникнуть в глубины своего бессознательного, вывести на свет сознания то, что таилось в тёмной глубине психики, и тем самым овладеть неподконтрольными разуму собственными стихийными импульсами. Превращение больного в разумного человека, владеющего самим собой, и есть задача психоанализа как теории и врачебной практики. Если разумное индивидуальное Я, сознающее своё единство и контролирующее само себя, не всегда является фактом нашей жизни, то это во всяком случае идеал с точки зрения Фрейда.

Легко видеть, что революционный разрыв с рядом традиций европейской философской и научной мысли сочетается у Фрейда с приверженностью к некоторым основополагающим идеям Просвещения. Это понимание гуманизма как овладения внешними человеку природными и социальными силами и контроля за ними с помощью специальных технических систем. Это представление о человеческой свободе как о полной независимости от внешних сил (в том числе и от других людей). Фрейд распространяет эту идею на самого человека: овладение индивидом бессознательными силами собственной психики и контроль за ними с помощью разработанной им техники психоанализа.

В контексте того, что происходит в современной культуре, в это понимание необходимо внести серьёзные поправки. Они могут делаться по-разному и на разных основаниях.

Можно сделать упор на том, что включённость современного человека в разные не интегрированные между собой потоки коммуникации вообще ставит под вопрос достижение единства Я. В этом случае считается, что существуют

не только плохо ладящие между собою Я и Оно, но что Я вообще распадается. Я как некое единство вообще исчезает, и в этом нет ничего плохого, считают представители этой позиции, ибо единство сознания, центрирующегося вокруг Я, не только не является фактом современной жизни, но не может быть и идеалом. Такая позиция развивается сегодня рядом философов и психологов, в частности, американским социальным психологом К.Джердженом.

Мне представляется, что отказ от идеи единства Я чреват серьёзными последствиями, ибо влечёт за собой пересмотр не только некоторых идей Просвещения, но многих основ европейской культуры в целом и ставит под сомнение возможность ответственного поведения. Я думаю, что более перспективной является концепция, согласно которой Я может быть понято как результат коммуникативных отношений с другими. В рамках этих отношений Я не только существует, но и поддерживается. Единство Я тоже может существовать (или может разрушиться) только в этом контексте. В этих же коммуникативных рамках может быть понято и взаимоотношение сознания как специфического дискурсивного образования с нерелефлексивными слоями психики. Такой подход, сохраняя идею единства Я как некоего заданного нашей культурой идеала, позволяет показать его сложность и многослойность, возможность коллизий между его разными слоями и вместе зависимость этого единства от взаимоотношений Я и других. Подобный подход развивается ныне рядом исследователей в разных странах.

Словом, и в этом отношении Фрейд задал такую проблематику, которая является сегодня очень актуальной и которая вместе с тем оказалась более сложной, чем это ему представлялось.

Главная заслуга Фрейда, как мне представляется, заключается в том, что он сумел разрушить некоторые глубоко укоренённые традиции мышления в науках о человеке и по существу открыл новый континент проблем. Что касается его решений, то одни из них выдержали проверку временем, другие нет. Лучшая форма уважения к наследию этого великого человека — обсуждение поставленных им проблем, критический анализ как его, так и других решений.

А проблемы эти связаны не много, не мало, как с современным пониманием человека.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 7-9

Социально-психологический анализ фрейдовской парадигмы

Р.Ф.Додельцев

1. В 60-е гг. социология знания отказывается от неопозитивистской концепции научного знания и заметно расширяет поле своего исследования. Кроме учета методологической и социокультурной обусловленности научной теории сегодня требуется критически переосмыслить роль личности ученого, его ценностей и установок мыслительных паттернах.

2. В споры, продолжающиеся вокруг оценки наследия З.Фрейда, она способна внести новые важные моменты, раскрывая причины некоторых односторонностей и особенностей психоанализа, одновременно объясняя его функционирование в современной науке и культуре и тем самым, возможно, обозначая его дальнейшие перспективы.

3. Подобную задачу можно решить, не входя в обсуждение деталей психоаналитической теории, ибо современное состояние психологии и сопряженных с нею естественных наук не позволяет в этом случае обрести полную ясность. Целесообразнее остановить свое внимание на парадигме Фрейда, понимая под этим внутреннее, редко осознаваемое им ядро его основных концепций, обеспечивающее живучесть психоанализа и диктующее направление его дальнейшего развития. В нее входят, с одной стороны, ориентации, установки и ценности ученого, с другой — особенности принципов и методов его мышления. Первые складываются относительно рано, они весьма стабильны. Вторые, более подвижные, формируются в период обучения и первых шагов в науке. Дальнейшее развитие психоанализа зависело не только от личности Фрейда, но и от особенностей международного психоаналитического движения, его состава и склонности к определенной замкнутости.

4. Ближайшее окружение Фрейда.

4.1. Социальное положение его семьи сформировало у будущего психоаналитика склонность к социальному критицизму, демократическую ориентацию, редкую работоспособность и стремление к социальному продвижению с опорой исключительно на собственные силы.

4.2. В 70-е гг. XIX в. австрийские евреи, склонные к ассимиляции, столкнулись с усилением антисемитизма, особенно в Вене, что обострило в их среде чувство национальной принадлежности, укрепило их способность противостоять «сплоченному большинству» и склонность к теоретическому и практическому новаторству. Это обусловило некоторые личные качества Фрейда, далекого от какого-либо национализма. В жизни, не в теории, он «всегда оставался евреем» и, видимо, с годами - по мере нарастания антисемитизма - его национальная идентификация усиливалась.

4.3. «Семейный роман» Фрейда, его взаимоотношения с родителями, братьями и сестрами, способствовали выработке у него высокой самооценки, росту любознательности и чувства духовной независимости, сформировали у него психологию «маменькиного сынка», для которого

типично чувство превосходства, известный авторитаризм и одновременно повышенная ранимость и чувство незащищенности, определило его отношения с друзьями и соратниками, что оказало влияние на последующие расколы в психоаналитическом движении.

4.4. Реформированная австро-венгерская гимназия обеспечила Фрейду прекрасное гуманитарное и языковое образование, определила его склонности к научно-исследовательской работе и теоретизированию. В последующем это переключило его интерес с чисто медицинских и психиатрических проблем на вопросы психологической теории и культуры в целом.

5. Интеллектуальная атмосфера Вены в конце XIX в.

5.1. Венская медицинская школа, одна из самых влиятельных в Европе, утверждала ориентацию на материалистический принцип детерминизма, на физиологическую природу психических явлений, разделяла физикалистские представления о психической энергии, ей был свойственен, так называемый, «терапевтический нигилизм». Через своих учителей молодой Фрейд впитал соответствующие представления.

5.2. Переход от неврологии к психиатрии, стажировка у Шарко и Бернхайма подтолкнули Фрейда к признанию самостоятельности психических явлений, к пониманию роли неосознаваемых психических процессов, содействовали освобождению от «терапевтического нигилизма». Дружба и совместная работа с Брейером помогла ему понять динамическое значение подсознательного и вытеснения неприемлемых, запретных мыслей. Общение с Флиссом поддерживает его на пути к созданию собственной психологии, дарит ему ряд конкретных идей.

5.3. Духовную атмосферу Вены отличал «веселый апокалипсис», господство воспоминаний, «социальная неискренность» и «двойная мораль». Это определило фрейдовскую «неудовлетворенность культурой», углубило его интерес к прошлым состояниям психики, обусловило «детективный» характер его мышления, подчеркнуло значение сексуальных проблем.

5.4. Движение к созданию собственной теории через «самоанализ» предопределило некоторые социокультурные границы психоанализа (переоценка сексуального влечения и роли Эдипова комплекса, представление о второсортности женщин).

6. Интегративность фрейдовской парадигмы.

6.1. В ходе научного развития Фрейд сумел уловить не только господствующие тенденции мышления XIX в. (материализм, рационализм, ориентация на строгую научность, оптимизм), но и его подспудное романтически-иррационалистское течение (практически противоположно направленное). В XX в. последнее стало преобладать, однако психоанализу удалось указанную двойственность сохранить, что, видимо, и объясняет влиятельности фрейдизма в гуманитарных науках и в культуре XX в.

6.2. Некоторые особенности психологии рубежа веков (тяга к независимости, обособленность от социологии, переоценка отдельных конкретных открытий) сказались на известных односторонностях психоанализа.

тической теории личности (переоценка внутренней мотивации в ущерб внешней, излишний акцент на сексуальности, переоценка роли детства и Эдипова комплекса)

6.3. Фрейдовская теория личности как единство топографического, динамического, генетического, адаптационного подходов. Ее достоинства и недостатки.

6.4. Основные элементы парадигмы Фрейда. Его попытка разрешить некоторые антиномии мышления.

6.4.1. Материализм - идеализм: из-за состояния биологии и социологии в изначально материалистически ориентированном психоанализе по мере его развития укрепляется «психологизм».

6.4.2. Альтернатива эмпиризм — рационализм превращается у Фрейда в проблему редукционизм - метапсихология: от редукционизма он движется к «метатеории», от наблюдения к спекуляции, от физикалистских понятий к понятиям-метафорам.

6.4.3. Проблему рационализм — иррационализм Фрейд решает амбивалентно: подчеркивая примат бессознательного он усиливает с годами влияние управляющих последним «механизмов защиты Я».

6.4.4. В теории личности Фрейд колеблется между детерминизмом и «сверхдетерминизмом», объективностью и субъективностью, активностью и реактивностью при предпочтении неизменности конституции человека.

6.4.5. В выборе эмоциональной окраски мышления (догматизм — терпимость, оптимизм — пессимизм) Фрейд попытался найти «средний путь». Будучи скептиком, он после осмотрительных, тщательных поисков истины отстаивал ее с неукротимой твердостью. Фрейд в одно и то же время допускает определенное урегулирование конфликта культуры с «природой человека», допуская невозможность его разрешения.

7. Перспективы психоанализа

7.1. Благодаря своей теоретичности, влиятельности психоанализ способен играть интегративную роль в преодолении кризиса современной психологии.

7.2. «Отступники» и «ревизионисты» не нанесли парадигме Фрейда серьезного ущерба. Их попытки (Адлер социологизирует психоанализ, Юнг пытается углубить его и очистить от наиболее явных односторонностей, Фромм и неофрейдисты включают в сугубо психологическую теорию культурологические элементы и т.д.) не исключают по крайней мере возможность «системного эклектизма».

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 9-10

Профессиональный дилетантизм в психоанализе

В.М.Лейбин

Прежде чем поставить вопрос о профессиональном дилетантизме, выскажу одно соображение, связанное с расхожим пониманием того, что имеется в виду, когда говорится о практике психоанализа. Обычно под практикой психоанализа подразумевается непосредственная работа с пациентами. Речь идет о психоанализе как специфическом виде психотерапии. Все другие аспекты психоанализа остаются, как правило, за пределами внимания практикующих психоаналитиков, апеллирующих к клинике. Между тем существует так называемый прикладной психоанализ, целью которого является использование психоаналитических идей в различных сферах познания и действия людей, будь то экономика, политика, религия, культура. Он включает в себя не только исследовательскую, но и практическую деятельность, связанную с маркетингом, бизнесом, рекламой, имиджмейкерством, кинематографией, радио и телевидением, системой воспитания и образования, пасторским служением.

К настоящему времени стало общепринятым деление психоанализа на клинический и прикладной. Иногда говорят еще и о философском психоанализе. 19 июля 1996 года вышел Указ Президента Российской Федерации «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа», тем самым как бы узаконивая в нашей стране три ипостаси психоанализа. Однако далеко не всегда имеется, на мой взгляд, адекватное понимание того, что подразумевается под тем или иным «видом» психоанализа. Это относится и к привычному подразделению психоанализа на клинический и прикладной.

Подобное рассмотрение психоанализа имеет свою историю и связано с использованием З.Фрейдом и другими психоаналитиками соответствующих методов и идей в области изучения религии, философии, искусства, культуры в целом. Однако сам З.Фрейд считал не корректным деление психоанализа на клинический и прикладной. Он исходил из того, что в действительности граница проходит между научным психоанализом и его применениями в медицинской и немедицинской областях. Речь идет о теории и практике психоанализа, причем под практикой понимается не только клиническая терапия, что является сегодня весьма расхожим представлением, а применение психоаналитических методов и идей в разнообразных сферах жизни человека, не обязательно напрямую связанных с медициной.

Поэтому было бы разумнее рассматривать практику психоанализа в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова она включает в себя как терапевтическую, так и прикладную деятельность, выходящую за рамки работы с пациентами. В узком смысле слова практика психоанализа - это то, что принято называть клиническим психоанализом, то есть терапевтическая деятельность, связанная с лечением людей, страдающих психическими расстройствами.

Большинство из тех, кто осуществляет сегодня психоаналитическую терапию в России находится в таком специфическом положении, которое вряд ли наблюдается в других странах мира, где практика психоанализа осуществляется на протяжении многих десятилетий. Дело в том, что многие российские психоаналитики, по крайней мере те, кто называют себя таковыми, в действительности являются в лучшем случае дилетантами-аналитиками: одни из них не имеют медицинского образования; другие - имеют диплом врача, но не прошли личный анализ, необходимый для профессионального психоаналитика; третьи - еще только проходят так называемый «челночный анализ», то есть периодически, совершают поездки к зарубежным психоаналитикам для прохождения у них личного анализа; четвертые — стажировались в зарубежных психоаналитических центрах, но не имеют международного сертификата, позволяющего именоваться профессиональным психоаналитиком.

Насколько мне известно, в настоящее время в России только один психоаналитик является признанным членом Международной психоаналитической ассоциации. Официально в стране нет ни одной организации (комиссии), которая бы обладала правом выдавать практикующим аналитикам сертификат специалиста-психоаналитика. И тем не менее в России существуют учебные психоаналитические институты, выпускники которых работают практикующими аналитиками, имеются различные психоаналитические центры, сотрудники которых принимают нуждающихся в психоаналитической терапии пациентов. Парадоксальность необычного положения психоанализа в России заключается в том, что система образования и подготовки будущих психоаналитиков, которую за неимением таковой в стране приходилось создавать на ходу, поставила некоторых аналитиков перед необходимостью выступить в роли «компетентных специалистов», осуществляющих не только психоаналитическую терапию, но и обучающий (учебный) анализ.

Надеюсь, большинство аналитиков не является столь наивным, чтобы не осознавать то деликатное положение, в котором оно оказалось в условиях возрождения психоанализа в России. С одной стороны, исходя из принятых международных требований подготовки специалистов, большинство из них не соответствует установленным стандартам психоаналитического образования и не имеет соответствующего сертификата, дающего право вести психоаналитическую терапию и тем более выступать в роли мэтров, осуществляющих учебный анализ. С другой стороны, занимающиеся клинической практикой и читающие курсы лекций в психоаналитических институтах специалисты не могут отказаться (в угоду международным требованиям и стандартам) от пациентов и студентов, нуждающихся в помощи со стороны людей, пусть дилетантски (с позиций сертифицированных психоаналитиков), но все же разбирающихся в премудростях теории и практики психоанализа.

По большому счету вольно или невольно многие из российских аналитиков вынуждены выступать в роли «дилетантов», что подчас приводит некоторых из них к мучительным сомнениям относительно их официального

статуса и психоаналитической идентичности. Если учесть, что понятие «дилетант-аналитик» нередко ассоциируется с так называемым «диким психоанализом», с различного рода шарлатанами, которые не имеют ни малейшего понятия о психоанализе (или имеют смутное, расхожее представление о нем), но тем не менее, спекулируя на моде, называют себя психоаналитиками и от их имени занимаются лечением людей, обращающихся к ним за помощью, то не трудно понять, то двусмысленное положение, в котором находится большинство российских аналитиков.

Поскольку чаще всего «дилетантский анализ» и «дикий психоанализ» отождествляются между собой, то следует, видимо, дать пояснение относительно того, о чем в действительности идет речь. «Дилетант-аналитик» - это человек, не имеющий диплома врача, но обладающий необходимыми для проведения анализа знаниями в области психологии бессознательного и осуществляющий психоаналитическую терапию. «Дикий психоаналитик» - человек, не имеющий диплома врача или обладающий таковым, не получивший соответствующего образования в сфере психологии бессознательного, но выступающий в качестве психоаналитика и от его имени ведущий прием пациентов.

Как известно, З.Фрейд резко выступал против «дикого психоанализа», осуществляемого лекарями, проводящими аналитическое лечение без обстоятельного изучения его концептуальных оснований и освоения технических приемов терапевтической деятельности. Его позиция по этому вопросу нашла свое отражение в статье «О «диком» психоанализе» (1910). Речь не шла о различного рода знахарях, не получивших медицинского образования. Речь шла о врачах, которые, по словам самого З.Фрейда, в анализе представляют «главный контингент шарлатанов», так как нередко именно врач выступает в качестве «аналитического шарлатана». Но он одобрительно отзывался о тех «дилетантах», которые, не имея медицинского образования, но овладев методикой и техникой психоаналитического лечения, с успехом использовали свои знания и навыки при терапевтической работе с пациентами. З.Фрейд не только одобрительно отзывался о «дилетантах-аналитиках», внесших посильный вклад в развитие психоанализа, но и защищал их в случае необходимости от всевозможного рода нападков. Так, когда в 1925 году не имеющий медицинского образования доктор философских наук Т.Райк на основании заявления одного из его пациентов был обвинен в шарлатанстве и венская магистратура поставила вопрос о запрещении ведения им клинической практики, основатель психоанализа выступил на его защиту и специально по этому поводу написал работу «Проблема дилетантского анализа»(1926). В этой работе он не только ратовал за «самоценность» психоанализа и его независимость от медицинского применения, но и защищал право «дилетантов-аналитиков», профессионализм которых основывался на соответствующем аналитическом образовании, иметь частную практику и осуществлять психоаналитическую терапию. Аргументы З.Фрейда сыграли, видимо, не последнюю роль в деле оправдания Т.Райка, который был одним из первых его учеников, в 1918 году получил «Почетный приз» за лучшую немедицинскую

работу, внес значительный вклад в психоаналитическую культурологию и с успехом работал в сфере клинического психоанализа.

Конечно, сам по себе термин «дилетант» вызывает в сознании многих людей негативные эмоции, поскольку, надо полагать, никто не хочет быть дилетантом ни в глазах окружающих, ни в своих собственных глазах. Подчас это воспринимается как своего рода оскорбление, за которым стоит упрек в непрофессионализме. Но применительно к нашей российской действительности термин «дилетант-аналитик», наиболее точно, пожалуй, отвечает тому смыслу, который З.Фрейд вкладывал в характеристику подготовленных к терапевтической деятельности людей и осуществляющих психоаналитическую терапию, в отличие от «дикого анализа», практикуемого шарлатанами, независимо оттого, являются ли они медиками по образованию или нет.

Современное состояние психоанализа в России свидетельствует о том, что подготовка специалистов в этой области знания и терапии хотя и набирает силу, тем не менее осуществляется таким образом, когда по мере своей терапевтической и преподавательской деятельности сами мэтры осваивают теорию и практику психоанализа. Стало быть, даже если кто-то не хочет себе в этом признаться, по сути дела, большинство из практикующих психоаналитическую терапию, находится в положении «дилетантов-аналитиков». Такова реальная жизнь со всеми ее парадоксами и нелепостями, обусловленными исторически сложившейся ситуацией в России, в 20-х годах имевшей талантливых психоаналитиков в лице М.Вульфа, Н.Осипова, С.Шпильрейн, оказавших влияние на развитие международного психоаналитического движения, но не успевших передать российские психоаналитические традиции тому поколению, которое сегодня пытается фактически заново открыть для себя психоанализ.

Конечно, можно сетовать на трагическую судьбу психоанализа в России. Можно сожалеть по поводу отставания от развития теории и практики психоанализа в странах США и Европы. Можно испытывать неудовлетворение от осознания того, что по независящим от них обстоятельствам большинству российских аналитиков приходится довольствоваться тем, что они являются «дилетантами-аналитиками». Наконец, для удовлетворения нарциссического Я при характеристике собственного положения аналитики могут использовать введенный З.Фрейдом более благозвучный термин — «профессиональный дилетант-аналитик». Но вряд ли имеет смысл заниматься мазохистским самобичеванием в поисках психоаналитической идентичности. И совсем неприемлемой представляется позиция отрешенности от возрождения психоанализа в России, предполагающего как творческое развитие психоаналитической теории и внесение достойного вклада в подготовку отечественных специалистов, так и участие в психотерапевтической практике, если на то имеются определенные навыки, подкрепленные соответствующим пониманием роли бессознательного в жизнедеятельности человека.

Если кто-то из российских практикующих аналитиков испытывает комплекс неполноценности в связи с тем, что он не обладает элитным статусом члена Международной психоаналитической ассоциации и готов ради обретения

его путем «челночного анализа» жертвовать своими пациентами, семейным положением и даже собственным здоровьем, то в качестве возможного размышления по поводу психоаналитической идентичности я бы мог сказать следующее. Профессионал-психоаналитик, если он действительно является таковым по своей сути, а не по институциональному образованию и официальному статусу, обречен быть дилетантом. Его профессиональный дилетантизм обусловлен тем, что в своей исследовательской и терапевтической деятельности ему приходится иметь дело с уникальным объектом — человеком, познание которого не только оставляет желать лучшего, но и, надо полагать, никогда не сможет быть окончательным, завершенным.

В работе «Анализ конечный и бесконечный» (1937) З.Фрейд поставил перед психоаналитиками до сих пор остающийся актуальным вопрос о том, когда можно считать анализ завершенным и возможно ли его завершение вообще. Зарубежные психоаналитики по-разному отвечают на этот вопрос. Российским психоаналитикам, приобретающим и постепенно накапливающим опыт психоаналитической терапии, так или иначе придется задуматься над поставленным и обсужденным З.Фрейдом вопросом. Но при всем уважении к зарубежным психоаналитикам я сомневаюсь в том, что они являются такими профессионалами, для которых человек не представляет собой никакой загадки и они исчерпывающим образом постигли все перипетии бессознательной деятельности его души. И дело не в профессионализме, а исключительно в том, что человек, хотелось бы надеяться, сохранит свою уникальность в смысле невозможности познания его исчерпывающим образом. В противном случае он уже не будет человеком, а психоанализ из искусства общения с пациентом как личностью превратится в ремесло, которым, к сожалению, он подчас становится у некоторых психоаналитиков, рассматривающих человека как объект приложения своих нарциссически убаюкивающих теорий, институционально приобретенных навыков и терапевтически закрепленных стереотипов.

Поэтому, как мне представляется, по отношению к пациентам все неотягощенные манией всезнания и всеведения психоаналитики в лучшем случае действительно являются профессиональными дилетантами. И это прекрасно, поскольку перед ними открываются неограниченные перспективы как в совершенствовании аналитической терапии, применяемой ко всем тем, кто в ней нуждается, так и в осуществлении психоаналитиками глубинного самоанализа с целью лучшего понимания и самих себя, и своих пациентов.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 11-13

Научный статус психоанализа

А.М.Руткевич

Завершая курс лекций по введению в психоанализ, Фрейд писал: «Я думаю, что психоанализ не способен создать свое особое мировоззрение, ему и не нужно это, он является частью науки и может примкнуть к научному мировоззрению. Но оно едва ли заслуживает столь громкого названия, потому что не все видит, слишком несовершенно, не претендует на законченность и систематичность. Научное мышление среди людей еще молодо, слишком многие из великих проблем еще не может решить. Мировоззрение, основанное на науке, кроме утверждения реального внешнего мира, имеет существенные черты отрицания, как-то: ограничение истиной, отказ от иллюзий. Кто из наших современников недоволен этим положением вещей, кто требует для своего успокоения на данный момент большего, пусть приобретает его, где найдет. Мы на него не обидимся, но не станем из-за него менять свой образ мыслей» (1).

В этой лекции («О мировоззрении») мы обнаруживаем ряд взаимосвязанных мыслей:

а) Научное мышление молодо и несовершенно, оно не открывает последних тайн мироздания, поскольку опирается на опыт, а не на умопознание.

б) Научное мировоззрение поэтому ограничено, представляет собой, скорее, отрицание, чем утверждение какой-то позитивной системы. Наука «ограничивается истиной», она отрицает иллюзии, кладет запреты. Наука - это урок скромности, «смирения человека, который подчиняется Ананке, законам природы и не ждет от благости и милости Бога никакого облегчения» (2).

в) Однако, в природе человека заключено стремление к чему-то большему. Он желает находиться в гармонии с внешним и внутренним миром, он хочет знать тайны Вселенной и собственной души. Более того, он требует «успокоения» от тех страхов, которые вызывают у него небытие позади него и небытие впереди. В религии Фрейд видит неизжитый остаток нашего детства, проекцию инфантильных желаний на внешний мир. Взрослый человек живет по «принципу реальности», а это значит, что он живет без надежды. Наука соответствует взрослому состоянию человечества.

г) Фрейд неоднократно критически отзывался о философии, которая занимается «фабрикацией мировоззрений» (3). Философия претендует на окончательную истину, но держится иллюзии, будто мы можем получить связную картину мира путем спекуляции. Методически, она заблуждается, переоценивая познавательное значение логических операций, признавая интуицию в качестве источника знания. Еще хуже те направления философии, которые характеризуются Фрейдом как «анархизм» и «нигилизм». Отрицание научной истины в релятивистских школах философии ведет к самоубийству разума. Более того, конечной целью этих школ является восстановление в своих правах донаучной мифологии: «Устранение науки освобождает место

для распространения какого-нибудь мистицизма или же вновь прежнего религиозного мировоззрения» (4).

д) Релятивизм для Фрейда несостоятелен потому, что наука накопила определенную совокупность истин, которые не отменяет никакой скепсис: «в более старых и более зрелых науках уже существует фундамент, который только модифицируется и расширяется, но не упраздняется». Фрейд придерживается кумулятивистского понимания истории науки, которая на «медленном, нащупывающем, трудном» пути по кирпичику строит здание научной картины мира.

е) Поэтому психоанализ для Фрейда не имеет какого-либо своего мировоззрения. Психоанализ является частью науки, а потому он «может примкнуть к научному мировоззрению», свои открытия Фрейд сравнивал не с философскими учениями, но с открытиями Коперника и Дарвина. «Как специальная наука, как отрасль психологии - глубинной психологии, или психологии бессознательного - он совершенно не способен выработать собственное мировоззрение, он должен заимствовать его из науки» (5).

Таким образом, Фрейд считал психоанализ частью науки, и если придерживался какой-либо философской традиции, то это была традиция материализма и натурализма.. Любопытно, что в тех же лекциях Фрейд упрекает марксизм за недостаточную «материалистичность», поскольку марксизм является «отголоском... темной гегелевской философии» (6). Такая реакция естественна для любого натуралиста, который не привык к рассуждениям о переходе «класса в себе» в «класс для себя» и к подменам понятий идеологемами.

Тем не менее, одной из самых распространенных версий психоанализа в 20 веке был именно «фрейд-марксизм». Психоанализ вполне совместим и с другими философскими учениями: гностическое богословие Юнга или Оазетбапаузе Бинсвангера и Босса не мешают практике, которая мало чем отличается от ортодоксального фрейдизма. Любые научные концепции могут осмысляться в терминах как натурализма, так и спиритуализма, а потому ни одна конкретная дисциплина не является доказательством истинности или ложности того или иного философского воззрения. Вопрос о научном статусе психоанализа лежит «по ту сторону» философских предпочтений Фрейда или кого-либо из «раскольников».

Сегодня мало кто говорит о «едином научном мировоззрении». Научные открытия уже не ведут к радикальной трансформации имеющейся картины мира, они не вступают в конфликт с религиозными или этическими воззрениями. Только в каких-то «медвежьих углах» фундаменталисты пытаются воспретить преподавание эволюционного учения. Самим словосочетанием «научное мировоззрение» долго злоупотребляли те, кто имел к науке весьма отдаленное отношение. Хотя слова «научная истина» имеют для немалой части населения развитых стран такой же авторитет, каковым ранее обладал догмат религии, честный ученый знает, что наука таким авторитетом по определению не обладает, не говоря уж об отдельном ученом, представляющем одну из наук. Квази-религиозное поклонение науке, возникшее в 19 в., к тому же успело утратить свою интенсивность; набрала

силу диаметрально противоположная тенденция — обвинять науку во всех бедах. Во всяком случае, «единого научного мировоззрения» сегодня просто не существует. Не дает его и академическая философия. Тем не менее, спрос на единое мировоззрение существует. Религия его сегодня не дает уже потому, что религий много — одних только протестантских деноминаций насчитывается более 20 тысяч. Секуляризация порождается современным плюрализмом. Психианализ предлагает нам своего рода мировоззрение. Во-первых, он обещает нам, что ничего не станет навязывать - ответ мы получим из глубин собственного бессознательного. Мы поймем самих себя и станем счастливы. Для такого самопознания не грех три года походить на прием к психианалитику и пойти на известные расходы. «Познай самого себя», «стань самим собою» - не так уж велики затраты, если речь идет о важнейшем. Во-вторых, психианализ рекламируется как наука, что отличает его от подозрительных конкурентов, торгующих кто техникой «утробного крика», кто непонятно как употребляемыми «дарами Востока», вроде тантризма или трансцендентальной медитации, кто самодельной религией. Поэтому всякие сомнения в принадлежности психианализа к науке вызывают горячие возражения.

Ограниченность неопозитивистских критериев демаркации научного и ненаучного знания (будь то верификация или фальсификация) не означает, что эти критерии вообще лишены содержания. Научная теория проверяется опытными данными - без этого нет науки. Факт и интерпретация настолько слиты в психианализе, что проверка общетеоретических высказываний психианалитиков независимыми опытными данными является невозможной. Применяя практически те же самые методы, фрейдисты, сторонники Юнга, Адлера или Хорни приходят к совершенно различным картинам психических процессов: предзаданная теорией картина внутреннего «пространства» обнаруживается пациентами в своего рода инсайте, приносящем освобождение от невротических симптомов. Но один открывает, что у него «Эдипов комплекс», а другой обнаруживает какой-нибудь архетип коллективного бессознательного, типа «Анимы». Конечно, для психотерапевта главным является выздоровление пациента, но психотерапевтические методы практиковали шаманы, жрецы разных религий, мес-меристы и нынешние «целители». В инсайте в качестве истины люди на протяжении истории принимали самые различные, зачастую взаимоисключающие учения.

Многие психианалитики указывают на то, что интерпретация дает связный рассказ того, что ранее было бессвязным и угрожающе хаотичным для пациента. Однако, когерентность не является самодостаточным критерием истинности. Связную картину давала и система Птолемея, и алхимия Парацельса; астрология или хиромантия также дают связный рассказ о прошлом, настоящем и даже будущем своих «пациентов». От того, что больные верят врачу и принимают предлагаемую им картину их прошлой жизни, еще никак не следует, что картина истинна, что упорядоченный рассказ пациента о собственных детских переживаниях повторяет сами эти переживания. Единственным аргументом в пользу той или иной трактовки душевных процессов оказывается согласие с этой трактовкой пациента.

Сама по себе организация психоаналитического сообщества как церкви или политического движения, еще ничего не говорит относительно содержания психоаналитической теории. Вполне представимо сообщество, тоталитарными методами навязывающее какую-нибудь истинную научную теорию и преследующее «еретиков», которые придерживаются ложных воззрений. Но даже в таком (гипотетическом) случае крайне маловероятным будет развитие данной теории, поскольку принятые в качестве догматов положения редко пересматриваются.

Трагикомичность нынешнего положения психоанализа заключается в том, что его сторонники, получившие современное медицинское или психологическое образование, прекрасно знают, что развитие естествознания опровергло целый ряд фундаментальных положений Фрейда, но отказ от этих положений потребовал бы пересмотра практически всех разделов психоаналитической теории. В качестве примера можно привести ленинские тезисы Фрейда, без которых он считал невозможным психоанализ, поскольку тогда рушатся все его аналогии между неврозами, детскими влечениями и социальными феноменами (все эти аналогии предполагают крайне широкую трактовку биогенетического закона). Другим примером может служить теория памяти Фрейда, считавшего, что память индивида сохраняет все с ним происходившее с самого раннего детства. Если его учение о младенческой амнезии ставится под сомнение, то возникает множество вопросов по поводу толкования сновидений, классификации неврозов и психозов (связанных с инфантильными фиксациями либидо), не говоря уж о спекуляциях по поводу «орально-каннибалистической» ступени в истории человеческого рода.

Еще больше уводит от идеалов строгой научности смешение натуралистических и менталистских терминов. Фрейд дал великолепные образцы понимания отдельных невротических нарушений, но он пользуется именно методом понимающей психологии: одни смысловые связи мотивируют другие (за симптомом стоят вытесненные представления). Но эти смысловые связи тут же субстанциализируются, превращаются в универсальные каузальные связи, а это ведет к неверным обобщениям, к подмене многообразия психических явлений упрощенными схемами. Читать труды учеников Фрейда иногда просто скучно: мы уже заранее знаем, каковы основные механизмы, а потому нам уже ведомы основные мотивы человеческих поступков.

Психоанализ все дальше расходится с естественными и социальными науками. В этих условиях возможны три стратегии сохранения психоанализа в ряду научных дисциплин. Первая из них сводится к тому, что психоаналитики негласно перестают повторять наиболее спорные тезисы Фрейда, не вынося сора из избы кое-что меняют в мета психологи и, но оставляют в неприкосновенности все остальное здание теории. Эта позиция господствует во фрейдистской ассоциации, где, при подчеркнутом почитании Фрейда, были пересмотрены многие его положения. Наилучший пример такой стратегии дает эгопсихология. Такие теоретики, как Г.Гартман и Д.Раппопорт приложили немалые усилия для того, чтобы приспособить психоанализ к академической

психологии и психиатрии. Гартман обосновывал принадлежность психоанализа к помологическим дисциплинам, он даже называл психоанализ «естественной наукой о душевном», предметом которой является поведение. Если Фрейд понимал «научность», скорее, интуитивно, чем строго методологически, то эго-психологи попытались применить процедуры и критерии логического позитивизма, обосновывая статус психоанализа как науки, открывающей закономерности человеческого поведения. Подобно всем ученым, психоаналитик высказывает гипотезы, проверяемые в опыте наблюдения. Он способен предсказывать будущее поведение пациента и протекание лечения, имеющего строго установленные стадии. Поэтому психоанализ развивается ко все более точному знанию и он совместим с экспериментальной психологией. Уменьшая значимость влечений, подчеркивая самостоятельность «Я» как инстанции, которую можно «усилить» в процессе психотерапевтического лечения, эго-психологи релятивизировали некоторые доктринальные положения Фрейда. Обо всех влечениях мы знаем по их репрезентациям в психике, а сами по себе влечения не входят в сознание. Конфликты имеются между различными представлениями «Я», а не гипотетическими влечениями. Эти репрезентации можно толковать как феномены или факты сознания, бессознательное не является какой-то локализуемой «внизу» сущностью, а отношение сознания и бессознательного можно понимать функционально, а не субстанциалистски, как то было у Фрейда.

Тем не менее, такая подгонка психоанализа к нормам научности логического позитивизма и бихевиоризма оказывается несостоятельной уже потому, что психоаналитик вообще не наблюдает поведения. Пациент лежит на кушетке и проговаривает свои ассоциации, рассказывает сновидения, а психоаналитик даже не видит выражения его лица. Высказывания пациента о своем прошлом аналитик не может проверить на истинность или ложность. Этого он не может сделать и в силу врачебной этики, и в силу невозможности проверки большинства утверждений, касаются ли они настоящего пациента или его раннего детства. Более или менее прогнозируемыми являются только реакции пациента на аналитика («перенос»). К тому же наблюдения аналитика не являются intersubjectivными: вместе со сменой аналитика (даже принадлежащего к той же ассоциации) может радикально поменяться диагноз, толкование симптомов и сновидений пациента. Представим себе помологическую дисциплину, в которой при смене наблюдателя меняются не только гипотезы или интерпретации, но и сами наблюдения. При этом наблюдаемым «поведением» именуется поток высказываний «объекта», и ни одно из этих высказываний невозможно проверить, а каждая теория способствует не столько лучшему лечению каких-то психических заболеваний, сколько росту числа тех, кто подпадает под новую классификацию (подобно тому, как «Молот ведьм» способствовал росту числа преследуемых ведьм). Значительно более радикальный пересмотр психоаналитической теории был предложен в последние годы рядом психоаналитиков и философов, среди которых к самым далеко идущим выводам пришел Грюнбаум: нужно отбросить практически всю метапсихологию, сохранив лишь то, что получило подкрепление с помощью внеклинических наблюдений или соответствует

общим для всей медицины критериям научности. Все остальное - устаревшие сказки для полуобразованных выпускников колледжей, считающих, что у них «есть» бессознательное только потому, что об этом написано в популярной книжке какого-нибудь шарлатана, получившего от других невежд и обманщиков Ph.D., но не имеющего представления о современной науке, давно разделившейся с этими сказками.

Сходной позиции придерживаются многие другие критики психоанализа, которые не отрицают эвристической ценности наблюдений Фрейда, хвалят психоанализ за накопление наблюдений о поведении и мышлении невротиков, но с порога отметают все претензии психоаналитиков на установление законов психики. Плодотворности эмпирических наблюдений Фрейда не отвергали и такие его бескомпромиссные критики, как Поппер и Ясперс, аргументы которых доныне не утратили своей значимости. Но все эти ценные наблюдения требуют совсем иной теории, свободной от вольного смешения натуралистических и менталистских понятий. Психоаналитическая терапия может остаться той же самой, но теоретическое обоснование со временем неизбежно обретет черты нормальной помологической дисциплины.

Герменевтическая трактовка психоанализа (другая стратегия выживания) является более тонкой уже потому, что отпадают все естественнонаучные опровержения. Фрейда критикуют за «сциентистское самонепонимание» (Хабермас), метапсихология превращается в «метагерменевтику», а все понятия и психические инстанции оказываются терминами «естественного языка» и служат исключительно для восстановления коммуникации, но никак не утверждениями гипотетико-дедуктивной теории. Психотерапия восстанавливает нарушенную коммуникацию пациента с самим собой и с другими, а психоаналитическая теория имеет своим объектом не природный процесс, а интеракцию врача и пациента. Если в жизненном мире имеются каузальные связи, то это, словами Гегеля (и Шелера) «каузальность судьбы», а не природы: даже самые элементарные мотивы представляют собой смысловые структуры, а не чисто природные влечения. Психоанализ понимается сторонниками «глубиной герменевтики» как «эмансипативная наука», которая отличается и от инструментально понимаемого естествознания, и от исторических наук. В общении аналитика и анализируемого происходит трансформация основных установок и ориентации пациента, изменяется его мирозерцание. Учение Фрейда «освобождается» от всех энергетических и гидравлических моделей и приравнивается «критике идеологии», как ложного сознания. Герменевтическая интерпретация психоанализа получила развитие у философов и аналитиков (К.-О.Апель, Ю.Хабермас, А.Лоренцер), которые в большей или меньшей мере являются наследниками Франкфуртской школы. Однако, безоговорочная оценка психоанализа как эмансипативной науки ничуть не более убедительна, чем признание леворадикальной философии в качестве только критики идеологии - левые не только критикуют существующие мифы, но и производят свои собственные.

Психология и социология являются универсальными науками, поскольку изучаемые ими явления как бы разлиты повсюду: даже самые абстрактные физические и математические теории созданы людьми. Психоанализ и

марксизм превращают эти универсальные науки в тотальные. «Смушает здесь то, что под именем науки выступает как раз то, что является противоположностью науки» (7). Утверждения таких тотальных наук имеют самый общий характер и неизбежно перерастают в метафизику. Как системы тотального знания, марксизм и фрейдизм предполагают целостное мировоззрение, тотальную установку у своих адептов. Освоив ее, индивид действительно «освобождается» от других идеологий и мировоззрений: ему становится «все ясно», он способен судить обо всем, что угодно, применяя одни и те же спасительные формулы, будь-то «отрицание отрицания» диалектической логики или «судьбы влечений». Там же, где действует такая тотальная система ... неизбежна индоктринация — большинство адептов этих доктрин принимают их формулы не в результате свободной рефлексии. Только в сознании «левых» (или «новых левых») могло возникнуть представление об особой «эмансипативной науке», когда речь о психоанализе и марксизме.

Сходство психоанализа с идеологией заключается прежде всего в том, что в обоих случаях мы имеем дело с «единствами теории и практики», где теоретическое объяснение не является самоцелью. Они схожи и в том, что желают «обратить», преобразовать способ видения мира Другого. И идеолог, и психоаналитик желают, чтобы Другой видел мир в его перспективе: они отвергают взаимность перспектив, право другого на самостоятельную точку зрения. На место обмена мнениями приходит контроль одного над другим. При этом сами они считают, что обладают истиной, имеющей универсальное значение и не подлежащей критике. «Истина одна, заблуждений много», а потому в попытках пациента отвергнуть интерпретацию психоаналитик видит обусловленное известными ему механизмами «сопротивление», тогда как идеологу понятно, что критика по его адресу обусловлена теми или иными интересами. В обоих случаях постижение искомой истины ведет к трансформации взаимоотношений с миром. Такие теории сами себя верифицируют - их можно отнести к *self-fulfilling prophecies*, и чем прочнее позиции данной теории в обществе, тем больше оказывается число доступных интерпретации явлений. Подтверждения приходят отовсюду, верования объективируются, несогласные умолкают.

Психоанализ не является ни естественной, ни социальной наукой, но это не означает, что он лишен всякого содержания и ничего не говорит нам о современном человеке. Психотерапевты не являются шарлатанами или мошенниками, как не были ими знахари, жрецы или экзорцисты. Психоанализ напоминает те древние учения, которые соединяли философскую спекуляцию с той или иной практикой психической регуляции. От того, что йога, даосизм или дзен-буддизм по своему идейному содержанию очень далеки от бихевиоризма, они ничуть не утрачивают своей привлекательности, причем не только для индийцев, китайцев или японцев. Йог обнаруживает у себя в практике медитации связанные друг с другом чакры, психоаналитик в процессе *Lehranalyse* или его пациент во время лечения находит у себя стадии развития либидо. Это некие виртуальные реальности, открывающиеся только в таком опыте общения или медитации. В ином опыте ничего подобного не открывается. Опыт не сводится к экспериментам науки, в психологии область

квантифицируемого и строго объяснимого вообще крайне незначительна. Пусть психоанализ дает лишь видимость объяснения происходящих в нашей душе процессов, но если бы он не был эффективной формой психотерапии, если бы наши современники вообще не обнаруживали у себя «комплексов», то его бы уже давно не существовало. Он представляет собой Heils- или Erosungwissen человека технической цивилизации, который с немалым трудом приспособляется к жизни в мегаполисах. Древние верования и ритуалы либо ушли, либо существуют на задворках современного общества. Вероятно, сохраняющаяся популярность психоанализа связана с тем, что он представляет собой своего рода мифологию, но она по необходимости приобретает наукообразную форму у получившего университетское образование представителя среднего класса.

Любой историк религии или богослов может заметить, что это довольно убогая система НеПзмзеп, лишенная великих символов и всякой поэзии. Но она вполне устраивает человека большого города, а один из лучших поэтов Германии задавался вопросом: *und wozu Dichter in durftiger Zeit?*

Примечания

1 Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., Наука, 1988, с.415-416

2 Фрейд З. Леонардо да Винчи, М. 1912, с.98

3 *Uch bin uberhaupt nicht fur die Fabrikation von Weltanschauungen. Die uberriasse man den Philosophen die Eingestandenermassen die Lebensreise ohne einer solchen Baedecker der uber alles Auskunft gibt, nicht ausfuhrbar finden.* S.Freud. *Hemmung, Symptom und Angst*, Studienausgabe, Bd. VI.

4 Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции, с.411

5 Там же, с.400

6 Там же, с.412. Далее он пишет о том, что марксизм сам сделался религией, «зловещим подобием тому, против чего он борется», что «произведения Маркса как источник откровения заняли место библии и корана», а большевизм вознаграждает «своих верующих за страдания и лишения настоящей жизни обещанием лучшего потустороннего мира». Там же, с.414-415.

7 K. Jaspers, *Philosophie und Wissenschaft*, in: *Bedingungen und Moglichkeiten eines neuen Humanismus*, Reclam, Stuttgart, S.11.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 13-16

В.В.Старовойтов

Хотя Фрейд смог представить исследование бессознательных процессов психики на уровне научных возможностей своего времени, однако впоследствии психоанализ столкнулся с многочисленными трудностями как в лечении пациентов, так и в обосновании истинности своих предпосылок, что привело к перманентному кризису теории и практики психоанализа. Следует сказать, что предпосылки такого кризиса коренились уже в самих основах психоаналитического учения. В частности, ряд своих постулатов Фрейд оценивал как незыблемые, а не как культурно и исторически обусловленные (такие, как эдипов комплекс, страх кастрации у мальчиков и т.п.). Частично это было обусловлено тем, что, как писала К.Хорни: «В XIX веке знание культурных различий было весьма скудным, и преобладающая тенденция заключалась в приписывании особенностей собственной культуры человеческой природе в целом». Развивающаяся таким образом психоаналитическая схематизация, тяготея к догматизации, распространялась затем на явления культуры и социальной жизни общества, порождая у профессионалов в этих областях возрастание недоверия к психоанализу как научному методу. Данное состояние дел пагубно сказывалось и на клинической практике, и не могло не вызвать сопротивления. Так, например, К.Хорни считала, что «все те препятствия, которые Фрейд считает ответственными за терапевтические неудачи - такие, как глубина бессознательного чувства вины, нарциссическая недоступность, неизменность биологических влечений, — в действительности обусловлены ошибочными предпосылками, на которых построена его терапия».

Для такого мнения были определенные основания.

Во-первых, разработанная Фрейдом техника «классического» анализа была предназначена лишь для лечения невротических пациентов. Всех остальных пациентов, не способных развивать поддающийся анализу невроз переноса, он исключил из числа показанных к анализу лиц. К тому же экспериментальный метод психоанализа отличался отсутствием систематических наблюдений, а его гипотезы часто формулировались таким образом, что были недоступны опытной проверке — дефект, фатальный для научного прогресса.

Во-вторых, Фрейд никогда не развивал теорию доэдипова развития и его трудностей, которые бы дали структурное и динамическое понимание патогенных условий, лежащих в основе психотического и пограничного уровней психопатологии.

По мнению известного финского психоаналитика В.Тэхкэ, те предположения, которые приписывают психологические познания и функции новорожденному младенцу, относятся больше к области веры, нежели знания, и связаны с потребностью аналитиков понять мир опыта субъективно допсихологического младенца или тяжело больного психотического пациента,

при неспособности постигать внутренний мир другого человека без восприятия его Собственного Я. Все это приводит, по мнению В.Тэхкэ, к так называемому «мифу первичного Собственного Я», повсеместно распространенному в психоаналитических теориях раннего развития психики, примеры действия которого представлены, например, «концепцией о частичных объектах; постулированием очень ранних форм тревоги или первичных проективных и интроективных механизмов; рассмотрением улыбчивого отклика младенца как социального феномена; постулатом о желании слиться с матерью; путанием хаоса с творчеством в хаотическом восприятии; полаганием, что посредством генетических интерпретаций можно приблизиться и вступить в контакт с человеком, регрессировавшим к допсихологическому существованию».

Кроме того, с точки зрения структурной теории центральная техническая проблема лежит не в раскрытии вытесненного, не в патогенной роли защитных механизмов, а, скорее, в анализе тех компромиссных образований, которые смогло создать Я. И результатом анализа будет успешное или адекватное разрешение конфликта, а не восстановление вытесненного воспоминания. Подобным же образом в современном психоанализе произошла модификация дуальной теории влечений, если не полный отказ от нее. Как писал Д.Боулби, созданная К.Лоренцом психо-гидравлическая модель инстинкта со своим резервуаром и аккумуляцией энергии, которая несет явное сходство с теорией инстинкта, выдвинутой Фрейдом, в настоящее время дискредитирована, «ибо она не только механически непродуманна, но и неспособна правильно интерпретировать данные. Многие эксперименты в последние годы продемонстрировали, что бихевиоральные паттерны прекращаются не потому, что у них иссякла некая гипотетическая энергия, но потому, что они были «приглушены» или «выключены»». В этой сфере идеи приручения влечения вновь уступают место модели взаимной адаптации, где единицей исследования становится диада младенец-мать, а не сам по себе младенец. С точки зрения межличностных и объектных отношений становится невозможным определить количество влечения или аффекта, ибо то, что является конституциональным, всегда и тотчас взаимодействует с поведением опекающего лица в смысле проявления этих склонностей. Поэтому современные психоаналитики при исследовании обстоятельств возникновения психического заболевания будут искать изменения в окружении и в объектных отношениях, т.е. будут использовать клинический, а не метапсихологический способ объяснения.

Таким образом, возникает необходимость в расширении границ психоанализа, которую следует понимать как «потребность развить теорию и технику психоаналитического лечения для понимания и признания специфических терапевтических потребностей тех пациентов, которые не были способны развить психопатологию невротического уровня, ..., ибо недостаточно развитые структуры пограничных и психотических пациентов ... не позволяют самостоятельно контролировать регресс и, следовательно, делают их неспособными извлекать пользу из таких способствующих регрессу процедур классической техники, как метод свободных ассоциаций, положение лежа или визуальная недоступность аналитика. Недостаток дифференциации и интеграции индивидуальных репрезентаций объекта и Собственного Я не

позволяет развитие терапевтического альянса отдельно от фазово-специфического продолжения задержанных в ранний период развития взаимодействий. Крайняя зависимость этих взаимодействий от объекта, как замены недостающих структур, делает невозможным для этих пациентов отказаться от детского объекта с помощью интерпретаций переноса и их проработки.

Поэтому многие основные процедуры и особенности классической техники могут быть или бесполезны, или опасны, или не применимы в терапевтическом взаимодействии с пациентами, страдающими более тяжелыми нарушениями, чем невроз».

Трудность получения психоанализом достоверных данных связана также с его интерпретативной природой, обусловленной тем, что объект исследования психоанализа - бессознательное - слоисто, и интерпретация должна обнаруживать эту множественность смыслов. Имеется и дополнительная сложность, связанная с тем, что в «науках о человеке «теория» не есть случайный привесок: она участвует в конституировании объекта; она «конститутивна»: бессознательное как реальность неотделимо от моделей - топической, энергетической, экономической, которыми руководствуется теория. Поэтому для более глубокого и точного отражения психоанализом своего предмета исследования требуются более глубокие и гибкие модели, т.е. концептуальный «прорыв», то или иное переосмысление понятий. В этой связи характерно высказывание В.Тэхкэ, что хотя психические структуры традиционно понимаются большей частью как имеющие отношение к трем макроструктурам - Ид, Эго и Супер-эго, однако «со времени введения Гиллом концепции «микроструктур», которая дала статус структуры даже идеям и воспоминаниям, понимание психической структуры и «структуризации личности» стало значительно более гибким и продуктивным».

Таким образом, перед психоанализом, если он хочет обрести статус научной теории, стоят непростые задачи как в клинической, так и в теоретической областях. Однако, как считает А.М.Руткевич, даже если «психоанализ сохранит свою значимость лишь как искусство [сценического] понимания, этого будет достаточно для того, чтобы психоанализ мог играть свою роль эффективной психотерапии, то есть выполнять свою главную функцию, не претендуя ни на роль строгой науки, ни на роль оригинальной философской антропологии».

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 16-17

Фрейд – психоанализ – психоистория: на пути к психологическому объяснению истории

С.Н.Шпак

Ключевский подчеркивал, что при изучении исторических событий необходимо выделить всю совокупность фактов и факторов, обращая внимание в первую очередь на человеческую природу, людское общество и природу страны. К сожалению, человек, его природа и его место в истории долгое время оставались вне исторических повествований и исследований, хотя связь человека и психологии не отрицалась ни кем.

Определенный перелом в сторону психологического историзма, психологического обоснования истории начинает происходить в XIX веке. Появляются концепции «психологии народов», «коллективного духа». Затем им на смену приходят интерпретационизм, историческая реконструкция и социогенетизм, но у всех историко-психологических школ, предшествующих появлению Фрейда, отсутствует главное — всеобъемлющая концепция объяснения исторических событий.

Разработанный З.Фрейдом метод психоанализа стал открытием, которое повлекло за собой изменения во многих сферах научной деятельности. Основное утверждение психоанализа, согласно которому «психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни», делало невозможным по-старому смотреть не только на развитие человека, но и человеческого общества. Уже сам Фрейд переносит свои идеи с индивидуума на общество. «В социальных отношениях людей, - подчеркивает он, — происходит то же самое, что стало известно психоаналитическому исследованию о ходе развития индивидуальных либидо».

Учение Фрейда дало толчок к появлению многочисленных теорий. Возникшая во второй половине XX столетия психоистория основывается на приложении психоаналитического метода к изучению истории, к объяснению развития законов человеческого общества. Основной задачей этой науки является поиск причин исторических процессов и их объяснение. Основной вопрос - «почему?».

Ллойд де Мос, один из основателей психоистории, прямо утверждает, что «психоистория — наука об исторических мотивациях — не более и не менее», де Мос выделяет три типа психоистории:

- 1) изучение истории детства;
- 2) изучение групповых фантазий; и
- 3) психобиографии.

Основой новой науки, из которой вытекают все ее выводы, является изучение способов воспитания детей у различных народов и в различные исторические эпохи, изучение «эволюции детства», которое является причиной всей дальнейшей жизни человека и общества вообще.

Фрейд, как известно, вводит понятие вытеснения, которое определяет процессы психической защиты, травмирующие воспоминания, ощущения переходят из сферы сознания в область бессознательного, продолжая влиять на жизнь человека уже в скрытой, измененной форме. Психоисторики же важную роль отводят психологической травме. Получив ее однажды, человек в дальнейшем, во избежание ее повторения, занимается ее вытеснением, т.е. переносит, проецирует ее на других людей, т.н. «контейнеров зла», и выступает уже в роли обидчика, а не жертвы. Ребенок, выступающий, как правило, в роли жертвы, служит напоминанием своим родителям об их собственном тяжелом детстве. Детям, от которых их родители ждут участия и любви, которые они недополучили в детстве, трудно соответствовать таким ожиданиям, поэтому на них обрушиваются упреки и побои. Поскольку основные травмы, по мнению психоисториков, человек получает еще в детстве (причем под детством понимается не только жизнь с момента рождения, но и жизнь в утробе матери), то способ воспитания ребенка обуславливает его дальнейшее поведение, а, следовательно, и жизнь общества. Человек, который много претерпел в детстве, плохо проживет свою жизнь и на развитие общества будет влиять отрицательно.

История человечества - это история отношений между взрослыми и детьми. Это центральное положение психогенной теории истории, предложенной де Мосом. Эволюция отношений между взрослыми и детьми выступает в ней главным двигателем цивилизации. Всего де Мое выделяет шесть основных моделей отношений взрослого к ребенку в европейской истории - инфантицидный (детоубийственный), эбондональный (оставляющий), амбивалентный (двойственный), интрузивный (навязчивый), социализирующий и помогающий. С каждым поколением взрослые все лучше постигают психические состояния ребенка. По мере улучшения отношения к ребенку, совершенствуется и общество.

При изучении прошлого психоисторики ставят во главу угла не сословные классы как основные движущие силы исторического процесса, а вводят понятие «психокласса», некоей общности людей, связанных не социальными обстоятельствами, а способом своего воспитания, тем, что в них заложено с детства. Таким образом, причиной исторического развития становится не взаимоотношение социальных слоев, а столкновение различных психоклассов внутри общества, или же процессы, происходящие внутри одного психокласса, его бессознательная психологическая жизнь, его нужды и потребности. Бессознательная жизнь общества изучается путем анализа т.н. «групповых фантазий», т.е. идей, овладевших рассматриваемым психоклассом в определенный момент исторического развития. Объяснение появления групповых фантазий лежит в области психологического бессознательного, в необходимости вытеснения группой психологической травмы, полученной в детстве. Вытеснение происходит путем осуществления этой фантазии.

Наконец, третьим видом психоистории, объединяющим первые два, является психобиография - изучение биографии человека с психологической точки зрения, причем психоисторики наибольшее внимание уделяют рассмотрению жизни политического лидера, человека, стоящего во главе

общества и выдвинутого этим обществом (психоклассом). Психобиография объясняет психологические причины формирования данного человека, то, что ему позволило стать лидером и удовлетворить (или не удовлетворить) нужды данного психокласса. Тем самым, объясняются причины взлетов и падений руководителей, их долгая или, наоборот, краткая политическая жизнь и т.п. Первой психобиографией, по мнению психоисториков, является работа З.Фрейда о Леонардо да Винчи.

Необычайно интересна методика работы с историческими памятниками, предложенная Ллойдом де Мосом. Здесь используются как словесные (вербальные) источники, так и не словесные, порой весьма неожиданные. Они относятся к средствам массовой информации. Это, в первую очередь, карикатуры и комиксы, как наиболее ярко и непосредственно раскрывающие настроения общества. Вербальный слой представляют политические документы, речи и пресс-конференции политических деятелей, прежде всего руководителей государства. Используемые документы рассматриваются тоже весьма необычно - выявляются т.н. «скрытые сообщения», информация посылаемая и получаемая на уровне бессознательного. Осуществляется «фантазийный анализ», т.е. из речи выделяются все слова, несущие в себе определенную информацию сами по себе (как бы в отрыве от контекста).

При осуществлении фантазийного анализа записываются все слова сильного эмоционального значения, метафоры, сравнения, символы и все слова, связанные с семьей, такие как мать, отец, сын. Исключаются все объекты и субъекты, все отрицания. Анализ слов, несущих в себе повышенное эмоциональное содержание либо в своем прямом значении, либо в характеристике их звучания (повтор), либо в их близости словам, относящимся к детству и детским психологическим травмам, - дает возможность раскрыть содержание групповой фантазии, понять нужды психокласса, выражаемые прежде всего их лидером. Изучение подсознательных стремлений человека и человеческого общества является одной из сильнейших сторон психоистории.

Психоистория только-только начинает изучаться в России. В Ростове-на-Дону, в издательстве «Феникс», осуществляется перевод основополагающего труда Ллойда де Моса - «Основания психоистории». Автор данного сообщения выполняет перевод его другой известной работы — «Рейгановская Америка» и готовит к изданию антологию по психоистории. Являясь официальным представителем нью-йоркского Института по психоистории в России, он обращается за помощью и содействием ко всем заинтересованным организациям и лицам и предлагает им принять посильное участие в разработке психоисторических проблем и распространении идей новой науки в России и странах СНГ.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 18-19

Фрейд в Европе и в России: парадоксы «второго пришествия»

Н.С.Автономова

Психоанализ существует уже более ста лет. Его основатель мечтал, чтобы он был наукой - научной психологией, а для этого он стремился отыскать соответствия между нейрофизиологическими и психологическими механизмами, прочертить параллели между онтогенетическим развитием индивида и филогенетическим развитием человечества; наконец, использовать психоаналитический сеанс как своего рода лабораторию анализа высказываний пациента и контроля за его душевными процессами. Научный подход к психике должен был, по Фрейду, привести к излечению через осознание - и в этом он был достойным наследником Просвещения. Позднее Фрейд во всем этом усомнился. Соответствия между нейрофизиологическими и психологическими процессами он не нашел, хотя никогда не оставлял надежду на то, что оно когда-нибудь обнаружится. Онто-филогенетическая параллель осталась гипотезой, граничащей с мифом. Надежное излечение предстало как нечто недостижимое, и анализ, учитывающий процессы переноса, протянулся в бесконечность. Послефрейдовское существование психоанализа в западной культуре неотступно сопровождалось вопросом о том, что же такое психоанализ. Если это не наука, как хотелось Фрейду, то может быть это — философия, идеология, мировоззрение, квази-религия, искусство, особая психотехника? За каждой позицией стояли свои доводы, а разные трактовки психоанализа в свою очередь исходили из тех или иных его возможностей. В моих занятиях психоанализом было много разного, и я кратко перечислю эти моменты, так как они указывают на некоторые общезначимые исторические обстоятельства. Поначалу главным в моем интересе к психоанализу был вопрос об эпистемологическом статусе знаний о бессознательном и анализ концепции Жака Лакана (первая статья о Лакане вышла в журнале «Вопросы философии» в 1973 году).

На Тбилисском симпозиуме по бессознательному в 1979 году я - в условном качестве молодого философа - делала пленарный доклад (может быть, потому и пленарный, что некоторые психологи, которым это предлагали, убоялись этой чести). Вскоре после этого симпозиума я перевела книжку («Рождение психоаналитика: от Месмера до Фрейда» и де Соссюра и Л.Шертока), которая десять лет пролежала в издательстве «Прогресс» только потому, что в ее заглавии было слово «психоанализ», и увидела свет только в 1991 году. За последние десять лет, когда наши контакты с западными психоаналитическими «другими» расширились, я неоднократно участвовала в обсуждениях и конференциях, в том числе в знаменитом конгрессе «Лакан и философы» в мае 1990 в Париже, сделав доклад с четырьмя французскими содокладчиками под председательством Ж.-Ф.Лиотара (это событие заслуживало бы отдельного комментария). В течение ряда лет я преподавала в университете Париж 7, одном из немногих, где Жак Лапланш ввел обучение

психоанализу. Мне довелось и самой быть психоаналитическим пациентом (или, как элегантно говорят французы, чтобы подчеркнуть активную позицию пациента, - анализан-том), а поскольку среди моих коллег и друзей во Франции есть профессиональные психоаналитики, но нет ни одного человека, кто просто не прошел бы через психоанализ (причем некоторые находились в этой ситуации свыше 10 лет), беседы с ними немало дали мне для моего понимания того, что психоанализ может и чего он не может. В последние годы я выпустила перевод классического «Словаря по психоанализу» Ж.Лапланша и Ж.Б.Понталиса, тем самым приняв участие в разработке концептуального словаря российского психоанализа.

В данном случае я не буду формулировать какие-либо теоретические суждения о психоанализе. Скорее я попробую рассказать о том, что мне представляется актуальным в современном западном и российском психоанализе, подчеркивая при этом самую возможность несовпадения моментов актуальности - в силу того, что мы находимся в ситуации догоняния и усвоения того, что было выработано не нами, а также отмечая специфику современного этапа возвращения Фрейда в Россию. По-видимому, наш интерес к психоанализу не должен следовать логике простой имитации, если он хочет быть культурно продуктивным.

Первое пришествие Фрейда на российскую почву началось, как уверяют историки, уже с конца 19 века, но шире распространилось в первое послереволюционное десятилетие. При этом акцент ставился на психоанализ как науку и как эмансипативную (освободительную) практику, что предполагало социальные программы заботы о личности и окрашивалось верой в передовую науку, способную решить практические задачи раскрепощения сознания путем его очистки от бессознательного и соответственно (что было особенно важно в послереволюционной ситуации) повышения производительной отдачи. Однако этот период был недолгим: смена социокультурных приоритетов, переход от революционного порыва к централизованному планированию и государственному регулированию упразднили установку на личную эмансипацию и подтолкнули социальное знание к догматизации.

Второе пришествие Фрейда на российскую культурную почву - с перерывом в более чем 50 лет, т.е. начиная с конца 1980-х годов, — совпало с открытием всех ранее закрытых шлюзов, когда на российского читателя вне всякой логики и хронологии обрушилась западная культура последнего столетия. Принятие психоанализа после долгого перерыва несло в себе и шансы открытия, и возможности догматизации. С одной стороны, возникали различные формы «нормальной» работы — издание журналов, переводческая деятельность, создание ассоциаций, практика и обучение (в основном через зарубежных учителей, приезжавших в краткие командировки) и проч. С другой стороны, особенно поначалу, неофитские претензии допускали немало лакировочного догматизма: Фрейд подчас представал как героическая личность, окруженная любящими учениками, как творец нового мировоззрения, а сам психоанализ - как чудодейственное лечебное средство. В отличие от прежнего «научного» и «эмансипативного» интереса к

психоанализу, второе пришествие психоанализа имеет, как представляется, «идеологическую» и «психотехническую» доминанты.

В это последнее десятилетие российской судьбы европейского психоанализа ранний и классический Фрейд, неофрейдистские социальные призывы, парадоксальный «возврат к Фрейду» Жака Лакана, а также восточные психотехники, измененные состояния сознания, нетрадиционные формы религиозного опыта — все это одновременно появилось на книжном рынке и в читательских умах. Таким образом, второе пришествие психоанализа на российскую почву сталкивает нас с множественным раздробленным «другим», чего не было во времена первого пришествия. От этих «других» исходят противоречивые импульсы. Через какого другого и как нам самоопределяться? Чтобы разобраться в этом, необходима мощная просветительская работа. Эта работа отчасти делается, но не во всем и не всегда. Например, работы Лакана переводятся и публикуются, но не сопровождаются ни понятийными комментариями, ни вступительными статьями (в отличие, скажем, от англоязычных публикаций Лакана, сделанных Энтони Уилденом), а потому, выходя в свет, они не становятся предметом обсуждения за пределами самого узкого круга. А жаль, потому что в Лакане, несмотря на всю его словесную заумь, много здравого, а его общий трагический взгляд на человеческую судьбу в принципе гораздо созвучнее россиянину, чем заполонившие книжный рынок американские рецепты быстрого достижения успеха и благополучия.

Хотя нам хочется лечиться побыстрее и поэффективнее, более трезвым, видимо, было бы не обращение к чудодействующим рецептам, а установка на то, что лечение может быть долгим, а его результаты — нестабильными. В принципе, чем шире умения и навыки психотерапевта или психоаналитика, тем лучше, ибо это позволяет выбирать приемы работы сообразно ситуации и варьировать подходы. Должны ли при этом психоаналитики быть врачами или это необязательно? Это вопрос не простой и не однозначный, но мне кажется, что в России и сейчас - должны: слишком у нас неразвиты службы душевного здоровья, и от умения распознавать случаи, где нужна срочная фармакологическая помощь, а где возможна клиническая работа, может зависеть человеческая жизнь. В других странах, как мы знаем, эти вопросы решались по-разному. Во Франции лаканов-ский отказ от медицинской специализации психоаналитиков привлек к психоанализу новые культурные силы, однако он же сделал возможным широту, граничащую с шарлатанством. Но как раз именно в последние годы здесь вновь оживает доверие фармакологии или, как говорит Э.Рудинеско в своей последней книжке «Почему - психоанализ?», вновь возникает ситуация «бегства от бессознательного» (и это, по-видимому, лишь новый виток нестыковок- при нашей нынешней повальной увлеченности бессознательным).

Однако техниками дело не ограничивается: усваивая приемы и средства, нельзя не учитывать различие культурных и идеологических предпосылок. Самый главный момент несовпадения в нашем нынешнем и западном (прежде всего - французском) интересе к психоанализу в том, что западная психоаналитическая ситуация выступает как постсубъектная, а здешняя - как досубъектная или предусубъектная. Так, на Западе общим местом ревизии

психоанализа за последние два десятилетия (проводимой как психоаналитиками, так и философами, например, Ф.Рустаном, О. и М. Маннони, М.Борш-Якобсеном и др.) является мысль о том, что субъект -это устаревшая абстракция, что Фрейд - это архаичный «индивидуалист» и «монадологист» и даже Лакан — излишне классичная (логоцентричная) фигура, которая требует деконструкции. Напротив, как раз «конструктивной» абстракции субъекта и понимания субъекта как зрелого, ответственного индивида нам катастрофически не хватает во всех областях жизни (экономика, право, политика и проч.), а потому актуальной оказывается именно эта «архаическая» задача «конструкции», а не «деконструкции» субъекта. Постараемся при этом уберечься от одного соблазна - поспешного превращения нашей беды (нехватки) в добродетель, когда не пройдя соответствующего этапа развития, мы как бы оказываемся впереди всех: так получается, например, в ситуации с постмодернизмом, когда из своего недорасчленившегося синкретизма мы поучаем тех, кто сначала усердно анализировал и выработывал свои абстракции, а теперь впал в игру всесмешений и эклектики.

Почему же, однако, я сейчас ставлю этот общий вопрос о субъекте применительно к психоанализу? Дело в том, что психоанализ имеет привилегированный доступ к самому важному и во всяком случае первичному «месту» формирования субъекта - к его вызреванию и структурированию в рамках семьи. Речь идет о трудном процессе телесного созревания человека при сверхдлительном (в сравнении с животными) периоде его зависимости от других людей, так что шрамы от такого вызревания человек, как правило, несет на себе всю взрослую жизнь, если ему вообще удастся вырасти — не в биологическом, а в социальном и психологическом смысле слова. К сожалению, мы не располагаем надежными социологическими данными о структуре и динамике семьи; однако, на основании личных наблюдений (здешних и западных), я все же берусь утверждать, что наше слово «семья» скорее омоним, чем синоним семье в ее западном понимании и функционировании, и что, изучая различные формы психоанализа, мы обязаны учитывать эти культурные и социально-психологические различия.

При попытках сопоставить опыт часто возникают затруднения даже в пределах общей системы понятий. Так, нам кажется, что французы, например, находятся под властью навязчивых идей семейного треугольника, четкого разграничения материнских и отцовских ролей, надоедливой дистинкции. Напротив, французам кажется, - в данном случае этот акцент восприятия существен - что мы ярко воплощаем доэдиповскую, инцестуозную — то есть детскую фазу развития, когда человек не подвергся «кастрации», или опыту добровольно принимаемых лишений, не прошел необходимой инициации, или, иначе говоря, не научился от чего-то отказываться, чтобы взамен что-то мочь и уметь, он не принял над собой власти Закона. В общем виде речь идет о том, что в российской семье во многом затруднен процесс межпоколенных трансмиссий, не достаточно дифференцированы половые, родительские, семейные роли. Вследствие всего этого обычны ситуации, при которых один из родителей претендует на роль обоих, старшее поколение вмешивается в жизнь

взрослых детей, взрослые дети проживают с родителями, бессознательно отказываясь от собственной взрослой жизни, возникает всеобщая путаница, при которой все мы друг другу — братья-сестры или матери-отцы, границы между публичным и личным пространством постоянно нарушаются, люди берут на себя не свои роли и навязывают свой выбор другим и проч. Психологические корреляты всего этого — вина, тревога, жертвенность. Различные коллизии взрослой жизни (и весь набор сценариев типа «муж пьяница и жена страдалница», девиз «а я его спасу» и др.) укоренены в проблемах семейного детства. Конечно, многое тут связано с нашей экономической отсталостью (наверное, чтобы выживать в качестве «атомарного индивида», нужно быть богатым), но что-то, видимо, и с культурными стереотипами и привычками.

Вполне резонно предположить, что недостаточная дифференцированность семейных и половых ролей мешает и другим формам самоидентификации человека как члена гражданского общества. У нас общество еще не сложилось, не нарастило мускулов, оно в целом нередко трактуется как «одна большая семья» («теплое» и «сердечное» место): неслучайно нас призывают «голосовать сердцем», полагая, что такое голосование объединяет людей поверх всех культурных и социальных различий. Итак, в разных психоаналитических языках эта российская специфика семейных структур и позиции субъекта именуется по-разному. В мифологичном языке Фрейда речь пойдет об Эдипе, инцесте, кастрации (точнее, о непройденности Эдипа, о неспособности отказаться от детских претензий на всевластие ради способности играть настоящие взрослые роли) и др. В невещественном языке Лакана речь пойдет об Имени-отца, о символическом, о механизме отвержения реальности (1Ъгс1изюп). Однако какой бы ни была избираемая нами система психоаналитических терминов, важно улавливать точки актуальных несовпадений в тех социальных и психологических реальностях, которые стоят за психоаналитическими схемами.

Хотя при этом сопоставления между различными психотерапевтическими техниками по эффективности результатов трудны или даже невозможны, из этого вовсе не следует, что у психоанализа нет своей специфики. Психоанализ, по-видимому, является особой экспериментальной ситуацией изучения опыта человеческого созревания и структурирования в семье через работу с языком. Именно в языке так или иначе фиксируются нарушения или нехватки структурирования семейных отношений, ролевые нечеткости: например, ассоциативно-словесные скольжения в терминологически значимых местах могут указать на те места в ткани бессознательного, где нужна «ортопрактика». Люди, не прошедшие психоанализа, особенно - в его лингвистически заостренных французских вариантах - как правило, не отдают себе отчета в специфике психоаналитического отношения к языку. Ведь в психоанализе, строящемся вокруг идеи бессознательного как языка, психоаналитик вообще не разговаривает с нами, не отвечает на наши вопросы, не ведет с нами ничего похожего на диалог или обсуждение, но лишь возвращает нам фрагменты

нашей речи, так что его искусство заключается в расчленении нашего речевого потока, в самом выборе этих значимых фрагментов.

Такое отображение неосознаваемого (или неполностью осознаваемого) представляет собой рефлексию совершенно особого рода. Схваченное в языке удерживается прочнее, чем построенное воображением, и охватывает более широкую область, нежели сфера собственно осознанного. Возможность построения высказывания и тем более - целого рассказа о своей жизни - иногда оказывается единственным средством динамизации заблокированной ситуации, а предъявление нам нашей собственной речи другим человеком - единственной возможностью встать во внешнюю позицию, как-то отнестись - к себе, к другим, к знанию. Психоанализ не сводится к теоретическим конструкциям, постигаемым из книг, и не может быть подменен, скажем, грамотными социологическими данными, которые бы рассказали нам все о семейных или половых ролях и даже показали на примерах, как происходят конкретные подмены ролей. Подобно тому, как мы не можем увидеть себя, не имея зеркала, так рефлексивность, связанная не с образом, а с вербализацией опыта переживания, требует присутствия другого, который обеспечивает нам «возвраты» нашей речи на слабо контролируемых нами уровнях. Излечение через осознание, о котором говорил Фрейд, - это утопия. Но не утопия — структурирование представлений, фантазий, образов себя, собственного тела, ближайших других, когда человек, постигая, что он лишь один среди многих, а не единственный в мире или у своей матери, учится быть «другим», сходит с наезженной колеи, на которой бесконечно повторяются чем-то «выгодные» ему жизненные неудачи.

Одна из важнейших тем, четко поставленных в психоанализе, но выходящих за рамки психоанализа, связана с механизмом принципиального промедления в работе психики, с «последейственностью» (Масгйгаед-Пспкей). Язык выступает прежде всего как носитель радикальной отсроченности, неданности, травматичности опыта, в котором непосредственное и прямое постижение было бы разрушительным. Из-за того, что человек созревает медленно и процессы биологического, психологического, социального взросления несинхронны, этот отрыв наблюдаемого от осмысляемого для него неизбежен. Деконструктивные подходы к психоанализу используют механизмы последействия для расщепления инстанции субъекта в сети следов и подтверждения роли влечения к смерти. Изучая феномен последействия как механизм возникновения травмы и ее психоаналитической проработки, я напротив, пыталась показать, как отсутствие доступа к языку в ранний период и затем овладения языком определяет и структурирует психоаналитические «факты» - одновременно и многомерные, и многостадийные, что собственно и затрудняет все попытки «верификации» психоанализа в рамках философии науки.

Итак, сталкиваясь ныне с многообразными «другими» западного психоанализа, мы находимся, как и в ряде других сфер культуры, в ситуации радикального отставания. Однако от нас самих зависит, будет ли этот процесс простым повторением задов. В принципе новый культурный контекст вполне может стать обогащающим - если только у нас хватит сил обратиться через

дебри несоизмеримых психоаналитических жаргонов, уже выработанных на Западе, критически-конструктивно отнестись и к себе, и к чужому опыту и позаботиться о выработке не только своего языка, но и некоего психоаналитического метаязыка, которого не существует и в Европе. Ситуация запаздывания нас к тому побуждает и одновременно дает нам шанс. Кроме того, как ныне нередко подчеркивается, накопленный Россией опыт (прежде всего - художественный, например, у Достоевский) и поныне остается кладью психоаналитических прозрений, а те западные исследователи, кто внимательнее прорабатывал этот материал, открыли в Достоевском новые для психоанализа моменты. К сожалению, радоваться этим открытиям не приходится, ибо речь идет о новых формах агрессивных и деструктивных влечений (например, агрессии родителей по отношению к детям), но все равно - о человеческих пределах и границах лучше знать как можно больше правды и иметь на этот счет как можно меньше иллюзий. В артикулированном виде этот материал может стать не только предметом эстетического отношения, но и источником более глубокого понимания человека, тем более что наш душевный опыт не абсолютно экзотичен: он выявляет тенденции, которые в Европе были приглушены веками социального развития, но могут вырваться наружу в критические моменты истории.

Нам сейчас позарез необходима выработка грамотного и связного языка для описания душевного опыта, ибо повсюду мы сталкиваемся с захлестом эмоций, неумением отделять тезисы собеседника от своих собственных, оперировать механизмами переноса, проекции, идентификации, учитывать конфликтность и резкую смену душевных побуждений, которую (грешить и каяться) Фрейд фиксировал на материале Достоевского. В разные моменты русская культура демонстрировала мало желаний измениться, потакая эмоциям и состояниям жертвенности, вины, страдания, подкрепляющим ее облик как ярко чувствующей, хотя и не глубоко мыслящей, причем само наличие травм нередко выступает как алиби против мысли: мы слишком много страдали, чтобы понимать. В наши дни этот стереотип, по-видимому, входит в противоречие с потребностями развития и взаимодействий с другими культурами. В свете психоаналитического опыта — учета длительного периода накопления впечатлений при неспособности их осмыслить — полезной будет проработка тонких зависимостей познания от эмоций и аффектов.

Однако нам важно помнить главное: психоанализ — это не путь потакания амбивалентным эмоциям, но скорее способ обучения культурным разрывам — межпоколенным, межполовым, межролевым; не потворство беспорядку, а напротив — установление порядка в душе и поведении через проработку боли и хаоса.

Хочется сказать: так будем учиться с помощью психоанализа трезвому дистинктивизму, а не синкретичности, которой у нас и без того хватает.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 21-24

Психоаналитическая философия и русский космизм

Д.П.Брылёв

Неклассическая психоаналитическая философия Зигмунда Фрейда неоднократно привлекала внимание различных мыслителей, пытавшихся использовать его оригинальные идеи и теории для развития, подкрепления, объединения или синтеза с другими философскими направлениями, течениями и школами.

Одной из наиболее ярких и значительных попыток такого рода явилась попытка определенного объединения фундаментальных идей психоанализа и философии русского космизма, предпринятая в 20-х годах XX века.

Автором ее стал российский философ и поэт Александр Константинович Горский (1886-1943).

На протяжении ряда лет А.К.Горский увлекался психоаналитическими идеями З.Фрейда и активно осваивал их. При этом, как показал В.И.Овчаренко (Овчаренко В.И., Лейбин В.М. Антология русского психоанализа. М., 1999, Т. 2, с. 518-519), особое внимание А.К.Горский уделял адаптации и развитию учения З.Фрейда об Эросе как «влечении к жизни», противостоящем силам деструкции и смерти.

В 1924 году А.К.Горский опубликовал работу «Огромный очерк», посвященную концептуальным идеям преобразовательной, регулятивной эротике и использования ее для регуляции психики, преображения тела и высшей нервной деятельности. Он считал, что в глубинах Эроса таится жажда «космического расширения существа». В контексте психоаналитической философии З.Фрейда и философии русского космизма (особенно философии общего дела Н.Ф.Федорова) А.К.Горский исследовал проблемы «переустройства психики», «психологического переворота» и «создания «новой психики».

Высоко оценивая «огромные завоевания психоанализа», А.К.Горский считал, что «философия общего дела» «естественно должна принять в свое русло одно из самых плодотворных научных достижений нашего века — психоаналитическую школу Фрейда», ряд идей которой сопрягается или тождественен догадкам и утверждениям Н.Ф.Федорова» (Овчаренко В.И., Лейбин В.М. Антология русского психоанализа. М., 1999, Т. 2, с. 518-519). В общем разделяя идеи христианского эволюционизма и продолжающегося творения, А.К.Горский полагал, что большая доля влечения к смерти, образуя опорный уклон автоэротического возбуждения, входит непременно элементом в состав полового инстинкта, так как все процессы сексуального развития и случаи регрессии построены на смешении в тех или иных пропорциях или на разъединении двух основных родов влечений. Поэтому, по мнению А.К.Горского, амбивалентность эротических эмоций следует оценивать как результат разъединения или чаще не доведенного до конца смешения влечений, в связи с чем эпилептический припадок, половой акт, эякуляция или органодеекция (частный случай органопроекции) возникают в

результате внезапного разъединения смешанных влечений. В этом случае, как полагал А.К.Горский, смерть являет собой предельный случай органодеекции как кульминационный пункт в степенях нарастания сексуального оргазма (эякуляция, кастрация, оскотление, обезглавливание, разрезание на части и т.п.). По его мнению, в бессознательном символическом мышлении смерть всегда отождествляется с матерью, т.е. влечение к смерти есть желание снова войти в утробу матери (земли). Надо отметить, что концепция матери-природы (судьбы), рождающей и умерщвляющей своих детей, в общем отразилась в образе древнейших божеств, которые живут в языке и культуре и влияют на подсознательную сферу. В качестве примера такого влияния А.К.Горский часто упоминал об инфернальной лексике и русском обыкновении отсылать к матери, что, по его мнению, равнозначно пожеланию смерти.

Современный момент культурного развития передовых слоев человечества А.К.Горский считал неблагоприятным в виду существования большого количества «лишних людей». В понимании А.К.Горского, утонченность организации ведет у вырождению, т.е. он считал, что существует некий роковой предел, за которым неизбежно следует огрубение и одичание. С одной стороны, по мнению А.К.Горского, ограничение стихийных процессов генитальной эротики является залогом культурного прогресса, с другой стороны, «расширение эрогенных зон до совпадения их с поверхностью всей кожи и умение достигать «тихого» эротического разряда в каждом мышечном содрогании, накапливая бесконечные культурные ценности, не обеспечивает все-таки сохранности самой жизни и не создало доселе даже тех неэкономических способов пересадки ее на новую почву, какие выработаны в половом размножении животного-растительного мира» (Горский А.К. Огромный очерк. / Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М., 1995, с. 241). К этому можно добавить мнение З.Фрейда, который признавал источник возникающих трудностей в противоречии почти биологического свойства, в дисгармонии коренных органических влечений.

А.К.Горский признавал, что логика фактов и тенденций культурного прогресса, приводящая к мрачному прогнозу некоторых ученых, напоминает картину будущего Земли и человечества в воображении ряда поэтов (в качестве примера он приводил произведение Баратынского «Последняя смерть»).

Пожалуй, особо А.К.Горский выделял стремление к синтезу в изображении образа, т.е. сочетании мужских и женских черт в той или иной гармонической пропорции; полагая, что такой образ мог бы, бесконечно зеркально расширяясь, вместе с тем оказаться достаточно четким и устойчивым. Хотя, по А.К.Горскому, такая задача до сих пор не решена и даже не поставлена сознательно и отчетливо, в связи с чем вместо синтеза вынужденно довольствуются компромиссом. Таким компромиссом, в понимании А.К.Горского, является всякий стереоскопический образ, т.е. образ с суженным и затемненным фоном; всё это сводится к одному центральному образу, а именно к образу старухи (примером тому произведение А.Иванова «Стереоскоп»). Старуха есть некий синтез между стариком и девушкой, но синтез, где все преимущества на стороне старика, потому что в старости, по А.К.Горскому, женский организм несколько перестраивается на мужской лад.

Идея А.К.Горского об образе старухи представляется спорной, поскольку изменения в организме, происходящие в старости, не являются основной причиной появления такого образа, если только не существует других содействующих причин (ассоциаций).

В понимании А.К.Горского, лирика и музыка есть не что иное как море волнений, координируемое образом музыки, т.е. той степенью автоэротического возбуждения, на которой начинается раскрытие фаллического зрачка; в этом случае всё становится зеркальным, всё внешнее воспроизводит этот образ в разных вариантах, составляя с ним одну стройную систему волнений. Высшая степень прозрачности (красоты), по А.К.Горскому, концентрируется именно в образе молодой девушки, потому что в нем мы имеем наиболее часто повторяемый, воспроизводимый и поэтому легко представляемый тип того избытка органической энергии, при котором борьба за преобладание над внешней средой переходит из обороны в наступление.

Противоположность смерти - жизнь - А.К.Горский пытался осознать посредством идей и методологии «философии общего дела» Н.Ф.Федорова. На первое место А.К.Горский ставил следующие лозунги (как он их сам называл) Н.Ф.Федорова: «нет смерти вечной (абсолютной), а уничтожение временной есть наше дело и наша задача», «жить должно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех», «объединение всех живущих имеет целью работу над воскрешением всех умерших».

А.К.Горский противопоставлял регуляцию и творческое управление как норму истинного отношения человека к природе эксплуатации, истощающей природные ресурсы без умения их восстанавливать. Пересоздание физического мира А.К.Горский видел в радикальном переустройстве психики. Более того, он считал, что мысль о возможности действительного управления космосом становится определяющей в поведении человека по мере происходящего в нем психологического переворота (по Н.Ф.Федорову, «обращения сердец сынов к отцам»). Принципиально важно, что, согласно А.К.Горскому, «в этом пункте проектика «философии общего дела», естественно, должна принять в свое русло одно из самых плодотворных научных движений нашего века: психоаналитическую школу Фрейда» (Горский А.К. Организация мировоздействия / Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М., 1995, с. 147). По его мнению, школа З.Фрейда смогла определить психические причины смерти: на множестве примеров показать, что смерть в обыденном понимании является бессознательным самоубийством (см., например, работу К.Абрахама о Джиовани Сегантини).

А.К.Горский считал и акцентировал идею о том, что основы душевных движений и жизненных установок психоанализ ищет в психике раннего детства, в том числе и потому что в ребенке живет чувство идеи воскресения и воскрешения. По мнению А.К.Горского, ребенок отождествляет смерть с отсутствием, и остаток этого детского представления и чувства проявляется в сновидениях взрослых; отсутствие же чувства вечности у ребенка объясняется его неиспорченностью воспитанием. А.К.Горский полагал, что массовые коллективные внушения (одним из главных видов которого является воспитание) есть отрицательный фактор истории. Поскольку психоанализ дает

основания утверждать, что бесконечные инфантильные травмы являются источниками затормаживания деятельности человека по творческому овладению природой. А.К.Горский предложил поставить под сомнение привычность факта смерти.

Психоанализ, в понимании А.К.Горского, отнюдь не тождествен пансексуализму и не страдает им. А.К.Горский считал, что З.Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) выдвинул ту же идею, что и Н.Ф.Федоров в «Философии общего дела», а именно, что вопрос о силе, заставляющей два пола соединиться в одну плоть для перехода в третье существо посредством рождения, есть вопрос о смерти. По мнению А.К.Горского, всякого рода сублимации полового влечения, накапливая культурные ценности, не обеспечивают сохранения самой жизни и не создают ничего похожего на те примитивные и расточительные способы пересадки жизнестаренных клеток на новую почву, какие выработаны практикой размножения животного-растительного мира. Именно в дисгармонии коренных влечений человеческого организма, по А.К.Горскому, З.Фрейд усматривал противоречие почти биологического свойства.

А.К.Горский полагал, что овладение бессознательным для З.Фрейда означает прекращение процесса вытеснения. В отличие от З.Фрейда Н.Ф.Федоров понимал вытеснение более широко и определял сам способ нынешней жизни как вытеснение младшими поколениями старших, т.е. детьми родителей. Отсюда можно сделать вывод, что вытесняя отцов из жизни внешней (физической), а их образы из жизни внутренней (психической), сыновья те самым уродуют свою психику и поэтому не в силах сами сохранить свою жизнь. Вот почему А.К.Горский настаивал на том, что «поворот сердец сынов к отцам, как бы он ни был по внешности скромн и незаметен, будет событием космического значения. Небозримы его следствия в плане религиозном, художественном, научном и трудовом» (Горский А.К. Организация мировоздействия / Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М., 1995, с. 152).

Таким образом, А.К.Горский предпринял попытку раскрытия религиозного смысла Любви, возможности благодатного действия всех видов силы и энергии, данных человеку природой. Он раскрыл федоровское понятие регуляции, утверждая неразрывность внешнего воздействия на мир (метеорологической, космической регуляции) и внутренней (психофизиологической) перестройки человеческого организма.

В результате А.К.Горский отчасти соединил в своей концепции философское учение о воскрешении отцов Н.Ф.Федорова с некоторыми философскими идеями психоанализа З.Фрейда.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 24-25

**О прошлом и будущем одной иллюзии
(Заметки на полях книги А.М.Эткинда «Эрос невозможного»)**

А.И.Жеребин

В книге «Эрос невозможного» (1993) А.М.Эткинд приводит следующее суждение Фрейда о русских, переданное Г.Саксом: «Эти русские как вода, которая наполняет любой сосуд, но не сохраняет форму ни одного из них».

Перевернув отношение, можно было бы сказать, что на протяжении XX века пространство русской культуры втягивало в себя субстанцию психоанализа, стремясь перестроить ее по структуре своего языка и порождая целую семью двойников, несущих на себе печать времени своего появления на свет. Старшего зовут мистиком, среднего марксистом, младшего историком. Последний хорошо знает о том, что психоанализ представляет собой лишь один из наиболее влиятельных «метадискурсов» завершившейся эпохи модерна и заслуживает не больше доверия, чем любая другая из «объяснительных систем» в рамках просветительского проекта эмансипации личности.

Выступая от лица младшего из русских двойников Фрейда, А.М.Пятигорский, полагает, что время для восприятия фрейдизма русской культурой безнадежно упущено: В разные периоды времени он считался то откровенным идеалистом, то вульгарным мезанистом, то модернистом, то реакционером. Все руки не доходили. И вот теперь, когда казалось, что уже могли бы и «дойти», оказывается, что ... поздно, да вроде бы и незачем. Для такого культурного опыта как психоанализ, время, пожалуй, упущено, Но зато (о, великое «зато» - вечный русский заменитель потерянного шанса!) есть время подумать о психоанализе как интереснейшем феномене культуры.

В плане истории культуры Фрейд - мыслитель эпохи «переоценки всех ценностей», когда центральной темой европейской культуры становится кризис личности и сознание иллюзорности мира — горький итог рационалистического романа воспитания, вобравшего в себя историю человека Нового времени.

На протяжении этой истории личность все решительнее подчиняла окружающую действительность своей власти, утверждая значение человеческого Я как центральной организующей инстанции душевной жизни и процесса познания. Последней вершиной на пути восходящего Я явилось научное мировоззрение второй половины XIX века.

Кризис личности явился кризисом этого мировоззрения. Мир, созданный и упорядоченный рационалистическим сознанием, предстал на рубеже веков как нагромождение лжи, поработившей своего создателя, как обманчивая и враждебная фикция, заслонившая какую-то освободительную правду. Модернизм начинался с осознания действительности как тяжелого сновидения и с попыток человека стряхнуть с себя тот мучительный сон, в который он сам себя погрузил.

Утратив опору в действительности, человеческая личность теряла и самое себя, свое Я, обусловленное соотносительностью его с не-Я. Когда на месте не-Я образовалась пустота, там начали кривляться двойники распадающейся, дезинтегрированной личности. Мотивы зеркала, двойника, маски, сравнения жизни с игрой, маскарадом, театральным представлением, пляской призраков - все эти обычные и характерные для литературы «конца века» мотивы отвечали тому чувству жизни, о котором писал, например, Гофмансталь: Мы — призраки, мечущиеся в несуществующем мире.

В австрийской культуре формулой деперсонализации стал, как известно, афоризм Эрнста Маха, *Das ich ist unrettbar*. Герман Бар сравнивал Маха с Коперником, который доказал, что человек - не центр Вселенной, а лишь песчинка, затерянная в ее хаосе. После Маха, писал Бар, стало очевидным, что эта песчинка, остававшаяся нашей единственной надеждой, и вовсе не существует— стихия нашей жизни не истина, а иллюзия.

С Коперником сравнивал себя позднее и Фрейд, добавляя к числу своих предшественников имя Дарвина. В своей 18 лекции он говорит о трех оскорблениях, нанесенных наукой наивному самолюбию человечества — «Первое, когда оно узнало, что наша земля не центр Вселенной, а крошечная частичка мировой системы, величину которой едва можно себе представить. Оно связано для нас с именем Коперника... Затем, второе, когда биологическое исследование уничтожило привилегию сотворения человека, указав ему на происхождение из животного мира и неискоренимость его животной природы. Эта переоценка произошла под влиянием Ч. Дарвина... Но третий, самый чувствительный удар по человеческой мании величия было суждено нанести современному психоаналитическому исследованию, которое указало Я, что оно не является хозяином даже своим собственном доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно».

Но чем решительнее осуществляется на рубеже веков развенчание личности, чем острее осознается деперсонализация, тем отчетливее выступает на передний план и потребность в восстановлении целостного Я - не в прежних его границах, слишком узких и потому подлежащих разрушению, а в образе нового человека. Кризис культуры, в атмосфере которого появилось учение Фрейда, означал не что иное, как осознание противоречивости имеющихся знаний о действительности, недостаточности их для конституирования человеческого Я и напряженные поиски такого знания, с помощью которого детерриториализованная, утратившая привычную духовную территорию личность могла бы ретерриториализоваться и утвердить свою идентичность на почве новой истинной реальности.

Фрейд исследовал не внеисторические неврозы, но человека в контексте конкретной культурно-исторической ситуации, когда неврозы получили значение признака эпохи и не только в литературе, но и в реальной жизни утвердился тип нервного человека переходной эпохи, для которого все, что он имеет, потеряло цену, и он хочет того, чего нет на свете. Именно

такая общеевропейская ситуация обусловила внимание русской интеллигенции к Фрейду, сделав возможной их встречу, которая как каждая такая встреча предполагает наличие общего, хотя и прочерченного национальными границами, культурного пространства, обеспечивающего переводимость чужого текста.

Известно, что объективной основой проникновения текстов одной культуры в другую является их взаимная изостадиальность. Применительно к России и Австрии эпохи возникновения и первых успехов психоаналитического метода такая изостадиальность особенно очевидна. На рубеже веков обе некогда могущественные империи стояли на пороге гибели, и общеевропейский кризис сознания переживался в обеих странах с максимальной остротой, создавая общий горизонт апокалиптических ожиданий. По выражению Карла Крауса, Австрия представляла собой опытную станцию для проведения эксперимента под названием «конец света»; соседней опытной станцией была Россия, где тот же эксперимент проводился с аналогичным радикализмом.

На уровне философских концептов и художественных конструкций национальная специфика обнаруживала себя, разумеется очень явственно: русские современники Фрейда, Василий Розанов или Николай Бердяев решали, например, проблему пола и вообще проблему соотношения природы и культуры принципиально иначе, чем Фрейд, но само одновременное выдвижение этой проблемы свидетельствует о том, что при всем национальном своеобразии конкретных концептов все они были овеяны дыханием одного времени, находились как бы на общем столе или в одной чаше.

Чувство жизни, объединившее русскую и австрийскую культуры на рубеже веков кристаллизовалось, на мой взгляд, отчетливее всего в форме эсхатологического мифа о преображении и раскрепощении человеческой природы, о трансформации природы в культуру. Последняя предстала в конце прошлого века как тонкий слой над бездной, как прозрачная ткань, подсвеченная хаосом, и задача заключалась в том, чтобы хаос domestizieren, вплести его в ткань культуры, придав ей этим необходимую прочность. Настроение мессианской тоски, предчувствие великих канунов характерно в этом смысле не только для мечтательных русских мыслителей той эпохи, но и для Фрейда, выступавшего под маской трезвого ученого-позитивиста.

Подобно тому как русский символизм никогда не был только литературной школой, психоанализ не был только позитивной научной теорией. Воспитанник классической гимназии, Фрейд обратился к естествознанию под влиянием произведений Гете, а врачом стал неохотно и под влиянием обстоятельств. Сам объект его научных интересов традиционно принадлежал к сфере искусства, художественного познания и Фрейд чувствовал с острой завистью, что он только тень, только двойник поэта, который, хотя и не всегда знает, что говорит, но говорит, тем не менее, всегда первым. Совершенствуя инструментарий научного познания, слишком

грубый для избранной им материи, Фрейд навлекал на себя многочисленные упреки в беллетризации и мифологизации науки, а, главное, в том, что медицина становится у него служанкой филологии и философии истории.

Известно, что эпохи культурного перелома обуславливают тенденцию к универсализации знания, за которой стоит потребность придать науке статус мировоззрения, статус идеологии, способной легитимировать новую картину действительности. Просветители XVIII века мечтали о создании универсальной науки о человеке, возводя в ранг такой науки эмпирическую психологию. Фрейд возвращался к этому проекту не менее решительно, чем Эрнст Мах, призывавший устранить дихотомию естественных и гуманитарных наук, поскольку любой предмет принадлежит обеим ветвям знания.

Признав, хотя и не без сопротивления, правомерность экстраполяции психоанализа на гуманитарные дисциплины, Фрейд способствовал разрушению границ - не только междисциплинарных, но и границы между наукой и мировоззрением. Когда в 1910 году Карл Юнг предлагал превратить психоанализ в новую религию, он не предавал своего учителя, а только развивал его взгляды: переход от лечения невротиков к исцелению человечества должен был казаться не менее естественным, чем создание модели человеческой природы на основе исследования психики душевнобольных.

В тот момент, когда человек думает о смысле жизни, он болен. - замечал Фрейд в разговоре с Марией Бонапарт. Но раздумья о смысле жизни являлись характерным признаком людей того общества, в условиях которого зародился и получил развитие психоанализ. Первые пациенты и врачи, менявшиеся порой местами, казались себе членами религиозного братства, скрепленного верой в близкое преображение человека. Позднейшее развитие психоанализа дает основания для упреков его в том, что душевное здоровье, обретаемое с его помощью, означает торжество европейского мещанина или, в более поздней терминологии, одномерного человека, который хочет избавиться от своих невротиков, чтобы ничто не мешало ему делать деньги и карьеру. Но для членов психоаналитической церкви это было далеко не так. Занимаясь психоанализом, они ставили эксперимент над собственной личностью, впускали в свои души тот ницшеанский опыт безумия, который обещал интеллектуальный прорыв от знака к концепту, к познанию последнего смысла вещей и обретению власти над ними.

Граница между наукой и мировоззрением, изначально в психоанализе нечеткая, окончательно размывается, когда теория Фрейда попадает в пространство русской культуры с характерным для нее романтическим идеалом целокупного знания, культуры как универсального синтеза. Русская культура, писал Ф. Степун, характеризуется ярко выраженной иерархической структурой. Она не строится по типу западноевропейского университета как совокупность автономных областей, обладающих самостоятельным значением и ценностью. Каждая область имеет свой центр не в самой себе, но парадоксальным образом вовне, на границе с областью более высокого порядка. Наука центрирована в философии, философия в искусстве,

искусство в религии, религия в жизни, которую она должна преобразить. Всякое конкретное, относительное знание обретает свое значение лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, -абсолютной истины и абсолютного спасения. В этом состоит принципиальный радикализм русской культуры. Именно радикализация научной теории Фрейда, т.е. перенос акцента на идеологию и образует доминанту ее русской рецепции. Научные открытия Фрейда содержали в себе потенциал революционного мировоззрения, и русские интерпретаторы этот потенциал актуализировали, примеряя фрейдизм к господствующим метанарративам своей культуры - с одной стороны, к марксизму, с другой - к символизму.

Как уже не раз подчеркивалось в литературе, фундаментальный принцип модернизма есть идея некоей первичной, истинной реальности, скрытой под условными знаками и системами культуры и определяющей их исподволь. Учение Фрейда о скрытой от самого человека истинной реальности его бессознательного, проявляющего себя в системе знаковых субститутов, входило в общую культурную парадигму модернизма наряду с символизмом и марксизмом. Но характер истинной реальности, которую модернизм противопоставил позитивистской картине мира, сложившейся в науке и искусстве 19 века, определялся по-разному. Русские символисты обращались к реальной реалии сверхчувственного мира, марксисты обнаруживали истинную реальность в саморазвитии материи и материального производства.

О принципиальном сходстве учения Фрейда с марксизмом свидетельствует уже эпиграф из Энеиды, предпосланный Толкованию сновидений: (Если небесных богов не склоню, Ахеронт я подвигну).

Неудивительно, что самым ярким эпизодом в истории русского фрейдизма явилась предпринятая в двадцатые годы попытка фрейдомарксистского синтеза, исходившая из взаимодополнительности двух образов Ахеронта - психологического и социологического. Препятствием к этому союзу, так скоро распавшемуся, послужила, возможно, именно свойственная психоанализу латентная идеологичность. Дополнять друг друга могли родственные научные дисциплины, но не два параллельные мировоззрения. Первым и лучшим свидетельством их несовместимости стала талантливая книга В.Н.Волошинова Фрейдизм (1927), опубликованная в издававшейся И.Ермаковым серии Психологическая и психоаналитическая библиотека.

Аналогичным образом складывались отношения между учением Фрейда и русским символизмом. Общим знаменателем явилась для них расширительная, восходящая к Платону трактовка эроса как творческой энергии, осуществляющей утопию всеединства. Русский символизм пытался выполнять приблизительно те же социально-культурные и психологические функции, которые в немецко- и англоязычных странах примерно в те же годы стал выполнять психоанализ, пишет А.М.Эткинд. Синтез психоанализа с философией русских символистов, не получил такой широкой разработки

как фрейдомарксизм; он был лишь намечен в работах русских учениц Фрейда — Сабины Шпильрейн и особенно Лу Андреас Саломе. Но показательно, что уже намек на эту возможность вызвал чрезвычайно резкую критику русских философов-эмигрантов, хранивших и развивавших религиозную традицию символизма. Своего рода аналогом книге Волошинова, обозначившей кризис фрейдо-марксизма, явилась в этом смысле статья С.Л. Франка Психоанализ как мировоззрение, опубликованная в 1930 году в журнале Путь.

Сопоставляя учение Фрейда с платонизмом, Франк подчеркивал, что точка их сближения — тождество эроса с определяющей первоосновой человеческого духа — выступает в двух противоположных формах. Для Платона духовное начало есть самостоятельная и единственно подлинная реальность, а телесное сексуальное влечение лишь его производная и искаженная форма, результат его огрубления и вульгаризации, тоска человеческого духа по абсолютному божественному совершенству как она проявляется в низшей стихийной сфере. Напротив, для Фрейда человек есть лишь жалкий комочек живой плоти и все духовные его устремления имеют свою основу в томлении тела, суть результат сублимации и усложнения полового влечения. Один и тот же материал символов, нашедших себе выражение в сновидениях и фантазиях, мифах и сказках, предполагает, следовательно, дешифровку различными кодами, и последняя тайна души, ее забытое, вытесненное из сознательной сферы содержание в одном случае раскрывается как асоциальное животное бытие в природе, в другом — как изначальное и утраченное в процессе эволюции бытие в боге.

Фрейд любил пользоваться археологическими метафорами. Человек-волк передавал его высказывание: Психоаналитик, подобно археологу в его раскопках, должен слой за слоем вскрывать психику своего пациента, пока не доберется до самых глубоких и наиболее ценных сокровищ. Выступая с докладом о том, как один из пациентов, страдающий глубоко под завалами фантазий, пробился к доисторическому эпизоду, пережитому им в двадцатидвухмесячном возрасте, Фрейд испытывал гордость археолога, совершившего великое открытие, исходя из казавшихся антинаучными мифологических свидетельств: как будто бы Шлиман еще раз откопал Трою, которую все считали легендой. Своей метафорой Фрейд хотел подчеркнуть, что в обоих случаях то, что принимали за миф, поэтический вымысел, оказалось научно подтвержденным фактом. Но метафора скрывала в себе и невольную иронию; древний город, обнаруженный Шлиманом, не был той гомеровской Троей, которую он искал.

В «Неудобствах культуры» Фрейд изображает психический мир личности как палимпсест - текст, написанный на пергаменте после того, как с него счищено несколько слоев старых текстов. Образом такого текста служит вечный Рим, где следы разрушенных и многократно перестроенных памятников сохранились под всеми культурными напластованиями, могут быть обнаружены в модифицированной форме и стать опорой для реконструкции древнейшего *Roma quadrata* - так же как вытесненные либидозные влечения, к которым восходит индивидуальная психика. С тех

пор, как мы преодолели заблуждение, - пишет в этой связи Фрейд, - будто привычное нам забывание означает разрушение следа в памяти, то есть уничтожения, мы склонны к противоположному предположению, что в душевной жизни ничто, однажды сформировавшись, не в состоянии исчезнуть, что все где-то сохраняется и при соответствующих обстоятельствах, например при достаточно далеко зашедшей регрессии, вновь может себя обнаружить.

На фоне приведенных археологических пассажей становится особенно очевидным, что спор Франка с Фрейдом был спором о памяти, о том, какова дальность ее действия и что предстоит человеку вспомнить, что есть *Roma quadrata*.

В концепции Фрейда - это асоциальное природное начало, в котором доминируют бессознательные сексуальные влечения; в психике культурного человека они сохраняются в качестве вытесненных реликтов архаического периода и могут служить материалом для его реконструкции. Сознание берется здесь как явление более позднее, возникающее в результате эволюции природной стихии, которая выступает ходе этой эволюции как объект вытеснения, а должна стать объектом освобождающего воспоминания.

С точки зрения Франка фрейдистская память слишком коротка, не докапывается до первоначального забытого текста, который есть не текст досознательной природы, а текст высшей культуры богочеловечества. У истоков истории находится, по Франку, бытие человека в боге, абсолютное тождество человеческого сознания с божественным как высшая точка культуры — не царство необходимости, а царство свободы. Все это уже однажды было, и Дарвин не отменил Библию. Эволюционная теория описывает лишь часть истории человечества, ту часть ее, которая развертывается уже после отпадения человека от божественного всеединства как высшей точки культуры и представляет собой попытку вернуться к ней долгим окольным путем биологической эволюции. Решающий момент этого драматического развития наступает, говорит Франк, именно теперь, в апокалиптическую эпоху кризиса сознания, когда нам предстоит вспомнить, что мы были в боге, что границы, поставленные нашему Я существуют только во времени и за ними - вселенское единство, из которого мы вышли.

Человек Фрейда — это тело, раненное духовностью, и вылечить человека - значит заставить его вспомнить о том времени, когда этой раны еще не было, проанализировать, как она была нанесена и, признав ее необходимость, преодолеть тем самым свою зависимость от телесных влечений, удовлетворить которые больше невозможно. В противоположность этому человек Франка - это дух, скованный телом; понять, как он попал в неволю, понять, что конфликт этот существует только во времени, вспомнить о том, что в абсолютной, метафизической реальности торжествует гармония - таков путь исцеления, предписываемый религиозной философией символистского толка.

Примечательно, что Франк пишет о Фрейде не просто как об идейном противнике, но как о таком идейном противнике, который мог бы стать и не стал-союзником. Возможность союза ощущается Франком постольку, поскольку в лице Фрейда психологическая наука впервые заинтересовалась тем, чем раньше интересовались поэты, фантазеры и мистики - областью грез, сновидений, игры воображения. Глубинная психология и метафизика сходятся, по Франку, в отрицании плоского эмпиризма, в обращении к исследованию токов и сил, чуждых нашему личному самосознанию, нашему Я. Но открыв в человеческой душе мир иррациональных, потенциально бесконечных сил, говорит Франк, психоанализ словно испугался своего открытия и, вместо того, чтобы признать этот мир подлинной, онтологически значимой реальностью, сосредоточил свои усилия на доказательстве его иллюзорности, на перетолковывании его в привычных категориях рационалистического порядка.

За пять лет до статьи в журнале «Путь» Франк, не называя Фрейда по имени, полемизировал с эмпирической психологией Запада, противопоставляя ей психологический онтологизм русской философии и в особенности русской литературы. Как океан объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами - цитирует он Тютчева и поясняет: Греза есть, таким образом, не субъективно-внутреннее образование человеческой души; напротив, все содержание нашего бодрствующего сознания, чувственно-предметная реальность мира являются лишь маленькой частью бытия, которое, как земля океаном, омывается грезами — необозримой областью мистического бытия.

Но главным примером онтологического понимания души служит у Франка, конечно же, творчество Достоевского. Философская предпосылка его психологической проницательности состоит, по мысли Франка, в том, что для него человеческая душа — не особенная маленькая и производная область где-то внутри человеческого тела; она имеет бесконечные глубины, которыми укореняется в последних безднах бытия и непосредственно связывается с самим Богом - или же с Сатаной, - а в мгновения истинной страсти затопляется общими метафизическими силами бытия как такового... Для их проявления индивидуальное сознание есть лишь медиум.

Такова позиция, с которой Франк, пользуясь фрейдистским термином, инкриминирует психоанализу не что иное как вытеснение трансцендентного, т.е. боясь назвать господствующие в психике сверхлические силы их собственными именами, Фрейд толкует их как символы зависимости от полового влечения.

Христианско-платоническая критика Франка неожиданным образом перекликается с позднейшей семиотической критикой Ю.М. Лотмана, который упрекает психоанализ в прямолинейном рационализме. Адекватный перевод бессознательного на язык сознания возможен в психоанализе лишь потому, пишет Лотман, что подсознание Фрейда есть замаскированное сознание, оно сконструировано метамоделями исследователя и, естественно, без труда на них переводится. Возвращаясь к этой мысли в другом контексте, Лотман сравнивает культуру XX века, так явно отмеченную влиянием

психоанализа, с античной цивилизацией, которая могла осознать себя как культурное целое, только сконструировав своего контрагента, своего «другого» в образе варварского мира. Античная культура конструировала себе варваров, а сознание — подсознание.

Еще один вариант той же критической позиции содержит известная статья Б.Гройса Россия как подсознательное Запада. «Почему пациент по имени Россия отказался от участия в психоаналитическом сеансе» - спрашивает Гройс, какова причина русского сопротивления? Дело, конечно, не в официальной идеологической критике, которая нередко лишь стимулировала интерес русской интеллигенции к тем или иным модным теориям. Важнее, по мысли Гройса, то обстоятельство, что русская культура уже начиная с Чаадаева осознавала и конструировала себя как бы по модели фрейдистского дискурса о бессознательном. Оригинальность русской позиции, о которую разбиваются традиционные психоаналитические стратегии состоит, как доказывает Гройс, в том, что Россия никогда не настаивала на своей сознательности. «Русская культурная традиция, напротив, понимает саму Россию как подсознание: у России не может быть подсознания, потому что она сама есть подсознание.»

Отсюда, в частности, следует, что в индивидуальном сознании человека русской культуры был слабо развит защитный механизм вытеснения, и потому, обращаясь к психоаналитику, русский пациент нередко испытывал разочарование: он не помог мне понять ничего такого, чего бы я не знал и сам. Возможно, Фрейд любил Панкеева и Достоевского потому, что у них, в силу неких известных ему русских особенностей, универсальные механизмы бессознательного оказались более доступны сознанию, - замечает А.Эткинд, приводя целый ряд высказываний Фрейда о повышенной амбивалентности его русских пациентов, об их необычайной близости к своей бессознательной сущности.

Можно предположить, что все русское, неразрывно связанное в сознании Фрейда с образом Достоевского, было для него в большей степени источником психоанализа, чем областью его применения - приблизительно так же, как искусство, в котором Фрейд так часто находил образы, предвосхищавшие его теорию. Наряду с Достоевским его особенно интересовал в этом отношении Д. Мережковский: в трилогии «Христос и Антихрист» Фрейд находил импульсы для своих исследований не только личности Леонардо, но и амбивалентных взаимоотношений отца и сына, а книга Мережковского о Толстом и Достоевском побуждала его к размышлениям об образах царя Эдипа и Макбета.

Психологизм или как говорил В.Розанов «ввинченность мысли в душу человеческую» представляет собой, как известно, очень существенный элемент русского культурного сознания, воспитанного на головокружительных психологических парадоксах отечественной прозы XIX столетия. В связи с этим представляет интерес замечание Л.Я. Гинзбург о том, что среди ее сверстников, т. е. русских современников Фрейда, с отроческого возраста быстро и уверенно складывался тип интеллигента с надрывом. К его

признакам Гинзбург относит душевные глубины, крайнюю автopsихологическую заинтересованность, перебои психического аппарата, которые сразу же эстетизируются. Вспоминая об этих людях в 60-е годы, она писала: «Люди декадентской культуры в быту, не сморгнув, выносили ситуации, от которых человек должен лезть на стенку. Отличительное их свойство - железные нервы.» Железные нервы тех, кого литература эпохи P!p o!e 5!eclе именовала «нервными людьми» - важное свидетельство русской авторефлексивности, которая делала психоанализ, с одной стороны, желанным, с другой, почти излишним.

Воспитанный в традициях напряженной авторефлексии, русский интеллигент XX века привык измерять свое человеческое достоинство не успешностью своей практической деятельности, но прежде всего именно этой своей способностью к беспощадному самосознанию. В этом смысле показателен известный анекдот об Анне Ахматовой, также приводимый в воспоминаниях Л.Я. Гинзбург: «Молодой преподаватель одного из колледжей Оксфорда рассказал Анне Андреевне, что среди молодых английских интеллектуалов принято ездить в Вену к Фрейдю лечиться от комплексов. «Ну и как, помогает?» — спросила Анна Андреевна. «О да! Но они возвращаются такие скучные, с ними совсем не о чем разговаривать.» Хотя речь здесь идет еще о Вене, скептицизм, выраженный в приведенном рассказе относится преимущественно к тому более позднему американизированному варианту психоанализа, который уже утратил присущий ему в начале века критический, вызывающий характер и превратился в инструмент социального конформизма. Как убедительно показал Эрих Фромм, судьба психоанализа в США, да и в Европе совпала в этом смысле с судьбой марксизма в советской России.

Ответом на идейное оскудение психоанализа явилась новая его радикализация, предпринятая французской школой. Выводя учение Фрейда в новый семантический план, французы словно продолжали — на новом уровне существования культуры - русские опыты начала века. Психоанализ предстал у Лакана как творческая авантюра, подсознательное - как нечто абсолютно иное, непознаваемое и нередуцируемое к категориям сознания. До сих пор справедливыми представляются мне слова, сказанные Лаканом в середине пятидесятых годов: «Открытие бессознательного, в исторический момент своего свершения представляющее нам в подлинных своих масштабах, состоит в том, что смысл простирается далеко за рамки тех знаков, которыми человек манипулирует. Человек прорастает знаками в значительно большей степени, нежели он об этом подозревает. Вот о чем идет речь во фрейденом открытии - о новом понимании человека. Вот он каков — человек после Фрейда.»

Значение Фрейда определяется, по Лакану, не тем, как он решил проблему человека, а тем, что он указал на ее неисчерпаемость. И сама теория Фрейда, и обе попытки радикализации этой теории в России были борьбой с хаосом, наведением плана на хаос. Но ни один план не может, как известно, сопротивляться хаосу долго, и самая интересная часть жизни

великих научных теорий - это их жизнь после смерти, существующая постольку, поскольку теория имплицитно содержала в себе иное самой себя, свое постепенно осознаваемое будущее.

История психоанализа именно это и доказывает. Душевная жизнь, как она прочитывается психоаналитическим методом — не книга, которую можно прочесть и закрыть, чтобы жить в соответствии с раз и навсегда усвоенным знанием. Смысл этой книги впереди, а не позади нее, он в нас самих, это не готовый смысл, а запас форм, ожидающих себе все нового смысла. Психоанализ, говорил в Москве одиннадцать лет назад Мераб Мамардашвили, эта, по выражению Фрейда, австрийская чума, был теоретической работой, которая является индукцией условий нового сознательного опыта. То есть такой работой, в результате которой в душе пациента (или в твоей собственной) может случиться новый и отличный от прежнего сознательный опыт, разрушающий предшествующие сцепления, разрывающий их. Но ведь тогда от предмета, о котором должна бы быть теория, уже ничего не остается - бессмысленно искать такой предмет, потому что в данном случае назначением мыслительной работы было именно создание условий, индуцирующих возникновение нового сознательного опыта.

Вот это и было радикальной новизной во всем стиле теоретического мышления XX века.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 26-30

Аффект и власть в России: между нарциссизмом и расщеплением

А.М.Кантор

Легализация психоанализа в России привела к своеобразной на него моде. Клиенты нередко относятся к нему как к особенному - импортному - средству, а потому - исключительному, вроде панацеи. Показательно, что психоаналитиками охотно именуют себя т.н. «народные целители», гадалки т.д. Психоанализ в наших непростых условиях стал для определенных субкультур неким инфантильно-эротическим объектом, тем более в связи с падением надоевшего многим тоталитарно-отеческого режима.

Однако, как и следовало ожидать, аффект разрядки сменился аффектом напряжения. В ситуации хаоса влечение к самосохранению оказалось фрустрированным, актуализировались страхи само и объекта потери, угрозы экзистентного характера.

Бессознательное стало пониматься многими как объективная и неодолимая, подобно геологической, сила, править которой и был призван психоаналитик. Пациенты довольно часто приходят к аналитически ориентированным терапевтам с просьбой «сделать» для них что-либо — от самих пациентов независимое: «улучшите мне память», «научите меня думать определенным образом» и т.п. Аналитик, таким образом, отождествляется с фигурой тотема, замещающего отца (праотца), носителя эзотерических тайн, способного расколдовать или заколдовать внутренний мир пациента.

Вместе с тем, возрождение психоанализа в России совпало с отменой цензуры на произведения оригинальной русской философии и распространением идей т.н. «психократии» (власти психики). Эта форма утопии также несет мечту о «братских нравственных отношениях», в которых присутствует «душа», а не «внешний закон», где люди будут обладать способностями «самооткровения» и «проникновения во внутреннюю глубину другого» (ее создатель - Н.Ф.Федоров, живший на рубеже XIX-XX вв., оказал большое влияние на философию знаменитого теоретика космического воздухоплавания К.Э.Циолковского). Попутно отмечу близость данной концепции фольклорным представлениям.

В принципе, все это отвечает давно распространенному едва ли не во всех кругах российского общества мнению о ценности эмоции и, особенно, аффекта для русского «душевного и умственного склада».

«Коль любить, так без рассудку, / Коль грозить, так не на шутку, / Коль ругнуть, так сгоряча, / Коль рубнуть, так уж сплеча, / Коли спорить, так уж смело, / Коль карать, так уж за дело, / Коль простить, то всей душой, / Коли пир, так пир горой...» (Алексей Толстой).

Стихийно-природное, естественное, безыскусное постоянно ассоциируется в России с «внутренним миром» (или «внутренним оком»),

т.е. подлинным и истинным. Неслучайно иные историки культуры характеризуют русскую традицию как преимущественно «геоцентрическую», ссылаясь на роль в ней природной символики (растительной орнаментики в живописи), интереса к «лечебникам» и «травникам» и т.п. Природный фактор кажется русскому человеку предпочтительнее даже в индустрии.

«Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь изобрел за машиной машину, / а наш русский мужик, коль работа не в мочь, поднимает родную дубину...» («Дубинушка») (1).

Таким образом, семантический ряд (или пара): аффект и власть - для российского аналитика предмет вполне оправданный; думаю, также позволяющий говорить о «русской аналитической реальности». Проблематика ее интерпретации занимала русские умы еще более века тому назад. Русский поэт и дипломат, проживший на Западе более 20-ти лет и потому особо остро ощущавший *russianess*, Ф.И.Тютчев писал: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить, / У ней особенная стать - / В Россию можно только верить».

«Непредсказуемость» российской политики, отсутствие в ней рациональности и прагматизма - общеизвестно. Весьма психоаналитичны политические события в СССР и России последних 15-ти лет: аффективно возбужденные толпы на митингах (в которых сам участвовал), массовые беспорядки и хаотические, иррациональные действия военных в гражданских конфликтах и др. напоминают катартические процессы. Отыгрывания коллективных фантазий, надежд и всемогущества сменялись меланхолией и чувствами отчаяния. Данный аффект на Святой Руси задолго до Фрейда называли «без царя в голове». Неудивительно, что психическое равновесие ассоциируется у нас с «властью над собой»; успокоиться - значит «овладеть собой» (овладеть также означает- «покорить» местность, женщину, мужчину и т.д.). Отвергая любовные чувства поклонницы, пушкинский герой говорит ей: «учитесь властвовать собой» (т.е. не мной).

Итак, полагая, что необходимость поставленной проблемы очевидна, перейдем к теоретическим (методологическим) аспектам ее разрешения.

I. Аффект: теоретические аспекты

С этой целью хочу остановиться на вопросах интерпретации аффекта, лежащих в основе доклада. Важнейшую функцию аффекта я усматриваю в индикации им субъективности, значимости психических процессов для организма и личности в целом; недаром он захватывает равно сферу психического и телесного. Как говорят в народе — при волнении «то замирает, то отпускает сердце». А «там, где сердце ваше, там и сокровище ваше»...

Аналитика всегда интересуется, когда и в связи с чем у пациента возникло то или иное чувство, что происходило с ним, когда его мысли следовали за его чувствами.

Очевидна связь аффекта с усиленной мотивацией, ибо аффект сужает и фокусирует сферу сознательного, обязывает к скорому (аварийному) принятию решений, обозначает критические моменты жизненных ситуаций: начало-конец, напряжение-разрядка. Аффект, скорее всего, суммирует (интегрирует) важнейшие побуждения личности. Недаром он не вытесняется полностью, но лишь подавляется, постоянно сохраняя собственную полусознательную актуальность ценностных и целевых аспектов организма. Даже теряя первоначально связанные с аффектом идеи (в силу невозможности их удовлетворения), сам аффект, что называется, не теряется, не исчезает, но обращается в истерические симптомы, смещается к Obsessions или преобразуется в страхи и меланхолию.

Тем самым, надо полагать, аффект указывает Я на значимость представленных в нем энергий влечений (а особенно мысли-представления или понятия отражают предметную сторону влечений). Т.е. аффект выражает модальную сторону Я; неудивительно, что апатия (эмоциональная заторможенность) приводит к дефектам смысла и целеобразований, исправить которые логос и рацио (сами по себе) бессильны.

В нашем случае правомерно поставить вопрос: каковы смыслы власти-желания? Последнее обязывает нас перейти к анализу символической картины «русского аффекта», ее специфической среде ассоциаций.

II. Базовая символика власти

Семантическое поле русского слова «власть» весьма обширно. Это и «властвовать», «управлять», «принуждать», «влиять» и т.д. Более того, оно связано с первичной символизацией жизненных начал, установлением порядка и т.п. Носитель и представитель власти - «начальник» — фигура, связанная с общественным началом. «Начальник» есть также правитель (управитель) - дословно - действующий по правде (истине). Одной из первых пословиц, узнанной мной на срочной службе в Советской Армии, была такая: Тот прав, кто имеет больше прав».

Другое определение властителя — «кормчий» (от слова «кормить»; аппарат власти - «кормило») явно указывает на доэдипальную семантику. В XVI столетии возведение царя Ивана IV (Грозного) на престол именовалось «венчанием» — буквально «бракосочетанием» царя с «землей» (страной). Семейная номенклатура власти существовала (и существует) в разных культурах, но, видимо, в нашем отечестве она оказалась более устойчивой и симбиотической: «матушка» и «батюшка» есть имена также духовных лиц. Не в этом ли корни особой театральности и экстатичности российских ритуалов власти? Советская власть унаследовала и даже усилила имперские (государственные) и народные (аграрные) традиции связи общества и власти. Большое место в них занимают ритуалы, символизирующие жертвенную гибель во имя спасения «отчизны» (земли отцов) или «матери-родины» (материнской земли), кровную зависимость от них и верность им, горечь утраты и ужас чужбины. Данные мотивы

характерны не только для обрядовых действий, они - также часть повседневности, так как широко распространены в массовой культуре (кино, шлягеры и др.). Ее текстовая среда буквально изобилует восторгам и проклятиями, заклинаниями, клятвами, обетами и т.п.

Нам нередко встречается защитная нарциссичность, компенсирующая тревоги потерь маниакальной радостью победы, овладения миром и депрессивные переживания вины за собственное несовершенство.

В качестве примера приведу широко распространенного в СССР «Марша авиаторов», исполнявшего повсеместно (даже до наших дней) и бывшего общепринятой метафорой русско-советской идентичности длительное время. «Мы рождены, чтобы сказку сделать былью, / преодолеть пространство и простор. / Нам разум дал стальные руки-крылья, / а вместо сердца — пламенный мотор. / Все выше и выше, и выше / стремим мы полет наших птиц, / и в каждом пропеллере дышит / спокойствие наших границ».

Очевиден инфантильный характер фантазий («сказку сделать былью»), регрессия к океаническому чувству всемогущества («преодолеть пространство...»), растворяющее личное «я» в космическом континууме.

Символический ряд - стальная птица - самолет — человек, динамически устремленный ввысь — символ не просто полового акта, а, скорее инцестуозного насилия: это акт овладения во имя слияния с породившей тебя Родиной.

III. Власть как материнская фигура

Долгое время всех приезжающих в СССР (Россию) встречал примелькавшийся плакат «Добро пожаловать в Россию».

На нем была изображена светловолосая, молодая, даже юная девушка с фигурой располневшей (рожавшей?) женщины. Таких в России называют «дородными», т.е. дословно - женщинами детородного возраста. Этот образ, между тем, хорошо знакомых русским людям по книгам «народных сказок», иллюстрированных художниками начала нынешнего века в т.н. «русском стиле»; их часто переиздавали вплоть до наших дней. Такой тип женщины в духе народнической (и славянофильской) традиции понимался как «исконно народный», т.е. близкий крестьянской (аграрной) культуре. Он также воспевался в русской поэзии прошлого века как трогательный образ молодой женщины-матери.

Согласно данному типу в кинематографе отбирались исполнительницы ролей «положительных героинь», ведущих ТВ программ и т.д.

Инфантильно-эротический характер такого объекта очевиден. В свое время, в связи с процессами секуляризации он заместил популярную в России икону Божьей матери, молиться которой считалось надежней и благочестивей, чем самому Христу (быстрее дойдет молитва, так как Христос поверит молитве матери больше, чем другим; поэтому именно Богородица называли «заступницей»).

Властность образа матери определялась ее связью со стихиями. Наиболее популярной была модификация «Матери - сырой земли», т.е. постоянно плодоносящей почвы. Общеизвестным в психоаналитической литературе является его интерпретация, связанная с семантикой стабильности, покоя, смерти и некоего всепоглощающего целого (космоса, страны, коллектива и т.п.). В последнем значении часто выступал образ (клише) военного характера, используемый в годы Первой и Второй мировых войн: «Родина-мать зовет!» или «умереть за Родину-мать».

Материнская (и женская) власть понимается также как начало фатальное. Согласно одной из ранних пословиц: «С каким обычаем в колыбельку, с таким и в могилку». В данном контексте субститутутом материнства (и власти) является история (2) (также женского рода), интерес к которой в России нередко тревожно фиксирован, особенно, в эпохи перемен. Приведу пример анекдота последнего времени. Некто спрашивает современного политического лидера: «Скажите, что нас ожидает в будущем? - «Ну, как я могу говорить о будущем, когда я не знаю — каким сегодня является прошлое?!» Систематические и часто радикальные пересмотры исторических концепций (порой в пределах жизни одного поколения), видимо, отражают представление об истории как порождающей и постоянно действующей силы; недаром в ней ищут потерянные самообъекты или иные значимые фигуры, дабы возродиться вновь и т.д. Другой властно-материнской фигурой в России XX столетия долгое время являлась коммунистическая партия. Именно она претендовала на роль тотального объекта, даже в сфере межличностных отношений.

Партия поощряла вмешательство коллектива в личную и семейную жизнь граждан. Достаточно вспомнить знаменитую песню А.Галича «Красный треугольник», пословицу «Русская женщина сильна парторганизацией», стереотипные выражения типа «это дала вам партия» и, наконец, фривольную частушку: «недоволен наш народ — / мало партия дает, / наша партия не ...лядь, / чтобы каждому давать».

Вообще, в советский период в русском языке были весьма распространены глаголы: «дать», «брать», «отпустить» (дают — вместо продают - товары, берут - вместо покупают - что-либо, отпускают — вместо предоставляют - что-нибудь); что, на мой взгляд, одно из свидетельств доэдипализации социальных отношений как результата властвования.

Думаю, что есть основания считать материнскую фигуру власти в России фаллической. Отечественные властители очень часто, если не сказать постоянно, демонстрировали ярко выраженное аффективное поведение и импульсивность. Ритуальное творчество занимало в их практике огромное место. Она исключительно театральна и ее подчеркнутая маскулинность может быть интерпретирована как род макияжа. Последнее обстоятельство (кстати, в ином контексте упомянутое выше) указывает на амбивалентность, если не на расщепленность представлений о власти...

Ее семантика (в общественном мнении и индивидуальном сознании) осциллирует между чувством всемогущества (и безопасности),

самопродолжения и совпадения с субъектом и ненавистью к ней, недовольством ее (в тех или иных случаях) несостоятельностью. Она является одновременно удовлетворяющим и отвергающим объектом. Множественная, дезинтегративная и контрадикторная самость власти обусловила скачкообразный и аффективный характер российской истории: напряжение-разрядка, застой-революция/реформа, депрессия-мания...

Описанные состояния, несомненно, связанные с реальными переживаниями первичного характера: структурой ранних объектных отношений.

IV. Мать-мир-ребенок: социокультурный сценарий индивидуального развития

Особенность ранних объектных отношений в массовой российской повседневности заключается в значительной зависимости (жизни, выживания) семьи от окружающей среды — рода, общины, позднее — государства. Первоначально это связано с аграрно-колониационным трудом в напряженных условиях весьма короткого земледельческого сезона, потом с развитием авторитарных и деспотических форм правления. Массовый (народный, крестьянский) идеал семьи уподоблял ее государству и наоборот - государство - семье. Термин «государство» происходит от слова «господин /господарь», т.е. глава «(г)осподы» - семьи, хозяйства, двора.

Низкий жизненный уровень обязывал трудиться, практически, всех членов семьи. Едва ли не до начала (или первой трети) XX столетия деревенские женщины могли рожать в поле, во время сельскохозяйственных работ. Нормальный, т.е. позволяющий полноценно ухаживать за ребенком декретный отпуск - до трех лет, появился у нас совсем недавно, в конце 80-х гг. Неудивительно, что родителей в таких условиях более всего заботил контроль внешнего поведения ребенка, нежели установление с ним близких эмоциональных связей (вероятно, с этим связан обычай плотного пеленания и жесткого шлепанья). Ребенок долгое время (со времен средневековья) воспринимался как «маленький взрослый». Мой товарищ студенческих лет (70-е гг.), незрячий инвалид, выходец из крестьянской семьи, рассказывал мне, что его родители обнаружили его слепоту случайно, когда ему было не меньше 1,5 лет; он долго не замечал подаренных ему игрушек, играясь с предметами быта и домашними животными. «Но ты не думай, что родители плохо ко мне относились... Наоборот, они меня жалели!» — говорил он. Категории «любви» и «жалости» в русском повседневном языке нередко синонимичны, более того, жалость выступает как любовь подлинная, глубокая; следовательно - покровительственная.

Можно предположить, что указанные выше обстоятельства предопределили существенное развитие в русской культуре инстанций Сверх-Я и политических фантазий инкорпорации. Личностно-индивидуальная привязанность традиционно осмеивалась: характерны детские клички - «маменькины/папенькины детки». Поощрялась лояльность

коллективным образованиям: общине, профессиональным группам и, конечно, государству. Неудивительно, что коллектив именовался в России «миром»; с одной стороны, как олицетворение общественного космоса, с другой - покоя, стабильности («умиротворенности»). Пословицы и другие клише на тему «мира» свидетельствуют об аффективно-либидинозных фиксациях: «На миру и смерть красна», «Мирская молва - что морская волна», «Мир заревет - лес клонится», «С волками жить - по-волчьи выть», «Что мир порядил, то Бог рассудил» и др.

Однако, хотя коллектив выступает в качестве удовлетворяющего объекта, он не является объектом постоянным, тем более, как это было выяснено ранее, обладая материнско-фаллической природой. «Мир», т.о., инициирует в индивиде страх само и объект-потери, способствуя формированию полиморфного-невротического и даже пограничного характеров.

Историко-культурные факты свидетельствуют о глубоко оральном характере связей «мира» и личности. Важнейший из подобных фактов: значимость коллективных застолий - «пир на весь мир». Даже беднейший член общины (рода или др. группового образования) считал за честь в нем участвовать, ставя на «кон» (основу) лучшее, что имел; в этом случае он мог рассчитывать на поддержку «мира». Недаром такие пиры назывались «братчинами» (т.е. единством братьев — членов мирской семьи). Специфическим обычаем такого рода застолий нередко является соревнование в употреблении спиртных напитков, порождавшее подлинно-бессознательную форму связи. В данном отношении показателен вопрос пьющих к друг другу: «Ты меня уважаешь?». Стремление к сохранению трезвости на пирах (равно как и выпивка в одиночку) традиционно осуждалась как проявление индивидуализма и неприятия «своих». Потеря сознательного Я означала наиболее полную идентификацию с властью коллектива: «Когда христианин / или крестьянин пьян, то сам себе пан» (3).

Таким образом, я считаю, столь высокая роль групповых связей раздувала интроективно-неоднородное Сверх-Я, обедняя субъект-объектные отношения, создавала псевдосимбиотические (или дефи-цитарно-симбиотические) первичные связи, фрустрируя (депривируя) подлинно интимные связи. Мне кажется, что в данном случае следует говорить об аффективном комплексе «нереализованной симбиотичности», требующем соответствующих сопротивлений и защит, иных форм компенсаторных замещений.

V. «Сны наяву» или исполнение желаний

Русский философ-экзистенциалист Н.Бердяев писал, что Россия - это страна, в которой сбываются утопии. Проективность российского менталитета - факт общепризнанный, иногда русскую культуру называют «логоцентрической», имея в виду значительную роль в ней художественной литературы. Приведу две широко известные цитаты: «Тьмы низких истин

нам дороже нас возвышающий обман» (Пушкин); «Если к правде святой / мир дорогу найти не сумеет, / честь безумцу, который навеет / человечеству сон золотой» (Горький). Не будем забывать также то, что писателей в России именовали «властителями дум». Чаще всего именно они, а в XX столетии представители политически ангажированного массового искусства являлись создателями мифологических форм сознания, играющими роль защит. Одним из таких, наиболее популярных за последнее столетие представлений стали идеи «Святой Руси» — государства подлинной святости и органичности, а потому обладающего мессианскими свойствами. Его народ есть «народ-богоносец», одновременно воин и страдалец (жертва, противостоящий мировому злу и гибели мира. Русский народ есть носитель идеалов «всечеловечности» (в отличие от стандартизированной «общечеловечности» Запада), он устремлен к «соборному» единству мира - высшей гармонии, соединяющей космос и человека, живое и неживое и т.д. Изложенные мною выше (в крайне лаконичной форме) взгляды Ф.Достоевского представляют собой некий базовый паттерн последующих идеологических (интродуктивных по сути) и прочих феноменов массового сознания.

Совершенно очевиден защитный характер идеализированных (бесконфликтных) до пуризма представлений, фантазий всемогущества, сопровождаемых кастрационными страхами (отсюда акцентированный пафос спасения). Упомяну и конспирологические фиксации («скрытые» враги, «оборотни») - присущие многим нар-цистически-паранойяльным персонажам советской и российской истории. Как правило, представления такого рода персонифицированы, имеют конкретный, узнаваемый вид, что показательно для первичных процессов символизации.

Особое значение в культуре власти приобрела намеренная фетишизация ее артефактов в качестве переходных объектов: тип интродукта «будь (делай) как я (он, она)». Таковыми являлись широко тиражированные эталонные имиджи «положительных героев». Экстерьеры и интерьеры общественных зданий декорировались изображениями необходимых власти категорий населения: шахтер с отбойным молотком, учитель а очках, врач в белом халате, военный в форме и т.д. и т.п.⁴ Цензура тщательно контролировала предсказуемость, ясность, недвусмысленность данных образов, исключая случайные коннотации, проблематические подтексты, сходство с нежелательными власти фигурами и т.д. Идеальным считался монолитный (однозначный) образ, т.е. объект, доведенный до игрушечной очевидности и узнаваемости.

Оральность властно-массовой культуры выражалась также в бесконечных повторях, т.е. «переживаниях» и «прокусываниях» этой сверхдетерминистской символики.

Такая визуальная культура вполне соответствовала фольклорно-речевым образцам поведения, широко бытующим в среде слабоурбанизированного в целом населения.

Естественно, что вербальность, являясь базовым элементом психической активности и фокусом работы психоаналитика, есть также средоточие аффекта власти.

VI. Магия слова и вербализация

Слово в отечественной традиции, главным образом, слово голосовое, устное, т.е. прежде всего обращенное к другим, миру. Гласность, как известно, одна из проблем русской культуры, но отнюдь не только в политическом смысле. Речь идет о проблеме подлинного самовыражения именно в слове. Возможно ли оно в принципе. «Как сердцу высказать себя, / Другому как понять тебя, / Другого разве ты поймешь? / Мысль изреченная есть ложь» (Ф.Тютчев).

Истинное слово есть, по сути, слово «вещное», т.е. «вещаемое», сказанное на «вече» (собрании «мира»), этимологически также близкое значениям слов «ведать», «вечность» и «вещь»; говоря аналитически, реифицированное слово. Иначе сказать, ориентированное на единство с окружающей средой, первичную с ним идентификацию; возможно, сродни «океаническому чувству» ранней фазы развития Я.

Между тем, слово обычное, профанное, прагматическое, аналитическое (по существу) оценивается традицией гораздо ниже — как род пустопорожней болтовни, «непыльной работенки» (что естественно для страны с традициями аграрной культуры): «Что про то говорить, чего в щак не варить», «Красно поле с рожью, а слово с ложью» и др.

С «вещим» словом сопоставимо лишь умудренное молчание: «Муж мудр безмолвие водит», «Помолчи боле — проживешь доле», «шутил Купряшка, да попал в тюрьшку»...

Таким образом, аналитик обязан считаться с особым дискурсом российской эффективности, проблемами самоэксплорации пациентов с ослабленным Я и инфляционным Сверх-Я, опасностью быстрых интерпретаций (логического свойства) и необходимостью специфической атмосферы аналитического процесса. Последнее требует особого рассмотрения.

Примечания

1 Лингвисты говорят о высокой экспрессивности русской лексики, относя к эмоциональности не менее 50% словарной русской лексики.

2 В русском языке - «история» - имеет не только обычное значение — длящегося, длительного процесса, состояния, но и окончательного, свершившегося (т.е. история как рассказ о событии, дело, случай).

3 Указанная средневековая традиция дошла до наших дней. Ср., например, с бытовой зарисовкой В.Высоцкого: «Ну о чём с тобою говорить? / Всё равно ты порешь ахинею. / Лучше я пойду к ребятам пить, / у ребят есть мысли поважнее. / У ребят серьёзный разговор: / например о том, кто пьёт сильнее, /

у ребят широкий кругозор - / от ларька до самой бакалеи... / Разговор у нас и прост, и груб, / все вопросы мы решаем глоткой...»

4 Историческая рефлексия на данный род фетишизма дана в известном полотне Г.Брускина «Фундаментальный лексикон».

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 30-34

Фрейд versus Достоевский

В.К.Кантор

Известно, что Фрейд читал и перечитывал Достоевского, называл его роман «Братья Карамазовы» величайшим произведением мировой литературы. Место Достоевского, по его мнению, рядом с Шекспиром. Но был особый акцент в его отношении к Достоевскому. Через Достоевского западноевропейские мыслители рубежа веков пытались понять Россию. Россия казалась страной-загадкой, она явно вышла на авансцену истории, ее художники встали на уровень высших достижений мировой культуры, а еще недавно стоял вопрос, считать ли москвитов христианами и европейцами. И проблема рубежа веков заключалась в следующем: возвращается ли в Европу европейская страна или в дверь стучится грубый варвар? К тому же — в силу незнания — «Россия воспринималась как Другой, и на это великое и неизвестное духовное пространство можно было спроецировать многое, и прежде всего надежды. Для раннего Фрейда, сосредоточенного на познании тайн не осознающего себя человеческого бытия, это были более всего надежды на познание: познание бессознательного» (1).

Конечно, можно поинтересоваться, почему именно Достоевский в такой степени, а не Пушкин, Гоголь, Толстой или Чехов?.. На это попытаюсь ответить чуть позже, пока же замечу, что Достоевский поражал западноевропейцев вырванностью своих героев из нормального быта, из почвы, что резко контрастировало с уютом западноевропейской - репрессивной по отношению к страстям и инстинктам - культуры, которую вполне можно назвать викторианской и против которой бунтовали «проклятые поэты», Оскар Уайльд, Фридрих Ницше, весь символизм конца прошлого века, да в конечном счете и сам Фрейд, ставший искать основы человеческого бытия в бессознательном, в подавляемых сексуальных инстинктах, т.е. на том этаже человеческой психики, которая не контролируется разумом. Это вполне протестное поведение неожиданно было поддержано великим гением с северо-востока Европы, где Европа и Азия вроде бы нечувствительно перетекают друг в друга, гением, для которого все то, что они придумывали, было как будто повседневной реальностью. Именно повседневной реальностью, а безбытность - нормой и бытом.

Как писал в книге 1914 г. Стефан Цвейг: «Мы, европейцы, живем в наших старых традициях, как в теплом доме. Русский девятнадцатого столетия, эпохи Достоевского, сжег за собой деревянную избу варварской старины, но еще не построил нового дома. Все они вырваны с корнем и потеряли направление. Они обладают силой молодости, в их кулаках сила варваров, но инстинкт теряется в многообразии проблем, они не знают, за что им раньше взяться своими крепкими руками. Они берутся за все и никогда не бывают удовлетворены. Трагизм каждого героя Достоевского, каждый разлад и каждый тупик вытекает из судьбы всего народа. Россия в середине

девятнадцатого столетия не знает, куда направить свои стопы: на запад или на восток, в Европу или в Азию» (2).

Он казался необычен, именно благодаря уверенности в крепости собственного дома - этого вечного самообмана Западной Европы.

Поэтому, с одной стороны, Достоевский был близок, все-таки вырос на европейской культуре, с другой - экзотичен. А материал его произведений, описывающих неведомую страну, казался пригодным для разнообразных мысленных экспериментов, как характерно было для европейской утопии, желавшей где-то найти (примыслить) нужное ей (начиная с «Киропедии» Ксенофонта до «Персидских писем» Монтескье). Так что и психоанализ мог строить (опираясь на тексты великого русского писателя) некие нужные ему схемы, не очень озабочиваясь их соответствием художественной задаче произведения, а главное, не соотнося с реальностью и творчество самого Достоевского, а потому трактуя его достаточно вольно. Не случайно, И. Нейфельд обмолвился в своем очерке о Достоевском, написанном под редакцией самого Фрейда, что русский писатель как бы предугадал в своих романах главные идеи психоанализа, хотя, разумеется, не выявил их теоретически.

Что же важного для понимания России нашел у Достоевского Фрейд (тему отцеубийства и «эдипова комплекса» оставим пока в стороне)? Прочитав: «Достоевский скорее всего уязвим как моралист. Представляя его человеком высоконравственным на том основании, что только тот достигает высшего нравственного совершенства, кто прошел через глубочайшие бездны греховности, мы игнорируем одно соображение. Ведь нравственным является человек, реагирующий уже на внутренне испытываемое искушение, при этом ему не поддаваясь. Кто же попеременно то грешит, то, раскаиваясь, ставит себе высокие нравственные цели, - того легко упрекнуть в том, что он слишком удобно для себя строит свою жизнь. Он не исполняет основного принципа нравственности - необходимости отречения, в то время как нравственный образ жизни - в практических интересах всего человечества. Этим он напоминает варваров эпохи переселения народов, варваров, убивавших и затем каявшихся в этом, — так что покаяние становилось техническим приемом, расчищавшим путь к новым убийствам. Так же поступал Иван Грозный, эта сделка с совестью - характерная русская черта» (3).

Почему, однако, именно русская? Почему не немецкая черта? А Гитлер? Отечественные исследователи называют часто такую позицию антирусской. Вряд ли это так. В начале века среди европейских мыслителей продолжало держаться мнение - при чем с попыткой историсофского научного обоснования - о молодости и варварстве русских. Так Шпенглер сравнивал в те же двадцатые годы Петра Великого с немецким Хлодвигом, а вообще эпоху от Ивана Третьего до Петра с эпохой Меровингов - самый расцвет немецкого Средневековья, грубых, диких и варварских нравов. В этой апелляции к русской молодости был даже элемент зависти. Да и сами русские накануне первой мировой и после октябрьской революции рады

были подчеркивать свое варварство (от строк Маяковского «А если сегодня мне, грубому гунну...» до «Скифов» Блока).

Что значила эта апелляция к молодости и варварству стало понятно после утверждения тоталитарных режимов с их опорой на инфантильность сознания и первобытность чувств. Но вот вопрос покаяния, которое у русских (в том числе у героев Достоевского) якобы расчищало дорогу для новых преступлений, требует обращения к реальности, т.е. к романам Достоевского и к русской истории. Если говорить об истории, то Иван Грозный не каялся никогда, все дошедшие до нас его тексты полны самооправданий и самовозвеличения, а запись им в поминание (в «помянники», синодики) своих жертв говорит, скорее, о том высокомерном прощении своих врагов, которым отличалась гордыня Грозного. Как показали и Карамзин, и Ключевский, и Лихачев обряжение Ивана в монашеские одежды вместе с опричниками было элементом шутовского маскарада, глумления над религией: характерная деталь - все опричники под рясами носили длинные ножи, чтобы в любой момент приступить к расправе. О Грозном Карамзин написал: «Есть кажется предел во зле, за коим уже нет истинного раскаяния; нет свободного, решительного возврата к добру: есть только мука, начало адской, без надежды и перемены сердца»⁴.

Великое несчастье России, что ее жестокие правители никогда не переживали покаяния, а следовательно, не могли оценить греховности своих поступков, не делали их греховность фактом общественного сознания. Ни один из русских деспотов не каялся, оставляя за собой страшные гекатомбы. Именно об этом пишет Достоевский в своих великих романах. Он почти насильно толкает своих героев-преступников к покаянию, но успеха добивается только в случае с Раскольниковым. Убийца Смердяков пытается переложить свою вину на братьев — Митю и Ивана, а припертый к стенке отнюдь не кается, а вешается, кончает с собой - поступок в духе Иуды. Иван обвиняет не себя, а общество. «Все хотят смерти отца!» - восклицает он на суде. Не раскаивается Митя, только пострадать хочет, и то не за свои грехи, а за мифическое привидевшееся ему во сне «дитё». Тем более ни в чем не упрекает себя Алеша, хотя и в нем живет паук сладострастия карамазовского. Что же касается старика Карамазова, в котором, как ранее в персонаже такого же типа - Фоме Опискине, критики и исследователи находили психологическое сходство с Иваном Грозным, то он способен только к растлению и разрушению всего окружающего мира, но даже смерть его греховна, ему не дано покаяться. Как раз беда России и русских, по мысли Достоевского, в том, что никогда покаяние - вопреки Фрейду - не исполнялось даже формально.

Замаливать грехи есть действие иное, нежели покаяние. Более того, и избытка христианства, будь оно хоть трижды иллюзией, Достоевский не видит в России. Россия, по его утверждению, обезбоженная страна, которой правят бесы. Сразу после революции русский философ Б.П. Вышеславцев издал в Берлине книгу «Русская стихия у Достоевского», в которой он попытался определить важнейшее художественное и историческое

открытие великого писателя много, на его взгляд, прояснявшее в реальных событиях тех лет: «Теперь, когда русская стихия разбушевалась и грозит затопить весь мир, - мы должны сказать о нем (Достоевском. -В.К.), что он был действительным ясновидцем, показавшим нечто самое реальное и самое глубокое в русской действительности, ее скрытые подземные силы, которые должны были прорваться наружу, изумляя все народы, и прежде всего самих русских»⁵. Эта стихия таится во внутреннем мире российского человека, Достоевский сумел ее показать как некий сущностный феномен, определяющий все стороны нашей жизни. Близость идеи стихии к идее бессознательного очевидна, тем более, что Вышеславцев хорошо знал Фрейда, не раз на него ссылаясь. В «Братьях Карамазовых» эта стихия выявлена наиболее ярко - под именем «карамазовщины», став здесь основным предметом писательского внимания и анализа. Что же это такое? Оценка-объяснение «карамазовщины» вложена в уста одного из героев романа, брата Алеши: «Братья губят себя <...> отец тоже. И других губят вместе с собою. Тут «земляная карамазовская сила», как отец Паисий намедни выразился, — земляная и неистовая, необделанная... Даже носится ли дух Божий вверху этой силы - и того не знаю». Иными словами, коренной признак этой стихии — ее исконная обезбоженность, жизнь не с Богом, не против Бога, а вне Бога, жизнь на основе принципов вненравственного, дохристианского, природно-языческого начала.

И, скажем, в России поэтому борьба против христианства как иллюзии могла привести к очень тяжким последствиям. И врачу-психоаналитику надо бы было учитывать характер заболевания. Для Достоевского лекарство против отечественного бесовства одно - христианство. «Христианство есть единственное убежище Русской земли от всех зол». Поэтому Достоевский не просто поддерживал, а боролся за утверждение этой иллюзии, поражение которой он, как и Ницше, и Фрейд, прекрасно видел, испытывая от этого, однако, не радость, а метафизическую тоску. Отсюда его знаменитый афоризм: «Если Бога нет, то всё дозволено». Да в России и к Богу часто обращаются не как к Богу, а как к идолу, к дьяволу: чего стоит рассказ Парфена Рогожина (из «Идиота») о мужике, который перекрестился и с молитвой зарезал своего товарища, чтоб отобрать его деньги. Безо всякого раскаяния и покаяния. Фрейд не раз говорил о том, что варвары выработали своеобразную технику покаяния. Ближе всего к этому типу поведения из современных народов - русские: «Русская душа отважилась сделать вывод, что грех - необходимая ступенька к наслаждению всем блаженством божественной милости, т.е. в принципе богоугодное дело» (6).

Но поскольку Достоевский не показал нам покаяния, тем более не найдем мы в романах писателя и его техники. Русская пословица «Не согрешишь - не покаешься, не покаешься — прощен не будешь», на которую, видимо, опирался австрийский мыслитель, есть ирония над лицемерным покаянием, и принадлежит скорее всего каким-то первым русским вольтерам (еще до Вольтера).

Фрейд казался, что он угадал в Достоевском слабости, которые позволяют ему, угадавшему, критически подойти к России. Но он не увидел одного, ослепленный политической публицистикой писателя, что более жестокого критика своих сущностных оснований, чем Достоевский, Россия не знала. Приведем еще одно мифологическое представление западных мыслителей о русском писателе, которое разделял и основатель психоанализа: «Симпатия Достоевского к преступнику действительно безгранична, она далеко выходит за пределы сострадания, на которое несчастный имеет право, она напоминает благоговение, с которым в древности относились к эпилептику и душевнобольному. Преступник для него - почти спаситель, взявший на себя вину, которую в другом случае несли бы другие» (7). Однако Достоевский, показав преступный мир, где почти все преступники, никого из них не оправдал. Ни Ставрогин, ни Верховенский, ни Федька Каторжный, ни Свидригайлов, ни Раскольников, ни Смердяков, ни Иван, ни Митя Карамазовы не находят у писателя оправдания за свои преступления.

Но, скажут, главное преступление, которое угадал Фрейд как тайну творчества Достоевского, есть тема отцеубийства, которая была подсказана убийством крестьянами отца писателя. Как резонно замечает Руткевич: ««Братья Карамазовы» для Фрейда представляют собой великий роман, именно потому, что Достоевский обращается к теме отцеубийства» (8).

Однако, во-первых, сам факт насильственной смерти отца Достоевского отвергается современными исследователями, во-вторых, тема эта звучит только в последнем романе писателя, а в третьих, болезнь Достоевского, вроде бы рожденная подавляемым эдиповым комплексом, его эпилепсия, которую Фрейд упорно называет истерией, развилась не до каторги, не на каторге, а после каторги. Скажем, И. Нейфельд, следуя учителю, проблему решал просто: «Жизнь и творчество Достоевского, его дела и чувства, его судьба — все возникает из комплекса Эдипа» (9).

Впрочем, тут стоит выслушать ответ выдающегося отечественного психолога: «Не волшебный ключ, а какая-то психоаналитическая отмычка, которой можно раскрыть все решительно тайны и загадки творчества. В Достоевском жил и творил вечный Эдип, но ведь основным законом психоанализа считается утверждение, что Эдип живет в каждом решительно человеке. Значит ли это, что, назвав Эдипа, мы разрешили загадку Достоевского?» (10).

Согласимся, что эдипов комплекс работает во всех известных нам человеческих сообществах. Но в этих заданных пределах человечество совсем по-разному строило свою культуру - пусть все парфеноны и кремни рождены защитой отца от детей, и все же определять и анализировать явление культуры через этот общий закон природы столь же нелепо, как и через то обстоятельство, что человек смертен. Все люди смертны, но каждый умирает по-своему. Можно ли понять «почвенность» Достоевского, его стремление к «народной почве» законом всемирного (земного, почвенного) тяготения. «Все человечество давно хронически больно...» (Высоцкий).

Болен был и Достоевский. Сам он говорил о роли болезни в способности соприкоснуться мирам иным, выход за земные пределы. У него болезнь была острее, чем у прочих земных людей. Но что он сказал своей болезнью?

И возникает некий методологический вопрос. Можно ли эпилепсией объяснить основание ислама Магометом? Или деятельность апостола Павла, который, по мнению современных богословов (Фридрих Шорлем-мер), тоже страдал эпилепсией?.. Вообще, что можно объяснить болезнью? Томас Манн патетически (отвечая, видимо, Фрейду) восклицал: «Болезнь!.. Да ведь дело прежде всего в том, кто болен, кто безумен, кто поражен эпилепсией или разбит параличом - средний дурак, у которого болезнь лишена духовного и культурного аспекта, или человек масштаба Ницше, Достоевского. Во всех случаях болезнь влечет за собой нечто такое, что важнее и плодотворнее для жизни и ее развития, чем засвидетельствованная врачами нормальность. <...> Иные взлеты души и познания невозможны без болезни, безумия, духовного «преступления», и великие безумцы суть жертвы человечества, распятые во имя его возвышения» (11).

Фрейд полагал, что Достоевский хотел «использовать свои собственные страдания, чтобы притязать на роль Христа. Если он, в конечном счете, не пришел к свободе и стал реакционером, то это объясняется тем, что общечеловеческая сыновья вина, на которой строится религиозное чувство, достигла у него сверхиндивидуальной силы и не могла быть преодолена даже его высокой интеллектуальностью» (12).

Достоевский никогда не притязал на роль Христа (13). Это путь Антихриста. Достоевский говорил о следовании Христу, как Фома Кемпийский о подражании Христу. Именно русский писатель дал глубочайшую диалектику христианской свободы — как раз в «Братьях Карамазовых», в поэме о Великом Инквизиторе, он нарисовал человека, который попытался взять на себя роль Христа, тем самым превратившись в Антихриста. Следование Христу - акт высочайшей свободы, свободного выбора. Не во имя хлебов, или похоти власти - ничего этого Христос не дает. Во имя выбора себя и свободы отношения к миру.

Достоевский боялся дехристианизации Европы. Фрейд полагал ее необходимой: «Для культуры будет большей опасностью, если она сохранит свое нынешнее отношение к религии, чем если откажется от него» (14).

Достоевский в романе изобразил ученого - Ивана Карамазова, который полагает, что отказ от идеи Бога приведет к антропофагии. А другой его герой, Смердяков, - выражение этой освобожденное от религиозного присмотра, к Богу он возвращается, но уже после преступления, а поскольку покаяться не может, не умеет, как и прочие герои Достоевского, то кончает самоубийством, но не по русскому стремлению к смерти, а как евангельский Иуда, почувствовавший свою несовместимость с жизнью.

Правда, Фрейд полагал, что российские проблемы никак не коснутся Запада. Говоря о «гигантском эксперименте над культурой, который в настоящее время ставится в обширной стране между Европой и Азией», он пишет: «То, что там готовится, не поддается из-за своей незавершенности

рассмотрению, для которого представляет материал наша давно устоявшаяся культура» (15).

Тихий Запад, успокоившийся Запад, мудрый Запад, культурный Запад - его никак не может коснуться та выплеснувшаяся из русского котла стихия бессознательного, приводящая к кровавым эксцессам, что так убедительно показано в романах русского писателя Достоевского. Именно этим любопытством к давно, как казалось, преодоленным на Западе крайностям, полагал Фрейд, и вызван интерес к его творчеству, открывающему «таинственную русскую душу». Достоевский, однако, никогда не спекулировал на понятии русской души, никогда не делал предметом своего изображения этнографическую экзотику. Его герои, как правило, - европейски образованные русские люди. И если поначалу казалось, что слава его объясняется необычностью его героев, которые рождены таинственной русской почвой, то позже стало понятно совсем иное. Не случайно тот же Альбер Камю для анализа западноевропейского экстремизма привлекал созданные русским писателем образы русских бунтовщиков. Вообще, это желание найти в России некую тайну принадлежит тем западноевропейцам, которым собственная история представляется скучной и которые желают вырваться из кажущегося размеренным и скучным быта, а потому и пребывают в поисках экзотики. Думается, в этом контексте лежит и некоторая неадекватность фрейдовской оценки творчества Достоевского.

Опыт более чем столетнего обращения самых разных мыслителей Запада к творчеству Достоевского, говорит нам, что в все же ищут не только экзотику, а те идеи и образы, которые внятны любому человеку. Не от интереса к России стали читать русских писателей. А читая великую русскую литературу заинтересовались Россией. Именно потому, что Достоевский поднял проблемы, которые волнуют глубочайшие умы Европы, заинтересовались Россией, родившей такого гения и такие проблемы, которое он сумел осознать и поставить. Проблемы его - общечеловеческие (это и Фрейд понимает, применяя к нему свой универсальный метод), поэтому он интересен. Уж во всяком случае — общеевропейские («мы принадлежим к арийскому племени», писал Достоевский) - кризис и крах христианства, потеря Бога, сложность, амбивалентность бытия личности в истории. Приписывать злодеяния героев Достоевского их русскости после Освенцима и Дахау, фашистских режимов по всей Европе в XX в. - вряд ли сегодня возможно. Не подозревая о «новом порядке», который будет рожден Европой, Цвейг писал, что «роман Достоевского - миф о новом человеке и его рождении из лона русской души» (16), ибо все русские люди - Карамазовы, с крепкими мускулами и грубым голодом жизни. Только позднее стало понятно, чего Достоевский боялся и о чем предупреждал, говоря об опасности рождения некоего «нового мира» из лона русской души, призывая вернуться к Христу. Просто он первый указал и выявил то общеевропейское зло, которое оказалось совсем не преодолено за века христианского развития. Зло, которое он хотел лечить христианством,

полагая, что влияние последнего не пронизало пока толщу общества, а потому и возможны рецидивы массового сатанизма и явления Антихриста.

Трезвость, жестокость и сила анализа европейских болезней в творчестве Достоевского стали фактом культурного самосознания европейцев. Потому закончу свои рассуждения словами Томаса Манна: «Мучительные парадоксы <...> Достоевского <...> кажутся человеконенавистничеством, и все же они высказаны во имя человечества и из любви к нему: во имя нового гуманизма, углубленного и лишенного риторики, прошедшего через все адские бездны мук и познания» (17).

Правда, психоанализ Фрейда стал одним из способов самолечения западноевропейцев.

Примечания

- 1 Эткинд А.М. Эрос невозможного. М., 1994. С. 109.
- 2 Цвейг С. Достоевский // Цвейг С. Статьи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М., 1987. С.114.
- 3 Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Вопросы литературы. 1990. № 8. С. 167-168.
- 4 Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1X-ХП. Калуга. 1993. С. 142.
- 5 Вышеславцев Б.П. Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923. С. 10.
- 6 Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Зигмунд Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С.48.
- 7 Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. С. 177-178.
- 8 Руткевич А.М. Психоанализ. М., 1997. С. 310.
- 9 Нейфельд И. Достоевский. Психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994. С. 88.
- 10 Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968. С. 110.
- 11 Манн Т. Достоевский - но в меру // Манн Т. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 10. М., 1961. С. 338.
- 12 Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. С. 176.
- 13 «Возможно эта аберрация возникла у Фрейда под влиянием Рильке, о взглядах которого на Достоевского вполне могла рассказать венскому психоаналитику его приятельница и бывшая подруга Рильке - Лу Андреас-Саломе. Рильке же писал следующее: «Незабываемые явления и великие примеры - Иисус Христос и Достоевский. Однако именно слово последнего, человеческое, не превращенное в догму слово, будет для России более существенным, чем было для Европы слово Иисуса Назарейского» (Рильке Райнер Мария. Письма // Рильке Райнер Мария. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1994. С. 144).
- 14 Фрейд З. Будущее одной иллюзии. С. 46.
- 15 Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Зигмунд Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С.22.
- 16 Цвейг С. Достоевский. С. 115.

17 Манн Т. Достоевский - но в меру, С.345

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 34-38

Пути развития психоаналитического образования в России

Х.Э. Мариносян

Прошло четыре года со дня издания Указа Президента Российской Федерации «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа».

За всю советскую и постсоветскую историю нашей страны такое отношение к проблемам психоанализа стало вершиной проявленного со стороны властей внимания. Были осуществлены и все последующие шаги, естественным образом вытекающие как производные в целях продолжения начавшегося глобального процесса. Глобального - потому, что Указом Президента Страны приводятся и были приведены в движение мощные Государственной структуры, такие как Государственный Комитет по науке и технологиям РФ, Министерство общего и профессионального образования РФ, Министерство здравоохранения и медицинской промышленности РФ, научно-исследовательские институты Российской Академии Наук, многие общественные организации и прочие. С участием ряда авторитетных организаций и ведущих специалистов была создана Правительственная программа, которая в дальнейшем была утверждена Правительством Российской Федерации. Членами Академии гуманитарных исследований и Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации были подготовлены и изданы ряд трудов А. Адлера, З. Фрейда, В. Райха, Ф. Фромма, Г. Маркузе, К. Юнга, Э. Берна, К. Хорни, Э. Эриксона. Была выпущена также объемная «Психоаналитическая энциклопедия».

Этот перечень можно было бы, конечно, значительно продолжить. Но наша цель не в перечислении достижений, хотя таковые, безусловно, имеют место, а скорее наоборот - поговорить о том, что не сделано, что же принципиально новое следует предпринять, и что делать в первую очередь. На наш взгляд существенным образом осложняет, а, порой, вовсе тормозит дальнейшее развитие психоаналитической науки и практики в Стране то обстоятельство, что не легализована специальность «Психоанализ». И это несмотря на наличие столь мощной поддержки каковой является президентский Указ. Итак, в первую очередь, необходимо, чтобы в практикуемом в Стране законном порядке со стороны компетентных Государственных органов были утверждены учебная и «ВАКовская» специальности и государственные образовательные стандарты, а также профессия «Психоаналитик».

В противном случае, как ни досадно, но продолжает массово, без исключений, иметь место ситуация, когда все делается полуоткрыто, почти конспиративно, полупрофессионально (ибо, строго говоря, нет профессионалов-выпускников ВУЗов по соответствующим специальностям), почти незаконно (ибо нет Федеральных Законов, правовых актов и

соответствующих Государственных стандартов)... Этот перечень «полу» и «почти» можно продолжить. Так и получается, как ни парадоксально, что, желая нормализовать сложившуюся за период пребывания психоанализа в статусе лженауки печальную ситуацию, мы своими полумерами обложили себя полувинчатыми категориями-полуправдами и, тем самым добровольно переместили себя из плохого, но реального мира в почти хороший, но виртуальный мир, где все прогрессивное вне закона, а все законное по-прежнему остается вне прогресса.

И речь идет не только непосредственно о самом психоанализе, что безусловно, является программой стратегической, и должна быть в центре внимания, но также о том обрамлении вокруг этого центра, без которого, на наш взгляд, современный теоретический и прикладной психоанализ крайне обеднели бы. В последние годы все более отчетливо проявляется необходимость в таких научных учебных дисциплинах как психоанализ искусства, психоанализ рекламы, психоанализ права, психоанализ политики и т.д.

Список этих перечислений должен оставаться открытым, ибо не только все на сегодняшний день существующие отрасли науки и практики, но и впредь возникающие должны быть пронизаны психоаналитическим «духом», поскольку там, где есть человеческая мысль и, уж тем более, ее проявление (скажем, в действиях) невозможно обнаружить истинные причины и реальные последствия от этих действий или, даже, нематериализованных выражений без применения соответствующих психоаналитических методик. Непонятными остаются совершенные и, следовательно становятся впредь непредсказуемыми те поступки, которые абсолютно не вытекают из некоей совокупности знаний, пусть даже успешно усвоенных в предыдущем опыте - в учебных заведениях, на практике, из литературы... Ситуация осложняется тем обстоятельством, что очень часто бывает весьма размыто и та грань, которая, как хотелось бы должна была бы четко квалифицировать и ранжировать по степеням восприятие этих действий самим объектом (объектами), не только в случаях конкретного адресного действия или обращения к ним со стороны субъекта, но и в тех случаях, когда человек (или группа людей) становится объектом воздействия случайно, попадает под воздействие (хотя такое случайное воздействие может иметь как добровольное, так и неизбежно-вынужденное начало). Такая картина характерна для экономической сферы во всем ее диапазоне - взаимоотношений банк-клиент, работодатель-работник, собственник-директор, директор-менеджер, руководитель-персонал и т.д.

Но еще более все осложняется и, кажется, окончательно запутывается в клубок, когда истинные причины конкретных действий остаются непонятыми, нераскрытыми, необъяснимыми не только для подвергнутого воздействию и не только для не причастного исследователя, но, как не странно и для самого совершившего это действие.

И только подвергнув психоанализу наряду с применением других традиционно используемых методик, то есть с помощью комплексного

анализа удастся постепенно приблизиться к пониманию происшедшего и рассчитывать на хоть какое-то предугадывание предстоящего.

Безусловно, спрессовав эти, наверно сложные, вопросы в несколько предложений, мы лишили себя возможности обсудить их достойным образом, поделиться мыслями, показать иные точки зрения.

Но, тем не менее, мы их затронули для того, чтобы объяснить чем вызвана наша убежденность в необходимости дальнейшего более ускоренного развития образовательных структур в области психоанализа вообще и, в частности, гуманитарного образования, а в особенности, юридического и экономического с выраженной психоаналитической направленностью.

Именно с такой спецификой мы видим характер развития психоаналитического образования в России.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 38-39

Психоанализ в России – между прошлым и будущим

А.А.Пружинина, Б.И.Пружинин

Этот доклад является уже второй нашей (в соавторстве) попыткой оценить проблемы и перспективы современного российского психоанализа, опираясь на его историю (1). Между этими попытками - 10 лет и заметно различающиеся контексты. Первая попытка была предпринята нами в самом начале 90-х. Тогда наше обращение к истории отечественного психоанализа было продиктовано прежде всего желанием ускорить в общем и без того интенсивно протекавшие процессы внедрения психоаналитической тематики в обновляющуюся жизнь российской психологической науки и, что особенно важно, российского общества в целом. Были, естественно, и проблемы, но ситуация тогда представлялась безоблачно оптимистически - снимались запреты и, казалось, нужно лишь еще одно усилие (с одной стороны, просветительское, а с другой - практически-организационное), чтобы психоанализ занял в России место по крайней мере не менее достойное, чем в прочих продвинутых обществах.

Реальность оказалась много сложнее. Однако у нас нет оснований стесняться тогдашних наших иллюзий. Да и о каких собственно иллюзиях может идти речь? О том, что усилий потребовалось значительно больше, чем казалось? К чести наших российских энтузиастов, они для возрождения отечественного психоанализа усилий не жалели. Об этом убедительно свидетельствуют достигнутые результаты. А то обстоятельство, что, скажем, процессы подготовки квалифицированных психоаналитиков по самой сути своей не могут быть массовыми и требуют длительного времени, данное обстоятельство отнюдь не принижает значимости этих результатов. Другое дело, - те проблемы, которые весьма сложно было предвидеть тогда, в начале 90-х, и о которых мы здесь и теперь хотели бы высказаться.

Что же, собственно, вызывает у нас беспокойство в современном состоянии отечественного психоанализа? Есть ли здесь вообще основания для серьезной проблемной, так сказать, озабоченности на фоне бесспорных успехов в области историко-теоретических направлений исследований, в образовательно-просветительской деятельности, в сфере организационной, издательской и пр., и пр.? Ведь нет смысла пускаться в долгие рассуждения по поводу частных неудач и издержек. Если они, конечно, при всей их собственной незначительности, не являются симптомами чего-то более серьезного. Мы думаем, что относительно хотя бы некоторых из них можно вполне определенно, хотя и с сожалением, констатировать — являются.

Иными словами, мы полагаем, что за целым рядом частных издержек и отдельных недостатков нынешнего отечественного психоанализа стоят принципиальные проблемы, которые необходимо как минимум осознать. В данном случае речь пойдет о социокультурном статусе современного отечественного психоанализа, а ситуацию, которая в этой области вызывает

беспокойство, мы определили бы как отсутствие сегодня в нашем обществе внятно выраженной социокультурной потребности в психоанализе, т.е. отсутствие того, что можно назвать конкретным социокультурным запросом, и, соответственно, отсутствие у самого российского психоаналитического сообщества четкого сознания социокультурной значимости (социокультурной адресности) дела, которым это сообщество здесь, в стране занимается.

Представленная формула ситуации нуждается, конечно, в уточнениях, хотя бы потому, что она, уже в силу своей краткости, является излишне жесткой. Тем не менее, суть дела она выражает. Мы хотели бы только подчеркнуть, что речь идет именно о российской ситуации и что если мы говорим об отсутствии у нашего психоаналитического сообщества сознания социокультурной адресности дела, которым оно занимается, то речь идет не о сознании этой значимости вообще, а о сознании этой значимости у нас, здесь и теперь.

Общегуманитарную функцию психоанализа наше отечественное сообщество психоаналитиков осознает прекрасно. Вопрос в том, как эта функция предстает в сегодняшней России и в какого рода конкретную активность она нашим сообществом психоаналитиков трансформируется?

Что же касается характеристики нашего общества в целом, то здесь прежде всего следует принять во внимание, что оно сегодня, что бы ни говорили, в значительной мере ориентировано на успех и весьма мало интересуется душевной (в том числе, психической) платой за него. Человек успешный - это у нас так современно. Человек все кругом преодолевающий («крутой») — это условие выживания. Очевидно, конечно, что реализация такого идеала благополучия сопровождается все возрастающими физическими и психическими нагрузками и срывами.

И можно уверенно сказать, что именно люди сегодняшнего успеха в первую очередь являются потенциальными пациентами психоаналитика. Однако сегодня они не готовы взглянуть на себя в объективное зеркало психоанализа. Причины внутренних срывов, фобий, комплексов, неврозов ищутся только в окружающей реальности — в обществе в целом, в семье, в работе, в друзьях и т.д. и т.д. И мы полагаем, что именно фактически сложившаяся нынешняя социокультурная структура нашей общественной жизни не дает оснований для поиска причин всех этих неприятных и непонятных явлений в самом себе, в своих вытесненных желаниях, запретах, переносах. Подчеркнем только еще раз, речь идет о фактически сложившейся социокультурной конъюнктуре, а не о фундаментальных социальных и культурных основах российской жизни.

Тогда, в начале 90-х оптимизм относительно будущего российского психоанализа в значительной мере поддерживался еще и благодаря тому, что возражения против психоанализа носили характер скорее обще-идеологический - они опирались главным образом на доктрину чуждости всего «западного» «русской духовности» вообще. Собственно, именно для того, чтобы оценить, насколько верны утверждения о том, что психоанализ

есть нечто органически чуждое русской социокультурной среде мы и обратились тогда к истории психоанализа в России. Вывод был вполне оптимистический - психоанализ почти сразу по его возникновении укоренился на русской почве, и произошло это хотя и не без проблем, но во всяком случае, легче и быстрее, чем, скажем, во Франции. Вполне успешно психоанализ развивался и в постреволюционной России. Во всяком случае, так было вплоть до утверждения к 30-м годам тоталитарной системы.

И в начале 90-х у нас были основания предполагать, что с развитием демократии (точнее, с исчезновением пережитков тоталитаризма) психоанализ у нас вновь станет полноценным явлением общественной жизни (2). В этом плане, однако, наши надежды оправдались лишь отчасти. Ниже, вновь обратившись к истории отечественного психоанализа, попытаемся прояснить, что мы в данном случае имеем в виду.

В начале века психоанализ в России был принят, по крайней мере в определенных кругах, достаточно благосклонно. Мы думаем, что происходило это благодаря тому, что воспринимался он не только как определенного рода медицинская терапевтическая практика, но и как практика социально-гуманитарная.

При этом, отмечая последнее обстоятельство, мы имеем в виду не экстраполяцию фрейдовских идей на область социальной и культурной жизни, но именно саму психоаналитическую практику как определенный тип социокультурной деятельности, как определенный тип терапии, выполняющей также и определенные социальные и культурные функции. Психоанализ в России подхватывают и начинают практиковать врачи, но именно врачи-практики, близкие к земству — профессионалы с четкой ориентацией на социальное служение.

При этом смысл и методологическое значение социокультурной координаты для самого психоанализа были оценены этими людьми быстро и высоко: «Мы приходим к тому выводу, — замечал Н.Е.Осипов, - что практическая психиатрия есть не естественнонаучная, а культурно-научная дисциплина» (3).

Может быть, это и сказано излишне резко, но во всяком случае свидетельствует о той реальной атмосфере, в которой достаточно успешно развертывался отечественный психоанализ. При этом, подчеркнем еще раз, речь идет не о содержательных культурно-исторических конструкциях психоанализа, которые в тому времени вообще были еще весьма слабо в нем представлены, а о социально-гуманитарном аспекте психоаналитической терапии.

Русские психоаналитики практически с самого начала достаточно ясно понимали, что основанная на психоанализе терапия имеет целью защитить индивида, восстановить его душевное равновесие. Но при этом обращение к индивиду в той социально-культурной ситуации имело для них очевидное социально-культурное значение в контексте ясного общественного запроса России того времени - «человек - это звучит гордо» - и они шли к пациенту, к его проблемам, имеющим и очевидный общественно-личностный смысл.

Пациента они понимали не только как индивида, психический аппарат которого требует медицинского вмешательства, но еще и как социокультурную целостность, медицинско-терапевтическая помощь которой предполагает ясное сознание социокультурных аспектов предлагаемой ими терапии. И именно в этом контексте принципиально нечеткая, особенно в начале века, концептуальная база психоанализа единственно возможным образом обретает остро недостающую ей завершенность - приобретает черты открытой, способной к развитию системы.

Русские психоаналитики тогда учились. Они не стеснялись учиться - они не претендовали на особую оригинальность в своих публикациях, они подчеркнуто внимательно отслеживали все, что происходило тогда вокруг Фрейда, они стремились практиковаться у зарубежных специалистов, много переводили, но одновременно целенаправленно искали специфическую социокультурную нишу для приложения своих усилий и, соот-вественно, придавали специфическую идейную окраску отечественному психоанализу. Между прочим, такого рода установки оборачивались методологической терпимостью и коммуникабельностью тогдашнего отечественного психоанализа.

Русские психоаналитики не боялись говорить о незавершенности теоретической базы психоаналитической терапии и готовы были к диалогу с иными направлениями терапии. Даже самые горячие последователи фрейдовских идей всегда стремились интегрировать фрейдовскую теорию в концептуальный контекст имеющихся течений отечественной психологии и психиатрии. Они постоянно публиковались в изданиях иных направлений, и печатали статьи представителей этих направлений в своих изданиях.

И не случайно, несмотря на распространенность фрейдовских идей и методов, в стране тогда так и не возникла школа, которая бы последовательно и строго применяла лишь концепции самого З.Фрейда.

В свою очередь, открытость отечественного психоанализа оборачивалась широкой просветительской активностью, стремлением привлечь к сотрудничеству всех, кто хотя бы в принципе мог сотрудничать, и одновременно, ощущением общей цели психоаналитического движения, которое, несмотря на все различия в позициях отдельных групп объединяло сообщество российских психоаналитиков.

При общем взгляде на состояние отечественного психоанализа начала века не возникает ощущения самозамкнутости и - как оборотной стороны самозамкнутости — раздробленности сообщества. И это, повторяем, при общей размытости теоретических контуров психоанализа.

Сегодня ситуация вокруг нашего психоанализа иная. Есть любопытство, есть даже некая мода, хотя не очень ясно, на что, собственно, мода — то ли на психологию, то ли на психотерапию, то ли на психоанализ. Но даже если имеет место интерес именно к последнему, речь идет скорее о моде на сведения, необходимые для понимания сюжетов западного кинематографа, чем о моде на собственно анализ. Потенциальные пациенты

не ощущают себя таковыми, даже если знают о всех новейших достижениях западного психоанализа, ибо не видят, какие собственно проблемы их реальной жизни можно решить с помощью его методик. И не в том дело, что общество не схватывает различия в терапевтических методиках или концептуальных построениях (оно в общем и не обязано их схватывать) - в обществе нет понимания того, что, собственно, несет в себе психоанализ в реальном социокультурном плане, нет ощущения нужности того, что он предлагает для реальной жизни. Вот Карнеги нужен.

А нынешний российский психоанализ пока не нашел свою социокультурную нишу, как он нашел ее в начале века с помощью врачей-земцев, ясно представлявших жизненные проблемы того социального слоя, который они пользовали.

Скажем, известно, что в нашей стране не спрос на психоаналитическую литературу определяет предложение, а именно предложение формирует общественный интерес. И это могло бы быть несомненным плюсом для психоаналитического просвещения, если бы издательская активность ориентировалась хотя бы общим сознанием социокультурного запроса. И не в том дело, что в издании психоаналитической литературы, как мы все знаем, никакого сколько-нибудь согласованного плана не было и насколько нам известно, нет и сейчас.

Дело в том, что сами издатели ощущают интерес лишь, так сказать, справочно-просветительского характера. А это очень серьезно. Ведь одно дело, когда идейное течение формируется вместе с читающей публикой, со своим читателем, переживающим вместе с профессионалами увлечения, успехи и неудачи, другое, когда читателю предлагаются лишь плоды чужого опыта. В последнем случае очень важно показать систему взаимокритических аргументов от различных направлений, школ, лидеров психоанализа и в историческом плане, и современных, т.е. показать единство проблемного поля различных психоаналитических направлений.

Однако даже при самом поверхностном анализе издаваемой литературы, в подавляющей своей части переводной, можно констатировать, что в ней странным образом отсутствует внутренняя дискуссия и даже западный психоанализ предстает как нечто весьма разобщенное. Выбираются для переводов работы как правило хорошие. Но в целом, остается слишком много концептуальных лакун. Нет ощущения единого потока, движения к единой цели.

А самое главное, в размышлениях о психоанализе нарушается баланс между позициями *pro et contra*, так что вне поля внимания оказываются как раз работы, проблематизирующие статус психоанализа. В результате, при взгляде на наш сегодняшний психоанализ со стороны, возникает ощущение самозамкнутости, своеобразного академического, что ли, существования. А ведь в такой ситуации скрывается очень серьезная опасность, о чем весьма убедительно свидетельствует историческая судьба отечественного психоанализа.

В постреволюционной России, в 20-е годы психоанализ переживает новый подъем. А к началу 30-х он исчезает. Эта метафора - «исчезает» - в данном случае отнюдь не случайна. Для нас принципиально важно, что на рубеже 20-х - 30-х годов отечественный психоанализ прекращает свое существование в общем довольно тихо и без всяких прямых репрессий, т.е., фактически, самоустраивается. Иногда этот пункт прямо или косвенно оспаривается, то ли из каких-то общих соображений, то ли по соображениям прагматическим.

Однако, вопрос, каким образом закончил свое существование отечественный психоанализ в 30-ые годы, принципиально важен для того, чтобы уяснить обстоятельства, действительно необходимые для существования психоанализа. Дело в том, что если, в отличие от многих других направлений отечественной науки в те годы, психоанализ именно исчез, а не пал жертвой прямого вмешательства внешних для него сил, то у нас появляется реальная возможность проследить, какое, собственно, внутреннее условие существования психоанализа было в данном случае нарушено.

Именно по этой причине для нас столь важно подчеркнуть, что никто из отечественных психоаналитиков, насколько нам известно, не пострадал непосредственно за свои психоаналитические взгляды. Даже признанный лидер послеоктябрьского психоанализа А.Б.Залкинд, фактически лишенный к середине 30-х годов возможности как-то влиять на развертывание исследований в области психологии и психиатрии, был отстранен не за свою психоаналитическую активность, а за пропаганду педологии.

Собственно, к середине 30-х годов психоанализа практически уже не было и большинство его сторонников (таких, например, как ученый секретарь образованного в 20-е годы Русского психоаналитического общества А.Р.Лурия или профессор Б.Э.Быховский) занимались разработкой совсем иной проблематики. Что же касается тех уничтожающих, в буквальном смысле слова, характеристик: которыми до недавнего времени наделялось у нас фрейдовское учение, то они были по большей части отзвуками значительно более поздних идеологических демаршей 40-50-х годов, ритуальные цели которых лишь косвенно имели в виду отечественный психоанализ.

Короче, психоанализ у нас перестал существовать раньше, чем были осознаны причины для его идеологического осуждения и прямого административного запрета. У него были противники, были враги, идейные и безыдейные, были внутренние склоки и раздоры.

Но свое существование отечественный психоанализ прекратил не из-за них, а потому, что самоустраивался. И устранился, мы полагаем, потому, что потерял социокультурную значимость для общества побеждающего социализма. Эта особенность его судьбы уже сама по себе заслуживает внимания историков и философов науки.

Но еще более важным нам представляется выяснить причины, которые, судя по всему, действуют в России и сегодня, мешая утверждению

психоанализа. Во всяком случае, обращение к истории позволяет хотя отчасти пролить свет на ту странную ситуацию, в которой психоанализ находится сегодня у нас.

Но вернемся к России начала 20-х годов. Психологи и психиатры, движимые гуманистическим пафосом, охотно вписывались тогда в революционные практические программы большевиков. Ибо эти программы не просто манили перспективами, но вполне реально представляли возможность работать. Отечественные психоаналитики, как и вообще подавляющее большинство психологов и психиатров активно включались в дело раскрытия творческого потенциала личности, в процессы ее раскрепощения. В том числе и сексуального. В контексте революционной задачи создания «нового», раскрепощенного человека страну, в частности, сотрясал половой вопрос - вопрос о новом отношении полов, о половом воспитании (вспомним хотя бы о медицинской специальности булгаковского профессора Преображенского — так нужного всем). Впрочем, сфера интересов психоаналитиков этим вопросом не ограничивалась.

Общество следовало вылечить в целом и каждого человека, в частности. Понятно, что вся эта работа шла в условиях острейших дискуссий, приобретающих зачастую яркую идеологическую окраску. Но при этом, как раз направленность психоанализа на личность, на раскрепощение творческого потенциала сохранялась, ибо была вполне созвучна эпохе. Сохранялся, несмотря на все потрясения и интриги, и психоанализ. Ибо психоаналитики так или иначе осознавали ту социально значимую роль, которую они призваны были сыграть в становлении нового общества и нового человека.

Анализ активности психоаналитического сообщества того времени позволяет очень ясно увидеть, каким образом хорошо осознанная и освященная обществом социокультурная задача стимулирует разработку определенной теоретической и практической базы, как в свете этой задачи формируется понимание того, что, собственно, следует лечить, и какими методами. Эта задача маркирует пациента, нуждающегося в помощи психоаналитика для решения реальных, социально и культурно структурированных жизненных проблем. А общество принимает эту помощь. И весьма показательно, что, например, заседания Наркомпроса к середине 20-х зачастую начинались с обсуждения вопросов, которые призван был решить психоанализ в Детском доме-лаборатории «Международная солидарность». Не без участия психоаналитиков функционировал опытный интернат при Петроградском педологическом институте, а в Воронежском, Челябинском и Вологодском и др. детских домах изучались психологические и физические возможности ребенка. Во всех этих заведениях дети были в возрасте преимущественно от трех до семи лет и ставилась задача вообще начать принимать детей грудничкового возраста. Тем не менее психоаналитики находили себе здесь место.

Надо думать, именно благодаря социокультурной активности идейная жизнь внутри постреволюционного психоаналитического сообщества была весьма интенсивной. Мы не будем сейчас обсуждать ее тогдашний

теоретический уровень. Там было всякое - отчаянно-рискованные теоретические обобщения, непомерная со-циологизация и даже идеологизация психоаналитической тематики. Излишние социокультурные претензии далеко не всегда способствовали профессиональной работе. Но были и перспективные теоретические и терапевтические разработки.

В данном случае, однако, для нас важно, что общая ориентированность психоанализа на решение социально-личностных проблем вовсе не исключала медицинско-терапевтическую практику. Более того, как только стала неуместной первая, прекратила свое существование и вторая.

Кстати, в свете сказанного представляются неоправданными упреки, адресованные Фрейду за ориентированность его учения на определенный слой венской субкультуры. Эта ориентированность демонстрирует отнюдь не ситуативность фрейдовской концепции, а скорее указывает на необходимый элемент психоанализа как такового — в иных контекстах нужна иного рода терапия и иного рода версии. Свой благоприятный контекст был в Вене конца 19 столетия, свой — в России начала 20 столетия, а свой нужен был в постреволюционной России и свой нужен будет в завтрашней.

Этот благоприятный контекст дает психоанализу возможность осознать свою социокультурную уместность. Отсутствие же такой возможности разрушительно для него. К «году великого перелома» (напомним — 1929) это и случилось с российским психоанализом. Разрушение, а точнее, саморазрушение отечественного психоанализа началось тогда, когда со сменой в стране социально-экономических приоритетов внутреннее состояние личности перестало кого-либо волновать даже как условие повышения производительности труда. Были избраны иные средства достижения социально-экономических целей. Во главу угла был положен план, задаваемый техническими параметрами целей, а не психосоматическим комфортом человека. Так что в центре внимания наук о психике оказались задачи стимуляции, мобилизации энергии, а не раскрепощения творческого потенциала личности. И психоанализ перестал быть адекватным средством решения реальных жизненных задач. А в качестве самозамкнутого «академического» образования он не смог досуществовать даже до репрессий (которые, как известно, наступили весьма скоро). Он просто исчез.

Печальный эксперимент 30-х демонстрирует, что «академический» психоанализ (даже вместе с его прикладными методиками), не скрепленный единой социально-гуманитарной целевой ориентацией, легко рассыпается в нечто разнообразно-аморфное и по содержанию, и организационно. Для такого гуманитарного феномена, как психоанализ наличие такой ориентации является принципиально важным. Психоанализ — не физика. Живой, полноценный психоанализ, оставаясь медицинской терапией, является еще и элементом социокультурной реальности именно как терапия. Иначе он существовать не может. В качестве «академической» дисциплины психоанализ саморазрушается. В этом и состоит главная опасность сегодняшней ситуации.

Интересно, что в 70-е годы российский психоанализ восстанавливали философы и психологи-теоретики, ученые, не практики. Восстанавливали они его естественно как культурнотеоретический феномен. Вариантов тогда не было — к практике психоанализ тогда не подпускали. Сегодня, не углубляясь в оценки политического смысла прошедшего с тех пор времени, важно отметить, что по крайней мере в интересующем нас плане возможности для развития психоанализа в стране не уменьшились, и наш отечественный психоанализ весьма эффективно пользуется этими возможностями.

Но, тем не менее, а скорее даже именно благодаря бесспорным успехам в саморазвертывании современного отечественного психоанализа, можно констатировать также, что есть в его нынешнем общественном статусе некоторые тревожащие особенности.

Теперь запретов нет ни на теорию, ни на практику, но социальная несвоевременность психоанализа очевидна.

В результате, происходит то, что и может происходить в таких случаях — редукция психоанализа к его медико-терапевтической составляющей. Что же касается его гуманитарной составляющей, то она существует скорее как абстрактный феномен внутри психоаналитического сообщества.

Нынешний отечественный психоанализ как бы теряет теоретичность, уходит в терапевтические методики и замыкается в себе. Ведь в отличие от советов современного психолога, скажем, от советов социального психолога, советы психоаналитика скорее интересны, чем значимы. Интеллигентный человек должен знать, что такое психоанализ, но идти к психоаналитику он смысла не видит, ибо он не видит, как это поможет ему решить жизненные проблемы.

Бессмысленно предъявлять претензии народу, который не дорос до психоанализа. Уместно ставить вопрос о том, что может сделать отечественный психоанализ в этом плане. И уместно сознание той внутренней неустойчивости, которой чревато нынешнее положение дел.

Нам очень бы не хотелось, чтобы это случилось с российским психоанализом. Собственно, это и есть основная причина, по которой мы здесь выступаем.

Примечания

1 Пружинина А.А., Дружинин Б.И. Из истории отечественного психоанализа (историко-методологический очерк) // Вопросы философии. 1991. №7.

2 К аналогичным оптимистическим выводам по поводу перспектив отечественного психоанализа приходили в 90-х и другие исследователи истории психоанализа в России. Напомним о статье А.И.Белкина и А.В.Литвинова в «Российском психоаналитическом вестнике» (1992, №2), о работах В.М.Лейбина.

3 Осипов Н.Е. Мысли и сомнения по поводу одного случая «дегенеративной психопатии» // Психотерапия, 1912, № 1-6, с.207.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 39-42

Судьба российского психоаналитика

В.В.Старовойтов

Анализ любого направления общественной мысли невозможно провести без изучения биографий исследователей.

Одним из выдающихся деятелей российского психоаналитического движения был Е.В.Левин.

Левин Евгений Васильевич (6 августа 1940 — 5 июня 1982) — блестящий психоаналитик, удивительно одаренный и необыкновенно талантливый человек, обладавший фантастической эрудицией, и в то же самое время человек пограничного поведения, у которого временами бывали жуткие срывы и очень тяжелые депрессивные состояния, из которых он уходил в разгульное поведение.

Это человек, которому я обязан своей жизнью и самой возможностью творчества, память о котором для меня свята.

Отец Жени, Василий Андреевич Левин, был авторитарной личностью и не терпел в доме никакого непослушания. Вначале он относился к Жене как жестокий тиран к бесправному ребенку, а затем Женя стал противостоять. Отец хотел сломать его, но не смог, и на этом противостоянии выковывался его характер. Неуравновешенный характер и фантастические способности проявились у Жени еще в школе. Несмотря на больное сердце (у него с детства был ревмокардит), которое он игнорировал, Женя в школе занимался барьерным бегом и фехтованием. Он обладал удивительной памятью, все ему давалось очень легко, однако на занятия он ходил нечасто. При этом Женя усиленно занимался биологией и химией, так как его дядя был химиком и в доме было очень много книг по химии.

В 14 лет он познакомился со своей будущей женой - Татьяной Александровной Ротенберг, которая перешла учиться в их класс. От нее он увлекся литературой, которую впоследствии (особенно русскую) очень хорошо знал. Его дядя, который знал европейские языки и собирал литературу - был очень интересным человеком. У него Левин лет с 18 начал читать Фрейда.

После окончания школы, несмотря на возражения родителей, Женя заявил, что пойдет в мединститут, куда он очень легко поступил. Однако к весне он был отчислен за непосещение занятий и призван в армию. Служил Женя в Каракумах, на военном аэродроме, в части по обслуживанию полетов. Там он пристрастился к выпивке вместе с прилетавшими туда военными летчиками, и когда демобилизовался, то здорово пил.

В Москве Евгений Васильевич быстро восстановил свои знания и поступил во 2-й Мединститут. Обладая удивительной одаренностью, он всегда шел с опережением (в 60-е годы) своих сверстников как в интеллектуальном плане, так и в смысле притязаний. Впоследствии Левин работал

врачом на скорой психиатрической помощи. Это давало ему и ряду его коллег возможность заниматься психоанализом. (Сутки работа, трое дома).

При всем при том он беспрерывно работал и успевал сделать очень многое. Он много занимался самоанализом. По утрам обдумывал свои сны, иногда коротко говорил об этом своей жене. Сам Левин придерживался классического фрейдистского психоанализа.

Евгений Васильевич опередил свое время на 20 лет. То, чем он занимался, ни у кого не находило поддержки, и эту работу надо было делать подпольно, что тоже достаточно тяжело. Со стороны самых близких ему людей он также не мог ее получить в полной мере. В то время не было других психоаналитиков, которых Евгений Васильевич всегда очень искал. В светло-критические минуты он говорил Тане, что ему тяжело и что его срывы происходят, так как ему необходимо было бы пройти у кого-то психоанализ, но что ему некуда для этого пойти.

Мой брат, который консультировался у Евгения Васильевича в последние две недели его жизни, рассказывает, что Левин не верил, что когда-либо при его жизни будет развиваться психоанализ, и не видел перспектив работать открыто. В ходе ведения анализа настроение у него было очень боевое, деловое, напряженное. Он почти никогда не проявлял эмоций и работал без какого-либо расслабления. Для его метода работы было характерно, зацепившись за какую-либо ниточку, идти вглубь, пока она не оборвется.

Работал он в последние дни в очень напряженном режиме, выгадывая некоторое время за счет жестких и часто бросающихся в глаза немотивированных конфликтов. Так, брат вспоминает, что Евгений Васильевич подъезжал к дому на огромной скорости и резко тормозил, вызывая испуг и злобу у находившихся рядом людей.

В ходе лечения пациентов, как и в любых других аспектах его жизни, в полной мере проявилась присущая ему очень сильная авантюрная жилка. Он играл со своими возможностями лечить людей, и ему это безумно imponировало.

Обладая фантастическими суггестивными способностями, Левин мог добиваться значительных результатов, но у него, также, было очень много конфликтов с родителями, когда у пациентов по ходу анализа начинались обострения в связи с течением болезни и ухудшались отношения с родителями, ведь Левин становился для них авторитетом.

В то же время, вскрывая причины конфликтов, Евгений Васильевич подчеркивал, что это не вина их родителей, ведь они также не были свободны. Он очень ценил время и говорил, что жизнь коротка, и не надо убивать ее на пустячные ссоры.

Хотя Левин излечивал симптомы у многих людей, отнюдь не все они до конца выздоравливали. В их состоянии имели место рецидивы. Так, В.М.Бодик, в течение ряда лет проходивший анализ у Левина, впоследствии ушел от него из-за своей неудовлетворенности результатами работы. Испытывая по отношению к Левину крайне амбивалентное и довольно

критическое отношение, он, тем не менее, считает годы анализа самыми счастливыми годами своей жизни. Он полагает, что таким людям как Левин, которые пошли на самопознание и не побоялись этого сделать, надо поставить памятник. «Они пошли узнать себя через других людей, но долго не смогли этим заниматься, хотя и помогли многим людям и спасли их жизни».

По его мнению, в результате анализа Евгений Васильевич получил власть над людьми, но затем в ней разочаровался, так как власти над собой у него не было.

Помимо своего блестящего дара аналитика, он оказывал громадное воздействие своей творческой и притягательной личностью. Левин говорил, что как аналитик он подключается к пациенту, замыкает его на себя, а потом размыкает на внешний мир.

Сам он собирался жить очень долго и хотел еще очень многое успеть сделать. Здоровому человеку при полноценном сне, говорил он, хватает 4-5 часов отдыха. Как-то Евгений Васильевич сказал мне, что значительно продвинулся в деле лечения пациентов, и что те случаи, которые он раньше лечил за 3-4 года, теперь он излечивает за 1-2 года.

С Евгенией Александровной Левин познакомился летом 1977 года в Прибалтике (Соукрасты). Женя прилетал туда каждую пятницу, и всегда входил с букетом роз. По возвращении в Москву он сделал ей предложение. Теперь мы подходим к самому последнему и трагичному периоду в жизни этого замечательного человека. В эти годы он уже жил с Евгенией Александровной, хотя временами чувствовал себя ужасно виноватым перед Таней, с которой он прожил вместе 19 лет. Он очень доверял Тане и верил в ее безусловную порядочность. Она в некотором смысле заменяла ему мать. Он считал, что Таня должна все понять, принять, простить.

В то время одному знакомому Евгения Васильевича кто-то не возвращал долг, и Левин посчитал своим долгом вмешаться. В результате получилась обыкновенная пьяная разборка, после чего тот человек сразу заявил на них в милицию. На следующий день их обоих забрали. В результате Левин два года просидел в Бутырской тюрьме под следствием. Через два года состоялся суд, на котором вынесли приговор - 2 года лишения свободы, и его освободили в зале суда. Когда Левин вернулся, то радовался, был очень счастливым, не хотел об этом вспоминать. Один раз, когда он вспомнил о том, как его заперли в темный шкаф, когда водили к адвокату, чтобы не было встречи с другим подсудимым, то почти заплакал и стукнул кулаком по столу. Через полгода после выхода из тюрьмы Евгений Васильевич умер. Это был отголосок того страшного стресса, который он там получил и из которого не вышел.

Его первая жена и сестра отмечали его духовную близость с Высоцким, которого он больше всех любил, и когда пил, то часто слушал «Кони». Сестра говорила, что он очень схож с Высоцким, даже по своим запоям. Хотя в светлые периоды эти люди могли творить.

Ибо талантливый человек, как правило, талантлив не в одной только области.

Как справедливо сказал о Левине один из его пациентов, его жизнь, да и судьба психоанализа в России достойна романа.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 43-44

**Рецепция идей З.Фрейда
в интеллектуальном сознании русского зарубежья
1920-х – начала 1930-х годов**

М.Н.Тутаева

Обращение к истории рецепции фрейдизма в российском культурно-художественном сознании, особенно первой трети XX в., позволяет лучше понять те альтернативные варианты мыслительства, которые возникли в интеллектуальной атмосфере России, ту идейную канву, которая обогащала русскую мысль на протяжении ряда десятилетий. В дореволюционной России идеи австрийского психолога, обретающего все большую популярность сначала в Европе, а затем и в Америке, получили определенный резонанс среди русских ученых.

В 1920-х г. как в России, так и в Российском Зарубежье становится заметен профессиональный интерес к ним психологов и психиатров, наблюдается интенсивное развитие психоаналитического движения, параллельно с чем внимание к фрейдизму проявляют представители практически всех гуманитарных наук. Фрейдизм активно увлекает интеллектуальную элиту России, как всегда с энтузиазмом откликнувшуюся на новейшие философские, культурно-художественные и прочие зарубежные новации. При этом российская эмиграция была куда более свободна в своих симпатиях и пристрастиях, куда менее скована в оценках по сравнению с той ситуацией, которая складывается в Советской России, начиная с конца 1920-х гг.

Для российских интеллектуалов, оказавшихся в эпицентре духовной жизни Западной Европы с ее спорами и дискуссиями, фигура Фрейда представлялась достаточно любопытной. Российское культурно-художественное сознание претерпевает весьма примечательную эволюцию, закономерным итогом которой становится окончательное укоренение в нем фигуры Фрейда и его учения как характернейшей приметы новой эпохи.

В 1920-е — к началу 1930-х гг. идеи Фрейда достаточно укореняются в культурном сознании интеллектуальной элиты Российского Зарубежья, плавно перетекая в подсознание последней. «Я не социалист, я фрейдовец», — пишет в 1923 г. находящийся в Берлине В.Б.Шкловский, пытаясь резюмировать свой опыт общения с большевистской революцией. - «Человек спит и слышит, как звонит звонок на парадной. Он знает, что нужно встать, но не хочет. И вот он придумывает сон и в него вставляет этот звонок, мотивируя его другим способом, - например, во сне он может увидеть заутреню. Россия придумала большевиков как сон, как мотивировку бегства и расхищения, большевики же невиновны в том, что они приснились. А кто звонил? Может быть, Всемирная Революция».

Практически одновременно выступает в еженедельнике «Звено», лучшем интеллектуальном издании Русского Парижа, со своими репликами по поводу работ советских и французских интерпретаторов Фрейда

Н.М.Бахтин, старший брат известного российского мыслителя, в кругу единомышленников которого в середине 1920-х гг. велись интенсивнейшие дискуссии о месте и идеях Фрейда.

Впрочем, отношение к Фрейду у русской эмиграции достаточно противоречиво — так, обладающий высочайшей степенью саморефлексии, блестящий писатель-психолог В.В.Набоков-Сирин, который, по свидетельству С.И.Гессена, «слышать не мог о Фрейде без раздражения», откровенно саркастичен, когда добавляет в монолог героя: «О, женщина, твое имя — золотце... Так мы называли нашу маму, а потом - Катеньку. Психоанализ: мы все Эдипы».

Заметим, что подавляющему большинству авторов не просто очевидна значимость Фрейда для современного культурного и философского сознания: упоминание его имени в конкретном контексте становится, как бы естественным и проговаривается без поиска каких бы то ни было обоснований. Известный русский художник и искусствовед А.Н. Бенуа в начатых в середине 1930-х г. воспоминаниях делает весьма показательную отсылку к австрийскому мыслителю, вспоминая об отношении к автору «Рождения трагедии из духа музыки» в кругах Санкт-Петербургской интеллигенции конца прошлого столетия. Сходный пример можно обнаружить и у Н.А.Бердяева, в «Истоки и смысл русского коммунизма».

Вопрос о восприятии Фрейда русской философией «серебряного века» в предреволюционной России и ее представителями, а также более поздними продолжателями этой традиции в Российском Зарубежье заслуживает специального и подробного рассмотрения, здесь же мы лишь заметим, что разговор о Фрейде и его идеях ведется Н.О.Лосским, С.Л.Франком, В.В.Зеньковским исключительно с профессиональных позиций. Показательно, что в написанном во второй половине 1920-х г. известном философском труде «Свобода воли» Н.О.Лосский достаточно органично оперирует примерами из фрейдовской «Психопатологии обыденной жизни», а И.И.Лапшин в 1929 г. печатает в журнале «Воля России» весьма объемистое исследование «Бессознательное в научном творчестве».

Правда, следует отметить, что собственно концепция бессознательного у Лапшина отнюдь не тождественна фрейдовской (у которого, по мнению русского философа, она скорее выступает как «безотчетное»), но теория и практика австрийского психиатра и его учеников таковы, что игнорировать их в любом случае нецелесообразно. В 1930 г. со статьей «Психоанализ как мирозерцание» в «Пути», одном из ведущих философских журналов эмиграции, выступает С.Л.Франк.

Вскрывая философский подтекст и контекст теории Фрейда, Франк сравнивает последнюю с марксизмом и усматривает слабость обеих концепций в чрезмерном тяготении к позитивизму и примитивному материализму. Однако, несмотря на критическое отношение к фрейдизму, в своем фундаментальном тексте конца 1930-х «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии» Франк использует фрейдовское разделение «Я» на «простое Я» и «сверх Я», «идеальное Я».

Наибольшее внимания в данном контексте заслуживает В.В.Зеньковский, в сфере интересов которого присутствует не только философская проблематика, но и психолого-педагогическая тема. Проявив интерес к самым различным западным и отечественным психологическим теориям, Зеньковский посчитал необходимым и существенно важным остановиться на концепции Фрейда. Он не только выделил данное направление при анализе имеющейся литературы по проблеме, но и весьма пристально рассмотрел основные особенности концепции своих явных оппонентов. Понятно, что пристальнее всего Зеньковский вглядывается в концепцию Фрейда, размышляя о сексуальных чувствах ребенка. Православная ориентация ученого не позволяла ему сохранить полную объективность при анализе «сексуального развития ребенка по Фрейду», хотя определенные заслуги Фрейда и его школы в постановке и решении этих вопросов он все же готов признать. В опубликованной в 1934 г. книге «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» Зеньковский находит своего рода «реабилитирующие» обстоятельства: отчасти примиряющие его - идеолога православной педагогики — с отдельными моментами фрейдизма и его последующих модификаций.

Отдельного разговора и специального исследования требует стоящая в силу своей сугубо профессиональной специфики несколько особняком проблема восприятия и интерпретации идей Фрейда российскими психиатрами и психоаналитиками лишь в последнее время выходящая на первый план. Самой примечательной из всех фигур можно без преувеличения назвать одного из крупнейших российских психоаналитиков Н.Е.Осипова, после революции перебравшегося в Прагу и фактически создавшего там собственную психоаналитическую школу из русских и чехословацких студентов. Активно занимаясь собственно психиатрией ученый не оставляет культурно-психоаналитических штудий. Посреднические функции, взятые на себя Н.Осиновым и его современниками, заключались не только в том, чтобы перевести и издать западную литературу, создав русскоязычную терминологию, воспитать новое поколение психотерапевтов, но и в том, чтобы укоренить психоанализ и психотерапию в национальной научной, философской, литературной традициях, переведя их на язык русской культуры, ретранслировать в культурное сознание Российского Зарубежья.

В любом случае, проблема восприятия идей Фрейда в Российском Зарубежье остается примечательной попыткой диалога между культурно-философскими сознаниями, берущими истоки в различных традициях и обретающих понимание друг друга при построении нового, нестандартного объяснения внутреннего мира человека, человеческого характера, места человека в окружающем его контексте и т.п.

Без учета процесса рецепции идей Фрейда данный аспект культурно-образовательного пространства российской эмиграции остается, по меньшей мере, неполным.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 44-45

Осознание бессознательного

В.И.Овчаренко

Создание современной психологии как науки о психике и поведении во всех их формах и диапазонах в значительной мере стало возможным благодаря открытию и использованию принципиально новых подходов к изучению и пониманию природы и сущности человека.

Наиболее существенным из них, по содержанию и последствиям, стал коперниканский переворот Зигмунда Фрейда. Бесспорной исторической заслугой З.Фрейда является то, что он положил начало систематическому собственно психологическому исследованию бессознательного психического, создал учение о бессознательном, психоанализ и психоаналитическую традицию. Осознание реальных достижений З.Фрейда предполагает понимание и того важного обстоятельства, что именно он впервые сумел преодолеть внутренние пределы психоанализа и фактически заложил основы глубинной психологии (понятие Э.Блейлера), ориентированной на исследование бессознательного психического, но отнюдь не сводящейся к своим психоаналитически маркированным элементам.

В существенной мере именно вследствие этих достижений психология человека, дотоле направленная почти исключительно на исследование феноменов сознания и самосознания, обрела новые измерения и качества, позволившие относительно корректно определить ее объект и предмет, цели и задачи, идеалы и нормы исследования, объяснительные принципы, методологию, методы и методические процедуры, основные отрасли, проблемные поля, функции и существенно дополнить, обновить и усилить концептуальный потенциал и категориально-понятийный аппарат.

Ретроспективный анализ проблематики бессознательного показывает, что она обладает специфической традицией. Некоторые намеки на возможное существование такой проблемы содержались еще в ранних формах фольклора, мифологии религии. В различных значениях и смыслах проблема бессознательного ставилась и разрабатывалась в философии и психологии на протяжении всей их истории.

В европейской рациональной традиции идея о бессознательном психическом восходит к эпохе создания философии (к учению Сократа и Платона об анамнесисе - знании-припоминании, учению Аристотеля о разных частях души и др.).

Существенный вклад в последующее предпсихоаналитическое и внепсихоаналитическое осмысление и изучение проблемы бессознательного внесли Б.Спиноза (неосознаваемые «причины, детерминирующие желание»), Г.Лейбниц (трактовка бессознательного как низшей формы душевной деятельности), Д.Гартли (связь бессознательного с деятельностью нервной системы), И.Кант («темные представления», связь бессознательного с

проблемами интуитивного и чувственного познания, «в самом глубоком сне душа более всего способна к разумному мышлению»), А Шопенгауэр (идеи о бессознательных внутренних импульсах), К.Карус (ключ бессознательного в подсознательном), Э.Гартаман («Философия бессознательного»), Г.Фехнер (представление о «душе-айсберге»), Т.Липпс («бессознательные представления» и «бессознательные ощущения»), В.Вундт («неосознаваемое мышление», «неосознаваемый характер процессов восприятия»), Г.Гельмгольц (учение о «бессознательных умозаклучениях»), И.Сеченов («бессознательные ощущения или чувствования»), И.Павлов («бессознательная психическая жизнь»), В.Бехтерев (активность «бессознательного»), А.Льебо и И.Бернгейм (постгипнотическое внушение и поведение), Ж.Шарко (идеи о невидимой и неосознаваемой психической травме), Г.Лебон (бессознательный характер поведения людей; бессознательное как доминирующая совокупность психических процессов, всегда преобладающая в толпе и управляющая «коллективной душой» толпы), Г.Тард («законы подражания»), П.Жане (психические автоматизмы и бессознательные факторы неврозов), А.Бергсон (интуитивизм, бессознательное, «сверхсознание») и многие другие. В общем, эти идеи и концепции могут быть поняты как своеобразные точки роста в осознании проблемы бессознательного психического.

В XX веке наиболее подробно и систематически представление о бессознательном психическом разрабатывалось в границах психоаналитической традиции, обладающей ныне рядом учений, теорий, концепций и моделей различной степени общности, достоверности и эвристичности.

Принципиально важные результаты были получены З.Фрейдом, создавшим корректное психологическое определение бессознательного, учение о бессознательном, соответствующий категориально-понятийный аппарат и методы познания; установившим некоторые элементы содержания, функционирования и регуляции бессознательного.

Определяя бессознательное как психические процессы, «которые проявляются активно и в то же время не доходят до сознания переживающего их лица», З.Фрейд предложил обоснованное понимание бессознательного как основной и наиболее содержательной системы психики человека (бессознательное – предсознательное – сознательное), регулирующейся принципом удовольствия и включающую в себя различные врожденные и вытесненные элементы, влечения, импульсы, желания, мотивы, установки, стремления, комплексы и пр., характеризующиеся неосознаваемостью, сексуальностью, асоциальностью и т.д. По мнению З.Фрейда, в бессознательном идет постоянная борьба Эроса (влечений и сил жизни, сексуальности и самосохранения) и Танатоса (влечений и сил смерти, деструкции и агрессии), использующих энергию сексуального влечения (либидо). Согласно классическому психоаналитическому учению, содержание бессознательного включает в себя: 1) содержание, которое никогда не присутствовало в сознании индивида и 2) содержание, которое

присутствовало в сознании, но было вытеснено из него в бессознательное (желания, воспоминания, образы и т.д.).

Фактически в учении З.Фрейда выделены не два (как это обычно полагают), а три вида бессознательного: 1) Латентное бессознательное, содержание которого, в общем, соответствует предсознательной системе психики и может быть осознано индивидом, 2) Вытесненное бессознательное, осознание которого предполагает использование специальных (по З.Фрейду, психоаналитических) методов и 3) Наследуемое общечеловеческое бессознательное, репрезентирующееся, например, в имманентных принципах психической жизни, универсальных комплексах Эдипа и кастрации, влечениях, мотивациях и т.д.

Но, к сожалению, наследуемое бессознательное З.Фрейд не квалифицировал даже с той степенью полноты, категориальной определенности и системности, которые характерны для его трактовки других форм бессознательного, вследствие чего в психоанализе и психоаналитической традиции появились дополнительные и избыточные некорректности. В данном случае, пожалуй, целесообразнее было бы констатировать факт существования филогенетического (т. е. видового, общечеловеческого) и онтогенетического (т.е. индивидуального) бессознательного. Более того, представление бессознательного в определенных филогенетических и онтогенетических ипостасях почти автоматически открывало возможности для их конкретизации, поиска взаимосвязей и иных потенциально возможных форм существования бессознательного.

В плане познания психики, поведения и бессознательного психического человека особую роль сыграла и играет созданная З.Фрейдом диалектическая энерго-информационная модель психики (Бессознательное – Предсознательное – Сознательное). В свете современных научных представлений эта модель может быть понята, в том числе как психологический императив и прообраз построения новейших энерго-информационных моделей психики, без которых эффективное развитие современной психологии и пограничных дисциплин вряд ли возможно.

С учетом той роли, которая придавалась в психоанализе З.Фрейда познанию и толкованию сновидений, как «царской дороге» в мир бессознательного психического человека, необходимо отметить, что в психоаналитической традиции некоторые важные проблемы не получили должного объяснения или даже не были сформулированы с желаемой степенью определенности. К ним могут быть отнесены, например, проблемы понимания природы и сущности сновидного сознания и сновидного самосознания (в том числе самоконтроля) и их взаимодействия с бессознательными силами и тенденциями. В качестве особых проблем могут и должны быть осмыслены проблема возможности управления сновидениями (т.е. влияния на их содержание и направленность) и проблема возможности достижения искусственного сновидческого катарсиса. Исследование данных проблем представляется тем более важным, поскольку предложенные

З.Фрейдом принцип внешнего подобия и сексуальная символика сновидений, как выяснилось, отнюдь не обладают той универсальностью, которая им приписывалась.

Учение З.Фрейда инициировало и стимулировало возникновение и развитие множества разнообразных подходов к изучению бессознательного психического, в пределах которых были сформулированы интересные идеи и получены важные результаты (например, идеи о внутриспсихических коммуникациях, композиционных особенностях и стратификации бессознательного, мозгового субстрата бессознательного, голографичности элементов бессознательного, содержательной и функциональной асимметрии межполушарного взаимодействия бессознательного, вероятностном характере бессознательных процессов и др.).

Но на собственно психологическом уровне наиболее устойчивым вектором развития все же осталась психоаналитическая традиция, эволюция которой, в общем, направлена на движение от учения к современной научной теории бессознательного психического путем последовательных приближений.

В этом плане существенно важными этапами и результатами стали концепции К.Г.Юнга, Дж.Морено и Э.Фромма.

Согласно аналитической психологии К.Г.Юнга, бессознательное состоит из трех слоев: 1) Личностного бессознательного – поверхностного слоя бессознательного, включающего в себя преимущественно эмоционально окрашенные представления и комплексы, образующие интимную душевную жизнь личности, 2) Коллективного бессознательного – врожденного глубокого слоя бессознательного, общего центра и ядра психики, имеющего не индивидуальную, а всеобщую природу, репрезентирующую опыт предшествовавших поколений людей и включающего в себя сверхличное универсальное содержание и образцы, выступающие в качестве всеобщего основания душевной жизни. Основное содержание коллективного бессознательного, по К.Г.Юнгу, составляют архетипы, то есть наследуемые всеобщие образцы, символы и стереотипы психической деятельности и поведения и 3) Психоидного бессознательного – наиболее фундаментального уровня бессознательного, обладающего свойствами общими с органическим миром и относительно нейтральным характером, в силу чего оно, не будучи полностью ни психическим, ни физиологическим, практически полностью недоступно сознанию.

В общем виде эти представления являют собой, по преимуществу, некий психоаналитический римейк, поскольку, в конечном счете посредством обновленных обозначений воспроизводят базисные идеи З.Фрейда о существовании бессознательного, его филогенетических и онтогенетических формах, стратификационности бессознательного, доминирующей роли и т.д. Однако, вместе с тем К.Г.Юнг привнес и определенные новации, связанные, главным образом, с существованием и функционированием архаичных психических структур. Осуществив редукцию коллективного (т.е. филогенетического) бессознательного к

психической эволюционной архаике, выражающейся в архетипах, он значительно содействовал осмыслению базисных представлений и измерений бессознательного психического и существенно увеличил эвристический потенциал психоаналитической традиции. Вместе с тем следует отметить, что допущения К.Г.Юнга о существовании некоторых конкретных архетипов, их форм и роли нуждаются в дальнейшей критической проверке и соответствующем обосновании.

Развивая гипотезу З.Фрейда о возможном существовании непосредственной взаимосвязи и общения между бессознательным разных людей, Дж.Морено сформулировал концепцию, согласно которой существенно важным основанием и механизмом общения и взаимодействия людей является «общее бессознательное», возникающее и функционирующее при относительно продолжительном контакте между партнерами и содействующее снятию интерперсональных ролевых конфликтов. В общем представленная как обобщение познавательной деятельности и результатов практики, она не получила ни теоретического, ни практического подтверждения.

Значительным событием в развитии психоаналитических и психоаналитически ориентированных представлений о бессознательном стало создание Э.Фроммом концепции «социального бессознательного», являющего собой вытесненные сферы, свойственные большинству членов общества и содержащие то, что данное общество не может позволить своим членам довести до осознания. Однако описание и объяснение социального бессознательного не получили необходимых элементов организации, доказательности и обоснованности.

В отличие от психоанализа З.Фрейда (и частично аналитической психологии К.Г.Юнга), непроработанные и несопряженные концепции общего бессознательного и социального бессознательного при всех их достоинствах и эвристическом потенциале являют собой специфическую форму мнений и допущений, а не обоснованные рабочие гипотезы и уж тем более научные теории, соответствующие эталонам современного научного знания.

Тем не менее, введение в психоаналитический оборот представлений об общем и социальном бессознательном породило кажимость завершенности психоаналитической картины бессознательного психического и иллюзорные представления о том, что современный психоанализ располагает некой общей теорией бессознательного.

Исторически важные достижения психоаналитической традиции в постановке, осмыслении и частных решениях проблемы бессознательного велики и бесспорны. Но при этом в настоящее время нет необходимых и достаточных оснований считать, что современный психоанализ располагает такой теорией или возможностями для монопольного создания общей теории бессознательного, соответствующей стандартам современной теории и практики. И в этом плане фактический уход психоаналитического

сообщества от обсуждения данной фундаментальной проблемы является весьма показательным.

Существующая ныне фрагментарность и приблизительность представлений о бессознательном и весьма значительная роль этой проблемы дают основания полагать, что современная общая теория бессознательного психического является не результатом, а одной из наиболее актуальных задач теоретической психологии и пограничных дисциплин, решение которой естественно предполагает необходимость использования огромного потенциала позитивных психоаналитических идей, подходов и результатов.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 69-71

Бессознательное как фактор культурной динамики

П.С.Гуревич

1. Что является истоком культуры? Разум, человеческая страсть, сексуальный инстинкт, молитвенная настроенность или неукротимое жизненное побуждение? Культура универсальна. Разумеется, в ней можно обнаружить рациональное основание. Иначе говоря, легко предположить, будто человек строит культуру по предварительному аналитическому расчету. Сначала в голове людей возникает некий идеальный замысел. Он тщательно обдумывается, а затем реализуется в процессе человеческой деятельности.

Разумеется, многие феномены культуры родились в результате изначальной способности человека рассуждать и анализировать. Рациональность — такая форма отношения к миру, когда признается сила разума и способность человека к расчету. Однако рациональность, по Веберу, судьба только европейской культуры. Следовательно, возможны и другие объяснения феномена культуры. Фрейдистская концепция во многом представляет собой радикальный разрыв с просвещенческой теорией генезиса культуры.

2. Разум, тяга к упорядочиванию - исток многих культурных феноменов. Но в недрах культуры легко отыскивается жар души, спонтанное влечение, жизненный порыв. Орудийная хитрость ума далеко не многоярусна, многосоставна. Если говорить о внешней стороне дела, в ней объективируются, воплощаются продукты человеческой деятельности. Однако этот процесс духовного творчества менее всего напоминает механическое приращение все новых и новых манифестаций человеческой активности. В культуре ощутимы живой нерв, глубинное наполнение, полноводное движение живительного преображения.

Культура спонтанна. Она открыта всем ветрам. Она сродни хаосу, потому что ее омывают подземные воды. В ней нет жесткой предусмотрительности. Культура творится не по аналитическому расчету. В культуре, как мы знаем вслед за Фрейдом, проступает разностороннее бессознательное содержание. Стремление Фрейда понять культуру через бессознательное, через драматургию инстинкта оказывается сегодня весьма продуктивным не только для философии культуры, но и для социальной философии в целом.

3. Понятие «культура» содержит в себе комплекс различных значений. Очевидно лишь, что механизм культуры есть путь отвлечения от природы. Культурфилософы отличают культуру от природы, видя в ней свидетельство человеческих усилий и результат целенаправленного труда. Культура — это всегда насилие над природой.

Земля хочет, чтобы на ней росли ромашки, но человек выпалывает сорняки. Дерево стремится быть высоким и раскидистым, но люди обрезают

ветви. Река - это природа, канал - культура. Кусок кварца - природа, наконечник стрелы - культура. Стон природен, слово - достояние культуры.

Фрейд раскрывает генезис культуры, исходя из природных инстинктов человека. По его мнению, врожденное бессознательное влечение вызвало грех, который оказался поворотным пунктом в происхождении человека, перводвигателем человеческой истории. Культура, считал Фрейд, демонстрирует две стороны. Во-первых, она охватывает все приобретенные людьми знания и умения, дающие людям возможность овладеть силами природы и получить от них материальные блага для удовлетворения своих потребностей. Во-вторых, в нее входят все те установления, которые необходимы для упорядочения взаимоотношений в обществе, особенно для распределения достижимых материальных благ.

4. Фрейд подходит к проблеме генезиса культуры сугубо антропологически. По его мнению, два мотива определяют человеческое поведение - польза и получение наслаждения. Далее Фрейд ставит вопрос о том, каким образом регулируются отношения людей между собой, как строятся социальные отношения. Фрейд считает, что совместная человеческая жизнь становится возможной только тогда, когда образуется некое большинство. Каждый жертвует своим инстинктом во имя этой солидарности. Индивидуальная свобода не есть, следовательно, достижение культуры. Культурное развитие представляется Фрейду как процесс изменений, которые происходят в сфере наших инстинктивных предрасположений. Удовлетворение их и есть психоэкономическая задача нашей жизни.

Мысль Фрейда афористична: сублимация вообще есть навязанная культурой судьба первичных позывов. В этом смысле культура предполагает неудовлетворение (подавление, вытеснение) самых мощных вожделений. Эти «культурные лишения» являются преобладающими в области социальных взаимоотношений людей. Здесь и кроется, по мнению Фрейда, причина враждебности, с которой приходится бороться всем культурам.

5. Фрейд считал, что цивилизация создается благодаря постоянному отказу индивида от нарциссического удовлетворения. Обдумывая вопрос о том, почему нарциссизм в определенной мере сохраняется на всю жизнь, он приходит к убеждению, что в этом отражается несовершенство человеческой природы. Но это также нечто большее, нежели простое обнаружение примитивных асоциальных стремлений. Процессы, приведшие к нашей цивилизации, Фрейд сравнивает с развитием ребенка.

В культуре многое рождается именно в толще бессознательного. Вот, допустим, у всех народов есть традиции, а кто их автор — неизвестно. Ее величество Традиция есть порождение коллективного неосознанно желаемого. Еще один феномен - миф. Это продукт коллективного бессознательного, кристаллизация универсального опыта человечества. Это также внутренний язык психики, с помощью которого устанавливается гармония между человеком, природой и культурой. Благодаря мифу человек

живет в циклическом времени, периодически возвращаясь к «началу времен», к мигу творения. Со времен возникновения миф расширил свои границы.

Будучи рожденным на стадии верховенства архаического сознания, миф не покидает историю и общественное сознание. Он постоянно воспроизводится в культуре, особенно в искусстве и политике. Однако возвращение мифа в традиционной форме исключается. Мы никак не можем проникнуть в мир, который нам чужд полностью. Воскрешение мифа в культуре вызывает не только энтузиазм, но и тревоги. Одни опасаются политической манипуляции, другие видят угрозу для христианской традиции, которая заместила в европейской культуре господство мифа.

6. Огромное значение для культуры имеет человеческое воображение. Благодаря фантазиям люди создают такие культурные феномены, которые отражают неисчерпаемый потенциал бессознательного. Российский философ Игорь Кон сформулировал предостережение. Он полагает, что если человечеству удастся в следующем столетии решить проблему мужской импотенции, сублимационная мощь культуры ослабеет. Дар творения окажется подорванным. Однако Фрейд вовсе не считал действие сексуального инстинкта безостановочным. У каждого художника может обозначиться своя Болдинская осень. Гиперсексуальность знает свои паузы и мощные всплески сублимационной энергии.

В дионисийской культуре возникает страстное стремление к дерзновенным порывам, ниспровержению всех пределов, разрушение всех форм, чтобы достигнуть сладостно-мучительного упоения торжеством надмирного безумного молчания. В дионисийском порыве торжество покоя и движения, возможностей, пресыщения силой и ее вечной жаждой создают особый ритм, причудливый, невыразимый. Погружаясь все глубже и глубже в этот поток нерожденного, человеческая душа на пороге первородной жизни слышит зов к тому, чтобы запечатлеть почерпнутые богатства.

7. Но действительно ли именно бессознательное выступает фактором культурной динамики? Просветители полагали, что культура развивается плавно, без внутренних коллизий. Она проходит разные ступени некоего божественно предопределенного процесса. Это не что иное, как стадии взросления человечества, требующие лишь духовного напряжения. Поднимаясь на очередную ступень, человечество навсегда расстается с прошлым, то есть с предыдущими стадиями культурной динамики.

На самом деле культура развивается через кризисы. Это обязательный этап в развитии каждой культуры. Однако изначальным импульсом в преобразении культуры нередко является именно бессознательное. В его толще складываются новые вожеления и установки. Возьмем, к примеру, постоянное воскрешение язычества в человеческой культуре. Язычество вообще гораздо ближе непосредственным человеческим запросам, нежели христианство. Оно не только доступнее, но и воплощает собой многое из того, что несет в себе человеческая природа. В нем — сокровенные вожеления, голос крови, необходимые аффекты.

Мы можем обратиться также к той роли, которую играет миф в блистательной литературе латиноамериканских стран. На долю того или иного персонажа выпадает удивительная, постоянно возобновляемая судьба. Он как бы приговорен воспроизвести некий архетип жизни, неоднократно разыгранный на подмостках истории. И в этом кружении времени отражается нечто вселенское, что никак нельзя назвать миражом. В наши дни мифотворческие свойства сознания заработали вновь. Миф, рождающий целостное восприятие реальности, открыл возможность как-то структурировать стихию, хаос жизни.

8. Переломные процессы внутри культуры далеко не всегда свидетельствуют о коррозии, распаде, крушении и тем более окончательной гибели культуры. Сущность кризиса - переоценка и перекомпоновка слагаемых духовно-смыслового ядра культуры. Он способен парализовать культурную динамику, вызвать безвременье, болезненные, мучительные феномены. Это может привести к краху культуры в ее прежнем облике. Но кризис нередко сопряжен с самоопознанием культуры, с обнаружением ее потенциала, возможностей внутреннего развития.

Кризисы культуры, по мнению Ницше, возникают не только тогда, когда прежняя культура изживает себя. Возможны неожиданные, злонамеренные и неудачные повороты в социодинамике. Столь не исключены и умышленные «чистки» культуры, освобождающие ее от порчи. Говоря о смерти Бога как признаке кризисного сознания, Ницше не ограничивается психологической констатацией растущего безверия. Рассматривая кризис европейской культуры, Ницше указывает, что все беспочвенное и нездоровое, двусмысленное и изолгавшееся, все лицедейство и суетливая спешка, потребность в забвении и дурмане — характерны для эпохи, когда, как считает Ницше, христианство погубило жатву античной культуры.

9. По мнению Ясперса, Ницше принадлежит честь психологического открытия, а именно рессантимент немощи, проистекающий из воли к мощи, силе и власти, гнездящийся в самой немощи, бессилии и унижении, способен стать творческой силой, порождающей новые ценности, идеалы и понятия. В пафосе моралиста Ницше видит скрытую подлость, стремящуюся взять реванш. В фанатизме справедливости - тайную вражду мщений; в идеальных ценностях — подсудную борьбу против всего действительно высокого. Такая феноменология культуры, естественно, создает аналогии с психоанализом.

10. Кризис в культуре, по мнению Шпенглера, наступает тогда, когда ее душа осуществит всю совокупность своих возможностей, в виде народов, языков, религиозных учений, искусств, государств и наук. Вследствие этого культура вновь возвращается в объятия первобытной души. Однако протекание культуры не есть плавный, спокойный процесс. Это живое бытие есть напряженная, страстная борьба: внешняя - за утверждение ее власти идеи над силами хаоса и внутренняя - за утверждение ее власти над бессознательным, куда этот хаос, злобствуя, укрывается.

После открытий Фрейда стало ясно, что кризисы в культуре не являются случайным наказанием, эпизодом в ее судьбе или жестоким приговором. В мировой культуре такого рода процессы сопровождают всю историю. Культура не способна развиваться вечно по единой, универсальной схеме. В ее развитии наступают сложности, коллизийные феномены.

11. Вместе с тем культурфилософские интуиции Фрейда поставили вопрос о радикальной критике всей нашей цивилизации. Основоположник нового учения отмечал, что чем дальше будет развиваться культура, тем более несчастным окажется человек. Хотелось бы возразить Фрейдю, но, откровенно говоря, нечем. Нарастание шизоидных и шизофренических тенденций показывает, что невроз нашей культуры отчасти состоит в том, что степень безопасности измеряется материальным достатком. Дикие животные в природе чувствуют себя безопасно, но у них нет богатств. Похоже иметь то и другие - безопасность и благоденствие - невозможно. Материальные потребности - огромная сила, которая удерживает человека в контакте с повседневной реальностью.

Наша цивилизация такова, что она отлучает человека от духовной, идеальной стороны бытия. Человек нашей цивилизации не имеет возможности проникнуть в великую неизвестность - в мир духа. Фундаментальное расщепление личности шизофреника - это расщепление агрессивных влечений и эроса, духовных сил. Рождается парадокс — именно шизоид в своем сознании отождествляется со своими духовными чувствами. Здесь рождается возможность радикальной критики всего современного цивилизованного культурпроекта. Фрейдистское понимание культуры дает импульс для поиска альтернативных форм жизни человечества на путях «здорового общества».

12. Американские социологи Д.Белл, Э.Тоффлер, характеризуя цивилизацию будущего, называют ее «информационной», «постиндустриальной». Они пишут о том, что масштабные и интенсивные преобразования касаются теперь не только сферы хозяйства, экономики, политики и культуры. Меняются и фундаментальные основы воспроизводства человека как биологического и антропологического типа. Иной становится практика образования и мышления. Действительно начинается новая эпоха. Существующие сегодня социокультурные институты и технологии управления должны быть радикально реконструированы. Таков, скажем, общий смысл последней работы Тоффлера «Метаморфозы власти».

Однако такого рода социальные модели совершенно не затрагивают глубинных основ человеческой природы. Мы не знаем, сможет ли человек жить внутри «информационного пространства», как новая эра отразится на психическом здоровье людей. Двадцатый век называют веком мощи и модности. Но уже сегодня зреет иная идея - создание такого мира, в котором огромное значение приобретут древние и современные методы целостного и духовного совершенствования человека. Уже сегодня десятки миллионов

людей практикуют те или иные пути самопознания и самосовершенствования.

13. Современные психотехники создают возможность прорваться через физическую реальность, выйти за пределы саморазрушительного овладения ею. Возможно, именно таким образом можно обеспечить целостность человека, освободить его от вечного конфликта природы и культуры. Не исключено, что именно трансперсональный опыт человека станет полезным для обоснования нового цивилизационного проекта. В нем не будет фатального разделения физического и духовного аспектов человеческого существования, не будет «утеснения» духовных традиций, спонтанности человека, его тяги к трансцендентному.

Тема «культура и конфликт» может быть раскрыта не только на уровне современной модели цивилизации. Качественно новое состояние мира ставит человечество перед альтернативой активного и осознанного соучастия в созидании новой планетарной цивилизации. Ее паролем может оказаться не символ, не информация, как полагает Тоффлер, а тяга к самореализации и самосовершенствованию. Трансперсональная психология действительно выступает интеллектуальным лидером этого интенсивного порыва к беспредельному человеческому развитию. Она призывает к радикальной реформе всех сфер жизни современной западной цивилизации. Новый век может стать веком «возможностей». Владеть земным шаром, его природными и людскими ресурсами выгодно и почетно. Но грядущий век может оказаться и веком цивилизационной альтернативы.

Такое понимание культуры дает импульс для поиска иных форм жизни человечества на путях «здорового общества».

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 71-73

Психология творчества

А.П.Евласьев

Проблема творчества, творческого начала, а равным образом и творческой личности была и остается предметом интереса широкого круга исследователей. В рамках психоаналитического учения австрийского врача-психотерапевта Зигмунда Фрейда (1856-1939) многие исследователи в той или иной мере, как оставаясь на позициях классического психоанализа, так и творчески развивая его, затрагивали проблему искусства и художника, творческого процесса и художественного произведения.

Карл Густав Юнг (1875-1961) - выдающийся швейцарский психолог, психиатр и культуролог, основатель одного из направлений психоанализа — аналитической психологии, в своей теории бессознательного во многом продолжает линию Фрейда, с которым он активно сотрудничал в 1906-1913 годах.

В разработанной Юнгом аналитической психологии особенно большое место занимает введенное им понятие коллективного бессознательного, в отличие от бессознательного вообще, то есть психических первообразов или архетипов. Исходя из этого понятия, Юнг рассматривает творческий процесс у человека, прежде всего, как оживление архетипа, а художественное произведение как некое живое существо, которое пользуется автором как своим рупором. Для Фрейда же произведение искусства выступает как подлежащий расшифровке символ некоего состояния индивидуальной психики, как выражение аффективных переживаний, чаще всего связанных с детской сексуальностью.

Одной из первых работ Юнга, посвящённых вопросам искусства, можно считать доклад под названием «Об отношении аналитической психологии к поэтическому произведению», прочитанный им в мае 1922 года. В нём Юнг впервые формулирует возможности и ограничения исследования произведений искусства в рамках психологии. Он пишет: «Предметом психологии может быть только та часть искусства, которая представляет собою процесс художественного созидания, в противоположность другой, составляющей собственно сущность искусства.» (Юнг. К.Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы //Проблемы души нашего времени. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1996. - С. 37).

Для Юнга неприемлем фрейдовский подход к анализу художественного творчества, поскольку лишь индивидуальное развитие ребёнка, его детские травмы и отношение к родителям не могут раскрыть сути поэтического творчества. Психоаналитическое сведение последнего к невротическому заболеванию приводит к тому, что уничтожается всё своеобразие искусства как такового.

Однако наиболее существенный недостаток Фрейда Юнг видит в том, что любой символ понимается Фрейдом как знак запретных желаний, который надо интерпретировать, чтобы в конечном счёте прояснить ситуацию, породившую невроз.

Творческий процесс, по мнению Юнга, заключается в бессознательном оживлении архетипа, в его развитии и оформлении до завершённого произведения. Оформление представляет собой адаптацию архетипа (элементарного образа) к языку современности для того, чтобы каждый мог найти подход к «глубочайшим источникам жизни, которые иначе были бы потеряны» (Юнг. К.Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы //Проблемы души нашего времени. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1996. - С. 59).

Последнее, по мнению Юнга, определяет и социальную значимость искусства, которая заключается в «воспитании духа времени», то есть актуализации тех образов, которых не достаёт данной эпохе и в которых она нуждается. Процесс актуализации происходит при этом следующим образом: первообраз (архетип), извлекаемый из глубин бессознательного, по мере приближения к сознанию изменяет свой вид, пока не становится доступным пониманию современного человека. Следовательно, характер художественного произведения позволяет нам сделать вывод о характере века в котором оно возникло. Например, такие направления в искусстве, как реализм, натурализм, романтизм показывают нам то, что было наиболее необходимо соответствующей тому времени духовной атмосфере.

В следующей работе, посвящённой вопросам искусства, - «Психология и поэтическое творчество» - Юнг развивает положение о типах художественного творчества. Своё внимание автор аналитической психологии уделяет при этом двум аспектам: особенностям художественного произведения и особенностям психологического типа его создателя.

Художественное творчество Юнг подразделяет на два типа, которые он обозначает как психологический и визионерский.

Материалом для психологического типа творчества служат элементы обычной человеческой жизни, как то: жизненный опыт, определённое потрясение, страстное переживание, в общем, человеческая судьба.

В отличие от психологического типа творчества, в основе визионерского лежит переживание, в котором находит своё отражение один из образов коллективного бессознательного, т.е. «своеобразный и прирождённый компонент структуры той «души», которая является матрицей и предпосылкой сознания» (Юнг. К.Г. Психология и поэтическое творчество//Самосознание европейской культуры XX века. - М.: Политиздат, 1991.-С. 113).

Например, первая и вторая части «Фауста» соответственно представляют собой результат психологического и визионерского типа художественного творчества. В первой части описывается любовная история, сюжет которой не требует дальнейшего психологического толкования. Вторая часть «Фауста», напротив, предполагает большой материал для

психологического исследования, без которого символическая образность этого великого произведения остаётся непонятной. Причиной этому являются индивидуально-сознательное содержание первой части и коллективно-бессознательное содержание второй.

Художник, которому свойствен визионерский тип творчества, представляет собой некоторый синтез двух моментов: с одной стороны, он живой, страдающий, любящий и так далее отдельный человек, а с другой стороны, он является «коллективным человеком, носителем и ваятелем бессознательно действующей души человечества» (Юнг. К.Г. Психология и поэтическое творчество //Самосознание европейской культуры XX века. — М.: Политиздат, 1991.-С. 117).

Иначе говоря, надличностный творческий процесс делает художника «коллективным» человеком, дающим человечеству его собственные архетипы. Если творческое начало является доминирующим в натуре художника, то это означает, что бессознательное получает над жизнью и судьбою большую власть, чем сознательная воля и сознание, которое оказывается в данном случае лишь зрителем происходящего.

Таким образом, интуиция понимается Юнгом как мистическая сила, делающая художника существом загадочным, а художественное творчество непознаваемым процессом, попытки постичь который заранее обречены на неудачу.

При сравнении подходов Юнга и Фрейда к проблеме художественного творчества, следует отметить, что в своей теории творчества Юнг соединяет идеи мифа-символа как источника искусства с интуитивной способностью, превалирующей в реализации замысла. Интуиция, понимаемая как иррациональное, бессознательное явление, превращается Юнгом в мистическую силу, делающую художника существом загадочным, а художественное творчество непознаваемым процессом.

Для Фрейда искусство выступает как символ некоего состояния души, как выражение эмоциональных, чаще всего связанных с детскими сексуальными переживаниями состояний.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 73-74

О творческих сновидениях

Б.А.Ерёмин

В работах многих исследователей бессознательного, образующих оппозицию психоанализу или разделяющих его положения лишь выборочно, отстаивается способность к творческой интеллектуальной деятельности в сновидении. Эта особенность сновидений в концентрированной форме выражена редакторами «Бессознательное: природа, функции, методы исследования» при участии Л.П.Латаша и В.С.Ротенберга. «В ситуациях, когда решение проблемы, основанное на анализе, использующем вербальное мышление, по той или иной причине не удастся, такое решение, - полагают они, - может быть найдено с помощью невербального мышления, которое доминирует в условиях «сознания, измененного сновидно».

Для доказательства подобной операциональной мощи «невербального мышления» приводят сновидения Д.И.Менделеева, Августа Кеккуле и других ученых. Подборку «вещих» и «творческих» снов приводит А.М.Вейн («Три трети жизни», 1979 г.). Вейн подчеркивает, что свидетельства творчества во сне дают поэты, музыканты и ученые. Во всех книгах по психологии творчества приводится ставший уже хрестоматийным пример с Кеккуле, «который, задремав у камина, увидел во сне структурную формулу бензола в виде огненной змеи, ухватившей себя за хвост».

Вейн пишет: «В свое время разгадку особой образности сновидений искали, то в возвращении к «дологическому» мышлению наших далеких предков, не владевших еще речью, то в оживлении детского мышления, то в пробуждении символов-архетипов, причудливо сочетающихся с впечатлениями дня, то, наконец, в давлении нашей нравственной цензуры на вырывающиеся наружу затаенные желания, на чем особенно настаивал Фрейд. Все это, очевидно, не лишено оснований и в наших сновидениях, но преобладание в них образного языка объясняется только доминирующим участием правого полушария, для которого этот язык основной и чаще всего единственный. Это особенно хорошо видно в таких случаях, как с бензолом (сновидение Кеккуле) и цветами-электронами (сновидение академика Мигдала), где ни «цензуре», ни архетипам делать нечего.»

Какого рода проблемы решаются в «творческих» сновидениях, можно показать на примере сновидения одного нашего пациента, молодого человека, имевшего отношение к математике и обнаружившего повышенный интерес к матрицам. Однажды, заснув днем, он увидел во сне незнакомую женщину, возможно уборщицу, отдыхающую лежа на гимнастическом мате в спортивном зале. У стены зала стоял еще один мат, напоминавший миниатюрный многоэтажный дом с округлыми окнами в виде необычных круглых матриц. Рассматривая строение одной из них, он вдруг понимает, что открывает что-то очень важное в математике, затем он поднимает мат, который оказался девятиэтажным и энергично накрывает им женщину.

Раздается громкий хлопок мата о пол, потом хлопок повторяется. Он просыпается и слышит стук в дверь. «Да ведь это же мать», — приходит в голову мысль. В дверь действительно стучалась мать, потому что больше некому было стучаться. В противном случае противники психоанализа могли бы отнести это сновидение к разряду вещей. Сам молодой человек связывает свое сновидение с попыткой решить какую-то важную задачу о блочной матрице, суть которой он не помнит, а многоэтажный мат или многоэтажный дом с окнами ведь и есть такая блочная матрица, причем одно окно — это малая матрица в большой матрице. Он несколько удивлен, что слово матрица переводится на русский язык как «матка», но совершенно согласен, что в словах «МАТеМАТика», «МАТрица», «МАТ» и «МАТЬ» содержится один и тот же элемент, трансформирующийся от слова к слову. Если иметь в виду, что в технике слово «матрица» является основной частью штампа с углублением или отверстием, в которое входит пуансон, а также учесть другие детали сновидения, толкование его не вызывает особых затруднений. Однако нам следует ограничиться подчеркиванием работы сновидения, трансформирующей вызванную стуком в дверь предсознательную мысль: «Да ведь это же мать стучится в дверь» - в девятиэтажный мат, а стук матери в дверь в хлопок мата о пол. «Да ведь это же мать» = «Де вять эта жей мат».

Приведем слова Зигмунда Фрейда: «Сновидения показывают нам, что случилось нечто такое, что должно было нарушить сон и дают нам возможность видеть, как можно было не допустить этого нарушения... Вместо какого-то внутреннего побуждения, которое должно было привлечь его внимание, наступило внешнее переживание, требование которого было изжито. Сновидение является таким образом проекцией, перенесением внутреннего процесса во вне». И еще: «Каким же образом происходит то, что что-нибудь мешает спать? Этому может помешать внутреннее побуждение или внешнее раздражение».

Сновидение не справилось с задачей далее сохранить сон, он был прерван в связи с непрекращающимся стуком в дверь. Молодой человек проснулся, озабоченный так и неразгаданной им сутью задачи «о блочной матрице».

Сновидение Кеккуле

Приведем еще одно описание сновидения Августа Кеккуле. Статья Е.Мангуровой «Разглядывая сны» («Известия», 1.03.1985 г.): «Знаменитый химик Кеккуле, увидев во сне змею, кусающую свой хвост, понял, как устроена молекула, над которой он бился. Так было открыто бензольное кольцо». Исходное положение Августа Кеккуле перед его известным «творческим сновидением» часто выпадает из поля зрения представителей психологии творчества, они не только не придают этому значение, но порой вообще и не упоминают об этом. Между тем, Кеккуле задремал у камина. Тепло (жар, огонь), идущее от камина, не могло не вызвать (пред)сознательного опасения, что можно и воспламениться. Работа

сновидения трансформирует предсознательную мысль «Кеккуле Август может сгореть, загореться», и постоянный поток тепла от камина в огненную змею в виде кольца (круга). Кеккуле трансформируется в Circular...= сэжюлэ,-круговой, круглый, кольцевой. Оно содержит в себе, кроме того:

queue...- коса (волос), хвост;

coil...— свернуться кольцом, кольцо, змеевик;

coal - уголь;

coalesce - срастаться, соединяться;

collar — ошейник, хомут.

Кеккуле = Circular = /queue + coil + coal/ = хвост, змеевик + круг + уголь I.

Август - имя Кеккуле - восьмой месяц года, 8 - это очки, кобра - «очковая» змея со светлым рисунком на шее... Всё это показывает, что кольцо, образованное змеей это и есть — Август Кеккуле. В этом сновидении источник - внешнее раздражение — тепло, исходящее от камина, а также предсознательные мысли Кеккуле о его имени и фамилии. В своем открытии, т.о., Кеккуле увековечил свое имя и фамилию, а также фамилию своего отца - ведь формулу бензола и называют - формула Кеккуле.

Для понимания сновидения Кеккуле следует иметь в виду обстоятельство, на которое указал В.Левин. Отец Кеккуле настоял, чтобы сын изучил рисование и стал архитектором. Комбинирование цепочки углеводорода — это и есть, по - существу, такое рисование.

И сам Кеккуле относил свое открытие именно умению рисовать и видел в этом заслугу отца. Мне кажется, что этот факт еще раз подтверждает, что сновидение Августа Кеккуле - есть результат манифестации нарцистического, а значит— гомосексуального либидо, и именно его сублимация дает возможность мужчинам, не умеющим рожать детей, — быть творцами в научной, творческой и других сферах.

В связи с ограниченным объемом доклада у меня нет возможности продемонстрировать факт, что и в сновидении академика Мигдала и в сновидении Элиаса Хоу, и в сновидении антрополога Гилпрехта, приводящихся также, как пример «творческих», решается та же задача, что и в сновидении Кеккуле.

Это задача - увековечивание своего имени и фамилии в научных изобретениях, а также выражение глубокой привязанности и любви к своему отцу.

Разрешите и мне посвятить этот небольшой доклад памяти моего отца.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 75-76

Интернет и сетевая зависимость в системе психоаналитических координат

А.Е.Иванов

Массовое распространение информационных технологий и компьютерной техники повлекло за собой повальное увлечение Интернетом (сетью «всемирной паутиной»).

Получив желанную возможность связываться практически с любой точкой земного шара за считанные секунды, люди вместе с тем приобрели проблемы, уже вызывающие серьезные опасения.

Одной из наиболее актуальных и потенциально весьма опасных проблем пользователей Интернета является проблема сетевой зависимости, т.е. специфической психической (психологической) зависимости, которую приобретают некоторые пользователи глобальной компьютерной сети, бесцельно просиживая часами перед экраном без всякой надобности и отчуждаясь от действительности. Ныне количество добровольных невольников и пленников «всемирной паутины» стремительно возрастает, и проблема психической (психологической) зависимости все более отчетливо принимает групповые и социальные измерения. У значительной части пользователей сети наступают изменения в мотивациях, ценностях, установках, поведении, образе жизни и трудовой деятельности, влекущие за собой негативные трансформации в их взаимодействии с другими людьми и окружающей реальностью.

В общем в современной психологии и психотерапии принято выделять следующие психологические и физические симптомы сетевой зависимости. К психологическим симптомам относят чувство эйфории во время общения с компьютером, неспособность отвлечься от работы с машиной, значительное увеличение количества времени, проведенного перед компьютером; чувство внутренней опустошенности, депрессию и раздражительность при длительной изоляции от компьютера и сети. К физическим симптомам относят покраснение глаз, мигрени, боли в спине, нарушение режима питания, игнорирование правил личной гигиены, беспокойный сон и др. На основании четко выраженной симптоматики психологи и психотерапевты различных направлений и школ зачастую сближают или отождествляют сетевую зависимость с зависимостью игровой (например, с пристрастием к азартным играм и т.д.). Не отрицая ни правомерности ни полезности подобных сравнений при определенных случаях, вместе с тем следует подчеркнуть, что в действительности сетевая зависимость более сложна и опасна.

В настоящее время в психологии принято выделять пять основных типов сетевой зависимости:

1) Киберсексуальную зависимость, формирующуюся в результате постоянного или весьма частого просмотра порнографических сайтов,

содержащих порнографию, эротическое видео, картинки, литературу и виртуальные чаты. В результате исследований и опросов установлено, что обращение к этим сайтам составляет до 90% от посещаемости всех сайтов сети Интернет. При анонимных опросах почти большинство пользователей сети не скрывают, что Интернет для них – это удобный или даже единственный способ получения «подлинного» сексуального удовольствия и разрядки. Реальная и потенциальная опасность такой формы сексуального удовлетворения уже изучается психоаналитиками, полагающими, что именно данный тип зависимости является доминирующим. Этот вывод подтверждается тем, что посещение порносайтов составляет до 90% от общей посещаемости всех сайтов сети Интернет и приблизительно соответствует количеству мужчин, пользующихся Интернетом для получения сексуального удовольствия и установления новых знакомств.

2) Виртуальное общение. Проводя в сети многие часы, люди часто заводят новые знакомства посредством виртуального общения, которое, развивая и поддерживая людей и их связи, зачастую отчуждает их от реального общения и деформирует его структуру и направленность. Особую разновидность виртуального общения представляет собой так называемое фатическое общение, направленное на формирование виртуальных групп, общение в которых почти лишено смысла, поскольку реплики общающихся полностью выпадают из контекста. Люди, приобретая круг виртуальных знакомых и друзей, начинают по-другому воспринимать реальных людей и часто становятся замкнутыми и необщительными в реальной жизни.

3) Агрессию и насилие в сети, проявляющиеся в виртуальном мире, где многие люди дают волю самым жестоким и кровожадным импульсам и поступкам. В Интернете существует огромное количество игр, в которых участвуют сотни человек и смысл которых сводится к одной цели – убить как можно больше своих противников. Тихие и малозаметны в обычной жизни люди с отсутствием каких-либо признаков агрессии, оставаясь один на один с виртуальным противником, становятся злобными и безжалостными терминаторами. Некоторые пользователи Интернета используют эти сайты и игры для снятия стресса, депрессии или общей усталости. Но вместе с тем у них, как правило, остается и некоторая настороженность, что особенно характерно для людей, которые часто участвуют в виртуальных битвах.

4) Бесцельный поиск в сети, когда люди, просто не отрываясь, листают и просматривают страницы тех сайтов, которые не представляют для них никакой информационной ценности.

5) Бесцельный поиск в базе данных, который состоит в просмотре ненужной рекламы, каталогов товаров, которые не планируется приобретать, бесцельном посещении виртуальных магазинов и т.д.

Несмотря на неизбежную относительность данной типологии, она тем не менее свидетельствует о значительных теоретических, методологических и практических возможностях исследования терапии и коррекции проблемы сетевой зависимости. Это явление, конечно же, может фиксироваться, описываться и исследоваться с различных теоретических, методологических

и психотерапевтических позиций. Но в данном случае, пожалуй, наиболее перспективным может оказаться психоаналитический подход, располагающий концепциями бегства от реальности и бегства в болезнь, вытеснения, сопротивления, защиты, регрессии, трансфера, агрессии и другими, позволяющими интерпретировать виртуальное удовлетворение вытесненных влечений как следствие нарушения баланса потребностей в независимости-зависимости.

Отметим, что психоаналитическая точка зрения позволяет интерпретировать сетевую зависимость в контексте переживаний Эдипова конфликта и показать, каким образом при относительно устойчивой зависимости она может трансформироваться в невротическую зависимость как свойство психики и поведения.

Классический и современный психоанализ обладает значительным арсеналом средств, позволяющих эффективно противостоять сетевой зависимости как одному из, возможно, самых распространенных заболеваний третьего тысячелетия.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 76-77.

О соотношении сознательного и подсознательного: творческий аспект бессознательного

А.Фильц

Уважаемые дамы и господа!
Уважаемые коллеги!

Этот доклад является продолжением и развитием дискуссии, проведенной в 1995 году в Музее Зигмунда Фрейда на Берггассе, 19, и далее - на 2-м Всемирном Конгрессе в Вене в 1999 году. Возможность первой дискуссии на эту тему была предоставлена Президентом Общества Фрейда и одним из первых инициаторов психоанализа в Украине — г. Гарольдом Лейпольдом-Левенталем. Тогда предметом дискуссии был вопрос о понятии времени в работах З.Фрейда. И тогда же мы согласились, не столько с тезисами, представленными для дискуссии, сколько в том, что понятию времени как самим Фрейдом, так и его последователями уделялось довольно скромное внимание. Правда, после того, как были выбраны все цитаты Фрейда, где им упоминается фактор времени, можно было констатировать одно, хотя и не абсолютное, но все же довольно выразительное противоречие. Это противоречие сконцентрировано лишь в двух небольших цитатах, и я их сейчас приведу. Первая цитата касается сноски в малоизвестной работе «Детерминизм, случайность и суеверия: точка зрения» (Gw, Bd 4, s. 305). Фрейд пишет:

«Поскольку процессы сгущения и смещения захватывают весьма значительные временные «расстояния», преобразуя в содержании памяти все свежие впечатления, мы привычно полагаем, что именно время и есть тот фактор, который делает наши воспоминания нечеткими и «неуверенными». Вполне вероятно, однако, что в процессах забывания о прямой функции времени не может быть и речи. Ибо можно констатировать, что следы вытесняемого материала в течение длительного времени не испытывают никаких изменений. Бессознательное вообще безвременно.»

Спустя 10 лет, но уже в основном тексте; в значимой работе «О бессознательном» (Gw, Bd 10, s. 86) Фрейд несколько уточняет свое видение фактора времени в бессознательном:

«Процессы, протекающие в системе бессознательного, лишены времени, т.е. они не организованы во времени, не претерпевают изменений в течение длительного времени, да и вообще никак не соотносятся со временем. Время имеет отношение только лишь к работе системы сознательного.»

Не уточняя и не разрабатывая эту свою позицию, Фрейд обращается к проблеме времени (если, конечно, не упоминать феномены перенесения, регрессии и др. проблемы, где время рассматривается вполне традиционно) в связи с еще одним важным для психоаналитической теории переживанием - в связи с фантазиями.

В работе «Поэт и фантазирование» (Gw, Bd 7, s. 217-219) мы обнаруживаем совсем иную гипотезу:

«Отношение фантазий ко времени особенно важно: можно сказать, что фантазия «парит» между тремя временными координатами, тремя моментами времени нашего воображения. Душевная работа всегда привязана к актуальным впечатлениям,... отсюда она простирается на воспоминания ранних, чаще всего инфантильных переживаний, когда исполнялось другое желание, а затем создает ситуацию, имеющую отношение к будущему... Таким образом, прошлое, настоящее и будущее нанизываются на постоянное течение желаний, будто на шнур.»

Правда, мне хотелось бы заметить, что цитирование Фрейда в нашем случае не является простой данью психоаналитической традиции, где принято начинать с высказывания основателя. Дело здесь совсем не в этом, а, скорее, в том, что после Фрейда проблеме времени, а главное, его роли и месте в психическом аппарате, уделено ничтожно мало внимания. Если упомянуть лишь несколько работ, как, например, статью Стефана Гольша (1933) о чувстве времени и еще одно исследование 1993 года Ютты Гутвиньски-Егле «Травма и переживание времени», то придется прийти к выводу, что фактор времени в аналитических рассуждениях до сих пор рассматривается скорее в его общепсихологическом смысле.

В первой дискуссии в 1995 году основные тезисы сводились к возможности рассматривать бессознательное в многомерном временном «пространстве» и, соответственно — специфические, связанные с проблемой времени аспекты перенесения и контрперенесения. Об этом будет вкратце сказано и сегодня, однако в ином плане, а именно - в плане синтетически творческих (разумеется, также в виде гипотезы) возможностей бессознательного.

Еще раз возвращаясь к дискуссии ..., нужно сказать, что ее результатом оказались три следующих положения:

1) Противоречие между постулатом о безвременности подсознательного и структурированием фантазий как особых дериватов подсознательного в трехмерном времени «зависло в воздухе» и далее не уточнялось.

2) Фактор времени является принципиальным при рассмотрении проблемы инсайта.

3) Мною была высказана гипотеза о том, что инсайт является результатом изохронизации переживаний.

Поводом к расширению данной тематики и размышлениям насчет специфических синтетических функций бессознательного послужила, надо признаться, точка зрения С.Ментцоса (1986), касающаяся наиболее зрелой диады интернализации-экстернализации. Здесь, не вдаваясь в саму концепцию Ментцоса, стоит лишь отметить, что наиболее их зрелые формы, а именно - идентификация и объектная Self-репрезентация как процессы в значительной мере не осознаваемые предполагают включение творческого начала.

Для удобства дальнейшего изложения предлагаемых Вашему вниманию размышлений я хотел бы начать с проблемы соотношения сознательного и бессознательного как одной из наиболее принципиальных. Хотя основные модели психического аппарата в психоаналитическом его понимании хорошо известны, все же коротко рассмотрим наиболее важные для нас конструкции.

Согласно топической модели психический аппарат складывается из трех частей. Одна часть — Сознательное - наиболее близко прилегает к реальности и имеет своей задачей приспособление влечений к условиям окружающего внешнего и внутреннего мира. Сознательное управляется вторичными процессами, подчиняющимися законам логики, иерархическим соотношениям и обычному линейному времени. С аналитической точки зрения время в сознательном является скорее даже следствием вторичных процессов, больше всего обусловленных функцией припоминания (Фрейд З., Gw, Bd 14, 1925). Вторая часть — это «страж-привратник» между двумя комнатами, пропускающий либо не пропускающий людей из большего помещения в меньшее (метафора также принадлежит Фрейду). Эта система называется Предсознательным и в ней помещается все, что может быть извлечено в сознание при помощи сфокусированного внимания. Наиболее глубокая часть предсознательного, однако, практически не осознается никогда. Третья часть - Бессознательное.

Для нас наиболее важны ее основные характеристики:

а) психическая реальность, означающая, что фантазии, желания, а также абстрактные символы ставятся на одну ступень с воспоминаниями о реально исполненных желаниях. Как видим, в этой характеристике фактор времени хотя и косвенно, через функцию припоминания, но все же присутствует;

б) непротиворечивость, при которой (цит. Фрейд 1915) «одновременно активируются два побуждения, цель которых кажется нам несовместимой, но оба эти побуждения не отдаляются друг от друга и друг друга не устраняют»;

в) неотрицаемость, означающая, что в бессознательном одновременно сосуществуют противоположные содержания;

г) овеществленность слов и символов; при этом абстракции и рассуждения могут восприниматься буквально и конкретно;

д) игнорирование реальности, связанное тесно с принципом удовольствия. Здесь также «латентно» присутствует время, ибо согласно принципу удовольствия, всякое желание стремится к мгновенному удовлетворению;

е) вневременность, отмеченная нами выше.

Таким образом, в 5-ти из 6 основных характеристик бессознательного, так или иначе, мы имеем дело с фактором времени. Во всех этих характеристиках, однако, время есть нечто необязательно присутствующее, но важное для объяснения процессов бессознательного. Отметим также, что,

если речь и идет о времени, то прежде всего об «одновременности» либо мгновенности.

В дальнейшем понятие бессознательного претерпевает различные модификации. Понимая все более для себя, что бессознательное есть своего рода метафора, а границы между бессознательным и сознательным не столь однозначны, как в топической модели, Фрейд выдвигает структурную теорию с делением на Я, Оно и Сверх-Я. Здесь мы не будем рассматривать основные характеристики этих трех инстанций, а также их взаимоотношения, поскольку основные характеристики осознаваемых и неосознаваемых переживаний в этой модели в общем и целом остаются прежними.

Эволюция взглядов на бессознательное, однако, продолжала идти своим путем, отчасти независимо от взглядов на строение психического аппарата. Если из всех имеющихся концепций попытаться собрать в единый список все возможные подходы к пониманию бессознательного, то получится, что понятие «бессознательное» весьма многозначно.

Из упоминаемых в литературе наиболее часто встречаются следующие значения бессознательного:

1. Бессознательное как психическое проявление влечений (Оно);
2. Бессознательное как энергетический источник душевной жизни;
3. Бессознательное как вытесненное в жизни человека (инфантильное);
4. Бессознательное как особый принцип работы души (первичный процесс);
5. Бессознательное в смысле частей Я и Сверх-Я (Я-идеал);
6. Бессознательное как антоним сознания.

Эти шесть коннотаций нами уже упоминались. Кроме них имеются еще две:

1. Бессознательное как архаическое наследие;
2. Бессознательное как демоническая сила.

Попробуем теперь выделить из сказанного наиболее существенное для наших рассуждений.

Во-первых, строение психического аппарата у Фрейда, как известно, находится под значительным влиянием механистического и детерминистского взгляда на мир. Можно также добавить - биологизированного (достаточно напомнить упорное отрицание Фрейдом ненаследуемости приобретенных признаков и отстаивание биологического закона Геккеля). Именно этим в значительной степени и объясняются сами названия основных концепций психического аппарата.

Но самое главное для нас - это то, что построение психического аппарата формулируется сугубо в пространственных представлениях. В первой модели бессознательное понимается как некоторая нижняя палата или комната, нижний резервуар. Предсознательное рассматривается как пространственная граница, порог, страж-привратник между двумя комнатами. Сознательное видится как верхний слой, нечто, обращенное и прилегающее к миру реальных вещей. Во второй модели, хотя и нет столь однозначного размещения психического аппарата в пространственных координатах, но все

же вводится пространственно-иерархическое взаимоотношение между инстанциями Я, Оно и Сверх-Я.

Во-вторых, бессознательное рассматривается как противостоящая сознательному часть психики, иррациональная, внелогичная, неразумная, инфантильная и, в целом, мешающая эффективному и зрелому функционированию сознательного. Правда, из этого имеется два важных исключения.

Первое из них — это так называемое демоническое бессознательное, могущее иметь, с точки зрения Фрейда, отношение к известным озарениям в сновидениях, мгновенным решениям неразрешимых до сих пор задач, инновационным идеям, словом, все, что мы понимаем сегодня как результат длительной неосознаваемой синтетической работы. Так это понимал и Фрейд — и писал об этом. Однако, он как бы опасался отдать должное своим предшественникам, мыслителям-романтикам, задолго до него писавшим о подобной функции бессознательного (начиная от Новалиса и заканчивая Гете, Шеллингом и Эдуардом фон Хартманом), а поэтому намеренно избегал этой темы. Стремясь остаться в русле строгой механистической науки, он отдал инициативу изучения творческой и синтетической силы бессознательного своим более гностически настроенным последователям (К.Г.Юнг, Э.Фромм, а также отчасти и К.Роджерс).

Второе исключение составляет архаическое бессознательное, в котором, как думал Фрейд, «гнездится» весь филогенетический опыт человека (именно здесь Фрейд с завидным упорством игнорировал современные ему взгляды эволюционной биологии). Для нас особенно важно то, что, как и в первом исключении - т.е. в случае демонического бессознательного, так и при архаическом бессознательном - речь идет об извлечении непосредственного знания, как бы в готовом, синтезированном виде.

И в третьих. Из всех понятий бессознательного необходимо выделить несогласованность мнений самого Фрейда по поводу фактора времени. Бессознательное постулируется как лишенное временных взаимоотношений и не знающее времени вообще. Вместе с тем, такие важные его характеристики, как непротиворечивость, неотрицаемость, а также психическая реальность и ее игнорирование, предполагают, как я уже отмечал выше, некую одновременность либо «мгновенность» значительной части неосознаваемых процессов.

Если так, то о какой одновременности или мгновенности в этих случаях может идти речь? Как согласуется также постулат о безвременности бессознательного со структурированием фантазий, значительная часть которых принадлежит бессознательному, в трехмерном временном пространстве, о чем Фрейд пишет в работе «Поэт и фантазирование»? И еще: если допустить, что демоническое и архаическое бессознательное имеют место, то мы должны спросить себя, каким образом происходит синтезирование знания, переживаемое в психоаналитической процедуре как озарение (т.е. инсайт)? Ведь, как полагал Фрейд, и принято считать сегодня,

процессы сгущения и смещения, лежащие в основе внезапных «синтетических» идей (как это мы знаем из сновидений), происходят далеко не только, а может быть, и вообще - не в психическом пространстве, сколько в психическом времени.

Итак, из приведенного краткого обзора понятий, вкладываемых в термин «бессознательное», мы выделили три момента, которые могут показаться достаточно дискуссионными. Повторим их еще раз. Это:

1) Строение психического аппарата представлено у Фрейда — здесь добавим также - у большинства последователей, разрабатывающих проблему структуры психики - в пространственных координатах. Заметим здесь, также, что такое утверждение остается справедливым и для объектной теории, и для Эго-психологии, и для Self-психологии, и даже для наиболее современных психодинамических концепций (напр. Ментцос в концепции регуляции нарцисстического гомеостаза);

2) Синтетическая функция бессознательного рассматривается в психоанализе скорее как краевая проблема, хотя и признается, что эта функция может иметь прямое отношение к феномену озарения (инсайта), т.е. внезапного нового знания (на когнитивном уровне) или нового целостного понимания;

3) Бессознательное представляется как лишенное времени, но при этом большинство описательных характеристик, касающихся тех или иных сторон бессознательного, опираются, так или иначе, на временные факторы одновременность, мгновенность и даже многомерность.

Понимая всю сложность и дискуссионность выделенных трех моментов, я хотел бы предложить некоторые соображения по их поводу. Эти соображения отчасти базируются на практическом опыте работы с пограничными пациентами, отчасти же - на размышлениях в продолжение первой дискуссии...

По первому и второму моментам, т.е. о пространственном строении психического аппарата и соотношении С и БС. Следствием таких - пространственных - представлений о структуре психики является в психоанализе доминирующая точка зрения, согласно которой бессознательное есть не только «нижняя часть» психического аппарата, но и та, которая формируется в значительной степени вследствие «сбрасывания» туда вытесненного психического материала. Уже здесь имплицитно присутствует фактор времени, а именно - бессознательное как часть психического аппарата формируется на основе и после сознательного. Сознательное представляется, проще говоря, как онтогенетически более поздняя часть психического аппарата. Эта ортодоксальная точка зрения подвергалась сомнениям неоднократно, уже начиная с первых концепций объектных отношений, хотя и никогда явно не опровергалась. Значительную долю сомнений в дискуссию о соотношении сознательного и бессознательного внесла теория развития Self Дэниэла Стерна. Можно думать, однако, что постановка вопроса «что раньше - что позже» и «что ниже — что выше» является достаточно схоластической. Если попытаться собрать вместе все воззрения на проблему

формирования психического аппарата, то сегодня равнодействующей точкой зрения была бы скорее всего та, которая позволяла бы утверждать, что бессознательное и сознательное возникают и развиваются параллельно, но каждое — и это могло бы быть наиболее интересной гипотезой — в своих временных координатах. Не исключено также, что бессознательное имеет свою сложную структуру времени, попросту не соответствующую линейному времени сознательного. Именно эта гипотеза и была высказана в 1995 году в дискуссии ..., но здесь специально и подробно мы ее рассматривать не будем, поскольку на сегодня для такого утверждения имеется слишком мало клинических доказательств. Мы вернемся к этому вопросу несколько ниже, рассматривая проблему инсайта, а здесь предложим, наряду с существующими еще один принцип соотношения сознательного и бессознательного.

Независимо от того, в каких пространственно-временных соотношениях находятся С и БС, следовало бы внимательно отнестись к упоминаемой особенности бессознательного - к мгновенному синтезированию доселе не имеющегося в наличии знания. Условно эту функцию можно было бы назвать креативно-гностической, что, кстати, хорошо бы отвечало представлениям Фрейда о демоническом бессознательном. В связи с этим хочу обратить Ваше внимание на одну деталь, на первый взгляд, всего лишь этимологически-смыслового характера. Речь идет о том, как в истории культуры образовалось и развивалось слово «сознание». Латинский термин «consciencia» (дословно — со-знание) в своем первичном значении выводится из греческого «схизис» и далее от соответствующего значения на санскрите. При этом слово «знание» или «ведение» в историческом контексте тесно связывается с разделением на части, расщеплением или, по-гречески, «ана-лизисом». Это смысловое значение сознания объединяется с анализом далеко не случайно, ибо для сознательной деятельности наиболее важной предпосылкой является аналитическая функция, в психоанализе именуемая тестированием или распознаванием реальности. Бессознательное, в таком случае, не всегда обязано быть «оппонентом» сознания и ему противостоять. Если только допустить, что развитие С и БС есть процессы параллельные, а также принять во внимание из взаимодополняющее значение для психического аппарата, то можно было бы сказать, что в этом ракурсе БС может выполнять и выполняет важную синтетическую функцию. При этом речь, конечно же, идет о тех случаях, когда синтетическое решение «проваливается» в сознание в виде мгновенного решения (инсайта).

Здесь мы подошли к главной гипотезе этого сообщения, а именно: соотношение С и БС, кроме традиционно рассматриваемых вариантов, может формулироваться как соотношение аналитической и синтетической функций психического аппарата. При этом в синтетической функции БС покоится возможность непосредственного синтетического знания, переживаемая сознательно - в аналитическом процессе как инсайт, а в жизни — как творческий момент.

В заключение необходимо сказать еще несколько слов о собственно временной проблеме. Она, как уже неоднократно говорилось, наиболее четко проявляет себя при обсуждении феномена инсайта. Чаще всего инсайт, если интерпретируется в связи с фактором времени, то в терминах синхронизации переживаний (одна из наиболее подробных дискуссий по этому поводу принадлежит Чиомпи...). К сожалению, здесь нет возможности для специального рассмотрения всей проблемы инсайта и времени, поэтому разрешите ограничиться еще одной дискуссионной гипотезой. С ней, с этой гипотезой, мы замыкаем круг и вновь возвращаемся к известной дискуссии... Эта гипотеза относится также к уже рассматривавшемуся нами положению, согласно которому С и БС имеют каждое свою временную структуру. Если допустить, что это верно, то тогда возникновение инсайта должно быть обязанным специальному процессу, при котором временные структуры С и БС становятся сходными или одинаковыми. Этот процесс предлагается называть изохронизацией.

Аналитическая практика показывает, что мгновенное осознание (инсайт) наступает тогда, когда переживание «здесь и теперь» находит свое соответствие в далеко прошлых первичных переживаниях, при которых формируется первичный базисный конфликт. Поэтому для аналитической практики так важно, чтобы в терапевтической процедуре был найден соответствующий момент и соответствующее смысловое содержание для подобного «замыкания» переживаний настоящего и прошлого. Поэтому также основой основ психоаналитической процедуры есть работа с перенесением, а мы бы сказали - с изохронизацией прошлого и настоящего опыта.

В завершение позвольте выразить искреннюю благодарность за уникальную возможность высказать столь дискуссионные гипотезы, если даже и ошибочные, то все же максимально искренние.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 77-80

Зигмунд Фрейд и Элиас Канетти

Е.М.Шастина

Наша цель состоит в том, чтобы привлечь внимание к двум великим именам - ученому З.Фрейду и писателю Э.Канетти, которых, в первую очередь, объединяет принадлежность к австрийской культуре. Труды Фрейда оставили неоспоримо глубокий след в истории не только психологии, психиатрии, неврологии, но и всей культуры XX века. Им были открыты важнейшие психические механизмы, касающиеся регуляции человеческого поведения, в котором представлена подчас необъяснимая сфера бессознательной психики.

В своих исследованиях Фрейд разработал ряд понятий, запечатлевших реальное своеобразие психики, которые составляют основу современного научного знания. Особое место заняла в его исследованиях категория мотивации, динамики побуждений, внутреннего строения личности. Фрейд выдвинул на передний план актуальные жизненные проблемы, что обусловило тот большой резонанс, который получило учение Фрейда как в самой психологии, так и далеко за ее пределами. Ключевым для Фрейда становится представление о том, что поведением людей правят иррациональные психические силы. В настоящей работе нас интересует выдвинутая Фрейдом концепция психологии масс. Как известно, идеи Фрейда, провозглашенные в начале века, вызвали и вызывают самые разные суждения. Фрейдизм глубоко проникает в культуру, у него много сторонников в различных сферах общественной жизни. В то же время идеи Фрейда подвергаются жесточайшей критике.

В творчестве Канетти можно отыскать «следы» влияния Фрейда и его учения. Канетти не просто отрицает учение Фрейда, он полемизирует с великим ученым по поводу отдельных воззрений: «Фрейдов «инстинкт смерти» — отпрыск древних и мрачных философских учений, только он еще опасней, чем те, поскольку рядится в биологические термины, обладающие привлекательностью современности. Эта психология, не будучи философией, живет на счет худшего ее наследия» (Канетти 1990, с. 307).

Творческая судьба писателя Канетти необычна, как необычно все его творчество. В силу ряда причин имя этого писателя до сих пор неизвестно широкому читательскому кругу в нашей стране. В 1981 году Канетти был удостоен Нобелевской премии в области литературы. Канетти по праву можно считать одним из ярчайших представителей звездной плеяды австрийских писателей. Он был одним из тех, кто первым пророчески ощутил грядущие катастрофы человечества. Творческое наследие писателя невелико: роман «Ослепление», сделавший впоследствии автора всемирно известным, несколько пьес, автобиографическая трилогия, эссе, статьи, заметки, а также ряд произведений, о жанровых особенностях которых литературоведы спорят до сих пор. В первую очередь это касается книги

«Масса и власть», поскольку в споре участвуют социологи, историки, антропологи, психологи, этнографы. Более тридцати лет трудился Канетти над этим произведением - «трудом и задачей всей жизни», которая, по мнению М.Крюгера, является одной из «великих книг этого столетия» (Kruger M. 1995, S. 9), так как не утратила по сей день своей актуальности.

Для нас «Масса и власть» интересна в первую очередь как литературное произведение, в котором нашли отражение взгляды автора на интересующие его проблемы. Д.Затонский справедливо отмечает, что «Масса и власть» и сопутствующие ей статьи - это, по жанру, нечто стоящее между наукой и искусством, в равной мере оглядывающееся на их не во всем совместимые законы. (...) Решая проблемы из области социологии, он попутно создает образ властителя и образ толпы; иными словами, порождает нечто художественное, но за счет средств и доводов науки» (цит. по Канетти 1988, с. 12).

В определенном смысле «Масса и власть» продолжает исследование французского врача и социолога Ле Бона (1841-1931) «Психология масс», труд испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета (1883-1955) «Восстание масс» (1930), исследующие социальные, психологические, политические и философские аспекты поведения и роли масс в функционировании общества.

Однако в отличие от этих авторов Канетти рассматривал проблему массы в ее диалектической взаимосвязи и обусловленности с проблемой власти. Канетти оперирует видами человеческой массы, всевозможными аспектами, элементами, символами власти, устанавливая механизмы их взаимодействия.

Очевидно, что он имеет в виду современное состояние общества, однако опирается преимущественно на примеры из истории восточных деспотий или на архаический быт африканских царств, иными словами, работает с этнографическим материалом. Сам по себе данный подход не нов: французский этнограф и социолог-структуралист Л.Леви-Строс также использовал, в частности, в книге «Печальные тропики» (1955), этнографический материал, где он строит картину социального устройства и культуры первобытных племен на основе методологии структурной лингвистики и теории информации.

Писатель Канетти ставит перед собой иные задачи, избегая противопоставления и оценки развития событий в истории человечества. Развернув длинный ряд примеров из истории разных эпох и народов, он видит многочисленные совпадения и повторы. В этом смысле исследование Канетти имеет гораздо больше точек соприкосновения с трудом Фрейда «Психология масс и анализ Я» (1921), в котором ученый обращает внимание на роль вождя в формировании массы и процесс отождествления большой группой людей своего «я» с образом лидера.

Фрейд исходит из первостепенной роли инстинктивного и бессознательного в поведении толпы, когда приходит к формуле: «Психологическая масса является объединением отдельных личностей, кото-

рые ввели в свое Сверх-Я одно и то же лицо и на основе этой общности идентифицировались друг с другом в своем Я» (Фрейд 1989, с. 341).

Канетти более социален. Сфера инстинктивного и бессознательного у него значительно шире и включает все природные импульсы, сохраняющиеся в человеке: инстинкт самосохранения, обороны, нападения и т.д. Как такая масса проявляет себя в общественной жизни, является центральной темой Канетти.

В отличие от Фрейда Канетти при анализе массы выходит за рамки индивидуального и единичного.

На страницах автобиографической трилогии нередко встречаются рассуждения автора о замысле труда «Масса и власть». В частности, в книге «Факел в ухе» Канетти критикует Фрейда, поскольку не согласен с исходной позицией Фрейда в отношении психологии массы, опирающейся на сознание индивидуума. Главным недостатком воззрений Фрейда Канетти считал сам факт, что ученый не признает феномен массы. Канетти серьезно изучает труды Фрейда, находит много интересного для себя, однако, признается, что «отмежевание от Фрейда» положило начало книге всей его жизни (Canetti, 1996, S. 143-144).

На страницах необычного произведения «Масса и власть» нашли отражение темы, волнующие автора на протяжении всей жизни. Оттолкнувшись от конкретного, реального, зачастую от того, что принято называть личным опытом в широком смысле этого слова, писатель создает свою теорию бытия, где масса и власть являются столпами человеческого общества.

У каждой великой личности свой путь познания истины. Канетти, подвергая критике учение Фрейда, отдавая при этом дань постигнутому ранее другим, идет своим путем.

Литература

Канетти 1988 - Э.Канетти. Слепление: Роман / Пер. с нем. С.Апта; Редкол.: Т.Балашова, Д.Затонский, С.Никольский и др.; Предисл. Д.Затонского. — М.: Художественная литература, 1988. - 496 с.

Канетти 1990 - Э.Канетти. Человек нашего столетия: Пер. с нем./Сост. и авт. Предисл. Н.С.Павлова; Комментар. Р.Г.Каралашвили. - М.: Прогресс, 1990. - 474 с.

Фрейд 1989 - З.Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. Изд. подг. М.Г.Ярошевский. — М.: Наука, 1989. — 455с.

Canetti 1996 – E.Canetti. Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte. Frankfurt am Main 1996. – 348 S.

Kruger 1995 – M.Kruger. Zu diesem Buch. 1995. S. 7-9.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 80-81

Современное состояние российской психотерапии и психоанализ

М.М.Решетников

Дорогие коллеги и друзья, дамы и господа!

Я благодарю Вас за приглашение к участию в организации этой конференции, и за предоставленную возможность поделиться некоторыми идеями. Мой доклад, вероятно, будет самым непсихоаналитическим, и на это есть особая причина.

Постоянно встречаясь с нашими зарубежными коллегами, на протяжении последних десяти лет я часто задавал себе вопрос: почему им так трудно понять и принять то, что мы делаем, почему наши планы реинституции психоанализа в культурную и терапевтическую практику, впрочем, как и наши стандарты психоаналитического тренинга, вызывают у некоторых из них - в лучшем случае - снисходительное внимание, но не более?

И только совсем недавно я понял, что в своих оценках они исходят из собственного исторического, культурного и терапевтического (по всем названным параметрам - несопоставимого) опыта, и, как правило, очень мало информированы о нашей специфике. И это не их, а наша вина. Поэтому, мой доклад будет лишь опосредовано апеллировать к теоретическому психоанализу, так как его целью является попытка прояснить некоторые, по сути - не имеющие мировых аналогов вопросы, и обрести больше понимания у наших друзей и коллег. Одновременно, как мне представляется, это позволит хотя бы частично сблизить позиции практиков и воинствующих теоретиков, с одной стороны, приветствующих психоанализ или (во всяком случае) демонстрирующих равнодушную позицию (чему примером их многочисленные публикации), а с другой - пытающихся убедить нас, что практический психоанализ в современной России невозможен. Что ж, тем больше чести - значит, мы делаем невозможное.

Я напому, что до 1985 года (до выхода приказа МЗО № 750) такого понятия как психотерапия в России просто не существовало, а неврозы - в соответствии с официально действующей доктриной (как социальные болезни) - «избирательно поражали исключительно Западное (характеризуемое, как «загнивающее») общество».

Специфическая деталь: понятие «психотерапия» появилось у нас (с самого начала) как субспециальность в психиатрии, где до настоящего времени господствующей является биологическая, естественнонаучная, модель болезни (я оставляю за скобками вопрос о том — может ли быть естественно научная модель личности?). До настоящего времени психотерапевтом может стать только врач-психиатр, имеющий стаж психиатрической деятельности, как минимум, 3 года, и затем получивший специальную подготовку.

Эта подготовка заслуживает того, чтобы сказать о ней отдельно. В соответствии с действующим государственным стандартом, она включает 3-6-месячные циклы занятий, общий объем которых составляет 288 часов. Эти 288 часов распределяются следующим образом: 100 часов лекций, 44 часа - семинары, 10 часов наблюдения за работой другого специалиста, 100 часов работы в психиатрическом отделении, где - при желании - можно вести психотерапевтически ориентированные беседы с пациентами, 34 часа участия в клинических разборах психиатрических больных (психотерапевтических стационаров в России пока практически нет). И, хотя этот стандарт в 5-10 раз ниже любого западного, и это было не плохо, если бы...

Если бы эти 288 часов не предусматривали изучение 44 методов психотерапии, то есть: примерно - 7 часов на бихевиоральную психотерапию, столько же на психодинамическую, столько же на гештальт, гипноз, рациональную, гуманистическую, когнитивную, НЛП, эриксоновскую, психодраму, телесноориентированную, аутотренинг и так далее, и тому подобное. Этот подход, называемый в России «интегративным» является основным и ведущим, а если точнее - до настоящего времени единственно признанным государством, единственно сертифицируемым и аккредитуемым государством. Любой специалист, прослушавший такой 288-часовой курс, который ведут 2-3 (нередко - вообще не имеющих пациентов) преподавателя-теоретика, получает государственный сертификат на право практики в любой области психотерапии (включая психоанализ), и с этого момента может оставаться один на один с пациентом. Какие чувства у вас вызывает последний? Мне его искренне жаль.

Вероятно, многим из наших западных коллег такой подход покажется диким. Точно также воспринимаем его и мы, новая генерация российских психоаналитически ориентированных специалистов. И уже на протяжении 10-ти лет предпринимаем последовательные попытки качественно изменить ситуацию. Но, думаю, нашим зарубежным коллегам будет очень нелегко представить: с чем сталкиваются эти попытки. И даже не буду пытаться объяснять. Отношение к гуманитарному знанию в России, по образному выражению акад. Д.С.Лихачева, остается «таинственным», «требующим самостоятельного излечения» (Лихачев Д.С. Знание и диктатура. // Психоаналитический вестник № 1 (7). - Москва: Национальная Федерация Психоанализа, 1999. С. 149).

Когда в 1991 году мы открыли в России первый Институт Психоанализа и заявили, что курс подготовки только по одному единственному методу психотерапии будет составлять, как минимум, 4 года: как минимум, 1100 часов инструктивных занятий (лекций и семинаров), как минимум, 100 часов персонального анализа, плюс, как минимум, 300 часов индивидуальной работы с пациентом под руководством 2-х или более супервизоров (не менее 100 часов супервизий) - это вызвало у большей части представителей официальных структур не столько неприятие, сколько спокойный скепсис: «Да кто же на это пойдет?» Непонимание началось

позднее, когда оказалось, что значительной частью новой волны российских психотерапевтов это восстребовано.

Сейчас в нашем институте учится более 400 специалистов из России, Украины, Белоруси, Молдовы, Латвии, Эстонии, а также - ряда стран Азии и Западной Европы. К нам едут учиться из Европы, даже зная, что наш диплом там не будет признан!

И при этом все еще типичным тезисом остается: «Психоанализа у нас нет!» Здесь нужно отметить, что абсолютное большинство непримиримых сторонником этого тезиса не имеют ни малейшего отношения к психотерапии. Должен признать, что практикующих специалистов это мало беспокоит: и популярность психоанализа, и клиентура растут. А студентов из Западной Европы будет еще больше. И это не столько наша заслуга, сколько российской системы образования, на принципах которой мы реализуем психоаналитическое.

Представляется целесообразным, остановится еще на нескольких факторах, характеризующих специфические особенности нашей деятельности.

На протяжении последних 15-ти лет в России отмечается беспрецедентный рост психопатологии (с 1985 — в 2,5 раза), что, в целом — с учетом глобального социально-экономического кризиса, естественно. Хотя, эти цифры явно занижены. По данным экспертов ВОЗ количество психопатологии в России превышает ее уровень в других европейских странах в 4-6 раз.

Значительную часть (до 60%) этой психопатологии составляют личностные расстройства, требующие не психиатрической, а психотерапевтической помощи. И при этом - обеспеченность российских учреждений здравоохранения медицинскими психологами и психотерапевтами составляет, соответственно, 3% и 19%. В остальных случаях ставки психотерапевтов или просто пустуют, или заполняются «психотерапевтами по совместительству» (отолярингологами, гинекологами и т.д.). На 1999 год в России имелось всего 2 тыс. дипломированных психотерапевтов и 15 тыс. психиатров. Всего - 17 тыс.

Для примера, в США - стране, избранной для примера исключительно с точки зрения сравнимого количества населения (ибо все остальное — несравнимо), в системе здравоохранения действуют 40 тыс. психиатров, 80 тыс. психотерапевтов, 225 тыс. психологов, специализированных сестер и социальных работников (всего - 345 тысяч). Аналогичная ситуация в большинстве европейских государств, где 1 специалист-психопатолог приходится на 500-900 человек населения, у нас - 1 на 10 тысяч. На 1 психиатра в западных странах приходится 5-8 вспомогательных специалистов, у нас: с точностью - наоборот (8 психиатров на 1 психотерапевта). И даже если мы переквалифицируем всех психиатров в психотерапевтов (а другого пути в рамках действующих государственных стандартов у нас пока нет) - проблема не решается.

Еще раз акцентирую на этом внимание: психиатров в России также не хватает, при этом - из имеющихся 15 тысяч около 60% сосредоточены в

крупных региональных центрах (преимущественно — в Москве и Санкт-Петербурге), а на других 3000 городов России приходится в среднем по 1 психиатру и 0,3 психотерапевта. По нашим расчетам, если будет сохранена нынешняя система подготовки специалистов, их сколько-нибудь адекватное запросу социума количество появится лет через 300. Это было бы непоправимо поздно: мы и сейчас уже достаточно психопатологизированная нация. Именно поэтому мы отстаиваем более «мягкие» стандарты подготовки психотерапевтов в России, но не «безумно мягкие», как упомянутые выше.

Особой проблемой является психиатрическая культура населения. Точнее - ее практически полное отсутствие, подтверждением чего является деятельность в России 300 тысяч магов, колдунов, провидцев, экстрасенсов и т. д., получивших достаточно красивое название «альтернативной волны». Тем не менее, у этой «волны» есть одна не подлежащая сомнению заслуга: они реально демонстрируют - сколько профессионалов требуется на рынке психотерапевтических услуг (около 320 тыс., а в наличии - 17 тыс.). И лишь 1 из 7 пациентов обращается к специалистам, а большая часть населения апеллирует к колдунам и знахарям, все более погружаясь в атмосферу средневековья.

Пока еще в России совершенно не принимается тезис, что дальнейшее развитие психотерапии только в рамках психиатрии (и на базе психиатрии) вступает в противоречие с общепризнанными мировыми тенденциями, становится тормозом развития отечественной психотерапевтической науки и практики. Я напомню, что в большинстве стран мира психотерапия уже давно является самостоятельной специальностью (в рамках медицины), а в ряде стран, включая Австрию - самостоятельной профессией (вне медицины). Мы же, все еще обсуждаем вопрос о том - можно ли дипломированного психолога допускать к беседе с пациентом без участия психиатра.

Пока еще в российской психиатрии не находят понимания даже авторитетные заключения экспертов ВОЗ, что:

до 80% пациентов в психотерапевтической практике имеют исключительно психологические проблемы или относятся к пограничным пациентам;

от 30 до 40% пациентов, обращающихся к врачам-интернистам, нуждаются не в терапевтической помощи, а в психотерапевтической. И по прогнозам ВОЗ 1999 года количество таких пациентов к 2020 году возрастет вдвое.

Это в мире - вдвое. А у нас, как известно, любые мировые тенденции имеют тенденции зашкаливать. И - с учетом социально-экономической ситуации — нет оснований надеяться, что в данном случае будет иначе. Таким образом, еще одно поколение россиян вырастет в условиях неблагоприятной психопатологической среды при минимальной возможности сколько-нибудь профессиональной психологической поддержки или психотерапевтической коррекции.

Эти проблемы требуют адекватных стратегических и тактических решений. Мы пытаемся их формировать, и уже 5 лет на всех профессиональных конференциях МЗО говорим о необходимости допуска к психотерапевтической подготовке врачей общей практики и клинических психологов (я бы добавил - и философов), но официальная психиатрия отвергает это (вот где был бы значим голос наших гуманитариев). Замечу, что речь при этом вообще не идет о психоанализе. Психоанализ - это только одно и, вероятно, самое узкое направление из всего спектра современной психотерапии. Но решений - нет. И мы были бы идеалистами, если бы надеялись, что эти решения будут скорыми и простыми. Как мне представляется, их будет активно решать уже следующее поколение психотерапевтов.

Есть ли хоть что-то позитивное? Безусловно. Уже сейчас можно констатировать, что большинство специалистов-практиков в России признают: без знания основ психоанализа не может быть сколько-нибудь профессиональной психотерапии (любой направленности или ориентации). И это качественно иной подход, который сформировался, по сути, за последние 5 лет. Если 10 лет назад на конференциях психотерапевтов о психоанализе вообще не вспоминалось, а пять лет назад он упоминался только в критическом (как правило, мало аргументированном) аспекте, то на всех последних конференциях и съездах ведущих психотерапевтических сообществ - Российской Психотерапевтической Ассоциации, Профессиональной Психотерапевтической Лиги и даже Российского Общества Психиатров отмечалось, что знание основ психоанализа абсолютно необходимо представителям любых направлений в психотерапии. И это не навязанное кем-то, а реально сформировавшееся мнение профессионалов.

Особым вопросом является создание в России психоаналитических институтов. В адрес этих учреждений (которых становится больше) по-прежнему направляется основной заряд критики, и преимущественно - со стороны не практикующих специалистов, которые нередко даже не берут на себя труд познакомиться с этими институтами.

Основной мотив этой критики - отсутствие преемственности в вопросах практики и обучения практике. Так ли это? Я не могу говорить обо всех институтах психоанализа, поэтому остановлюсь только на нашем - Восточно-Европейском Институте. Наша стратегия исходно базировалась на том, что обучение и практический психоаналитический тренинг (персональный анализ и супервизии), должны проводиться на отечественном «поле» и отечественном клиническом материале. И мы — далеко не сразу, но достигли понимания в этом вопросе у наших западных коллег. Ежегодно у нас в институте работают от 20 до 40 ведущих западных специалистов-практиков из Европы и Америки, сроки рабочих визитов которых существенно варьируют - от нескольких дней до года. Общий объем дополнительных (только аудиторных) занятий студентов и преподавателей с этими специалистами составляет от 200 до 400 часов в год, при этом студенты, в отличие от пролонгированных («закрытых») групп

преподавателей, аналитиков и супервизоров, получают эту (к 1600 часам основной) дополнительную методическую подготовку бесплатно. И я должен сказать, что отношение западных специалистов к созданию в России психоаналитических институтов отличается гораздо большим пониманием и коллегиальным уважением к их деятельности (Stern Н. Американский опыт преподавания психоанализа в России. // Психоаналитический вестник № 2 (8). Москва, Национальная Федерация Психоанализа, 1999, с. 165-171).

Я не рассчитываю, что этот пример как-то изменит отношение психоаналитиков-теоретиков к практикам: позиция первых еще долго будет отстраненно-критической, ибо нельзя убедиться в верности какой-либо теории, не проверив ее на практике. Поэтому, они, в определенном смысле, обречены быть половинчатыми и в своих «за», и своих «против». Но будущее, в том числе - в развитии теории психоанализа, безусловно, за практиками.

Психотерапия - это не естественнонаучная, а гуманитарная область знаний. И количество реальных направлений в психотерапии, также как и общепризнанных (мировых) концепций развития и структуры личности, весьма ограничено. И все они носят концептуальный, то есть - гипотетический характер. Поэтому, даже обычный здравый смысл подсказывает, что целесообразно апеллировать только к тем из них, которые выдержали проверку временем и практикой.

Очень кратко об одной методологической проблеме. Еще совсем недавно существовали так называемые «советские» психология, психиатрия и психотерапия, базировавшиеся на философской концепции некоего усредненного, бесполого и слегка отличающегося по возрастным характеристикам - скорее - индивида, чем «личности». В этой «всеобъемлющей» концепции преобладал деятельностный подход, при этом все, что касалось сферы внутренних переживаний, страданий, влечений (включая низменные), потребностей (включая сексуальные), мотивов (нередко - асоциальных), сновидений, сексуальных девиаций, человеческого нарциссизма, психопатологических комплексов, массового поведения, деструктивных тенденций и т. д. исходно или выводилась «за скобки», или упоминалось в качестве неких не заслуживающих внимания «составляющих». В психоанализе это все было. И есть. И - в современном психоанализе - на принципиально ином методическом уровне, чем у Фрейда, Юнга, Адлера или Кляйн. Поэтому апелляция в дискуссиях к классическим работам не выдерживает критики. Это то же самое, что критиковать современную математику, акцентируя внимание на необоснованности некоторых постулатов Евклида.

Однако, не это главное. К какой бы части психоаналитически заинтересованной аудитории мы не принадлежали, как коллеги, мы должны с обеспокоенностью признать, что современная российская психология, психотерапия и философия переживают системный кризис. Как мне представляется, позитивного характера. А именно - идет процесс поиска

идентичности, а если еще точнее - процесс поиска и методологического обоснования будущих направлений развития.

Я думаю, этих направлений будет несколько. Единой российской психологии, психотерапии или философии уже нет. И это хорошо. Новые реальные направления и школы будущей российской науки появятся, по моим представлениям, лет через 20-25. Одним из таких направлений, я надеюсь, опять же - через 20-25 лет, будет психоанализ.

Как член нескольких специализированных советов, включая философский, я очень люблю задавать диссертантам «подленький» вопрос: «К какому направлению (в философии, психологии или психотерапии) Вы принадлежите?» И нередко сталкиваюсь с его полным непониманием. Тогда я поясняю: «Я идентифицирую себя с психоаналитическим направлением, а Вы?» После этого собеседник обычно задумывается, но, как правило, готового ответа у него нет.

Мне кажется, что такое отсутствие четкой методологической идентификации связано с тем, что большинство философских и психологических факультетов готовят специалиста вообще, который может считать себя специалистом по всем направлениям сразу (своеобразное «единомыслие наоборот»). И некоторые так и поступают. Нет школ. Я думаю, что это порождает только иллюзию всезнайства и нарастающей анархии в нашем гуманитарном сообществе.

На этом этапе, когда школы в новой российской гуманитарной науке только формируются, нам было бы очень важно избежать нетерпимости между представителями различных направлений. Возвращаясь к любимой мной психотерапии, хотел бы добавить, что в современных условиях пока гораздо больше того, что нас объединяет. Мы все находимся примерно в одинаковых условиях, и единственный условно оптимистический вывод — пациентов хватит на всех. А реально оптимистический - у нас все впереди. Что касается вопроса об особенностях национального психоанализа, я думаю, он преждевременен. Национальный психоанализ только формируется. Но он уже пришел в университеты. И это очень значимый факт.

Первоочередными задачами, и с точки зрения развития российской психотерапии в целом, и психоанализа - как части последней, представляются (я только обозначаю их перечень):

- 1) формирование новой психологической и психиатрической культуры (в том числе — в непрофессиональной среде);
- 2) выделение психотерапии в самостоятельную специальность (на первом этапе — в рамках медицины);
- 3) формирование реальных психотерапевтических школ (ибо существующая, якобы «интегративная» психотерапия - это фикция, так как не может быть интегративной концепции личности, она всегда конкретна);

4) создание отечественного стандарта психотерапевтического тренинга по конкретным направлениям в психотерапии (который — на этом этапе - должен быть гораздо «мягче» западного);

5) расширение профессионального резерва за счет доступа к специальности врачей общей практики и клинических психологов;

6) заполнение кадрового вакуума.

В заключение еще раз повторю: в России пока не сформировалось понимание, что психотерапия - это весьма неоднородная специальность. И пока не получило должного признания положение о том, что количество мировых школ психотерапии весьма ограничено (это - психодинамическая, бихевиоральная, гештальт, суггестивная и гуманистическая). Все остальные определения — семейная, детская, групповая, телесноориентированная и т.д. и т.п. - не несут в себе никакой методологической основы и являются просто вариантами техник. Понимание и признание своей методологической идентичности (или как говорят на Западе, модальности) только начинает формироваться. И это будет длительный и непростой путь.

У меня нет сомнений, что российский психоанализ состоится. Но, безусловно, он будет формироваться не так быстро, как нам хотелось бы. Реальная российская школа психоанализа станет достоянием, скорее, уже следующего поколения специалистов. Безусловно, это будет одна из мировых школ, ибо - несмотря на все обрушившиеся на нас социальные и экономические катаклизмы, мы не утратили высочайшую российскую культурную и образовательную традицию.

Россия никогда не была богатой страной, но никогда не нищала духовно. Хочу надеяться, что и сейчас этого не произойдет.

В заключение я хотел бы поблагодарить наших австрийских коллег за организацию этой конференции, коллегиальную помощь и поддержку, и выразить надежду, что она не будет единичным, безусловно, приятным для нас событием, а заложит основы долговременного и конструктивного сотрудничества российских и австрийских специалистов.

Бессознательная сфера и гормоны (Терапевтический аспект проблемы)

А.И.Белкин, Е.Г.Болдова

Психоаналитически ориентированная терапия обращена к бессознательной сфере, которая, как это было показано отцом психоанализа З.Фрейдом, во многих случаях выступает основным источником патологического синдрома. В истории психоанализа можно встретить положение о значимости биологической базы в патогенезе невротической патологии. Однако, остается до конца непонятной роль гормонов в сложных процессах бессознательной деятельности человека. Только в последние годы психоаналитики стали уделять внимание значимости гормонов в мотивации поведения, понимании либидо, энергетической базы инстинктов, влечений, побуждений, эмоций.

Важное место в этой области знаний заняли пептидные гормоны. Наши исследования показали роль этих соединений в вытеснении психотравмирующей ситуации, оживлении следов прошлого опыта и дезактуализации психотравмирующей ситуации.

Известно, что гормоны занимают особое место в развитии психосоматических заболеваний и их излечении. Вместе с тем, эффективность терапии в этих случаях повышается при сочетанном применении психоаналитически ориентированной терапии с гормонами. Отсюда естественно возникает задача исследовать взаимосвязь между психологическим эффектом гормонов и вербальным воздействием, представляющим основное звено психоаналитической терапии.

Наш опыт показывает, что сочетание психоаналитически ориентированной терапии со специфическим психотропным эффектом биологически активных соединений (гормонов) дает наиболее полный и быстрый терапевтический результат. Более того, следует отметить, что гормоны в своем влиянии на поведение человека тесно связаны с ситуацией. В обиходной речи понятие «ситуация» обозначает обычно совокупность внешних по отношению к человеку обстоятельств. В наших же конкретных случаях этого оказалось недостаточно. Ситуацию формирует слияние объективной реальности с тем ее отражением, которое создает психический аппарат. При этом баланс этих двух компонентов может колебаться в самых широких пределах.

Сходство действий психоаналитически ориентированной терапии со специфическим психотропным эффектом гормонов открывает новые горизонты не только в понимании патогенеза невротических состояний, но и повышении эффективности психоаналитической терапии в целом. Происходит воздействие на патологический синдром как бы с двух сторон: вербально, в плане психологического проникновения в бессознательную сферу и на поведенческие детерминанты, инициируемые гормонами. Тесное

переплетение психоанализа и нейроэндокринологии определяется нами как своеобразный тоннельный эффект изучения бессознательной сферы.

Это положение демонстрируется нами на клинических примерах, открывающих новые подходы к пониманию психофизиологических механизмов: вытеснения, регресса психики, вплоть до инфантильного уровня, патологии инстинкта материнства, а также ряда психосоматических заболеваний.

Мы предполагаем, что на стыке этих двух наук – психоанализа и нейроэндокринологии открываются новые подходы к так называемой психоаналитической эндокринологии.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 86

Актуальность фрейдистских систем духовной терапии

Э.А.Бирюкова

С течением времени приобретают все большую актуальность системы духовной терапии фрейдистского направления, способствующие оздоровлению людей на основе реализации метода снятия психо-невротических преград на пути полноценного проявления их жизненной силы. Данная тенденция вполне наглядно проявляется на рубеже двух веков, когда происходит крушение многих стереотипов и догм уходящей эпохи модерна под натиском новых аксиологических ориентиров постмодернизма. Таким образом, освобождается дорога и зажигается зеленый свет для тех парадигм, которые могут предоставить человечеству способы решения главной задачи грядущего тысячелетия, а именно гармонизации жизни каждого человека в системе взаимодействий различного уровня: с самим собой, обществом, природой, Вселенной. Здесь потребуются нестандартные подходы, с упором на духовность людей, определяющие этапы совершенствования индивида, через сублимацию низменных инстинктивных энергий в просветленные гуманистические импульсы.

В этой связи фрейдистские системы духовной терапии выглядят вполне дееспособно, поскольку все их создатели разрабатывают интересные методики погружения в глубинные пласты духовности личности, поиска и устранения тех психопатогенных зажимов, которые из-за различных фобий оказались вытесненными в сферу подсознания, поэтому подспудно деформирующие или даже уродующие внутренний мир субъекта. Последователи З. Фрейда ведут борьбу за душу и дух своих пациентов, извлекая скрытый патос, ведущий к неврозам, на поверхность, проводя его из бессознательного в сознание, помогая людям понять себя и свои проблемы, а также сконцентрироваться на действиях по их элиминированию. Поэтому состояние у ранее нездоровых индивидуумов постепенно нормализуется, исчезают страхи, отчужденность и озлобленность, активизируется желание помогать всем страждущим и вообще в целом организовать вокруг более полнокровное бытие.

Необходимо отметить, что актуализацию фрейдистских терапевтических систем стимулирует еще одно привлекательное свойство, которое выдвигает их в авангард тех теорий и практик, которые способствуют духовному оздоровлению личности. Речь идет о широкой концептуальной вариабельности психоаналитических рецептурных средств, что позволяет учесть интересы, а также специфику духовно-психических отклонений буквально всех и каждого, кто чувствует потребность или уже настоятельно нуждается в восстановлении нервной системы. Действительно, ни один из адептов рассматриваемого фрейдистского учения не похож на другого в своих целительных программах, хотя все они и придерживаются некоторых общих установок, скажем о доминирующей роли

бессознательного анклава духовности в системной картине болезненных проявлений, да и оздоравлиющем процессе регенерации личностных компонентов. Так основатель психоанализа З.Фрейд превалирующее внимание уделяет анализу лечебных возможностей расшифровки вытесненных сексуальных влечений и снятия невротического «конфликта между Я и либидозной привязанностью к объекту» (1), который еще в детстве ранит душу каждого субъекта. «Вред, нанесенный Я его первыми переживаниями, кажется непропорционально большим, — пишет он, — ... ни один человек не может уберечься от таких травматических переживаний; никто не может избежать их последствий» (2). Здесь смысловой контекст подводит к тому, что подобная система может быть избрана членами любого социума в качестве универсальной духовной профилактики, предохраняющей их от многих стрессовых коллизий.

В отличие от З.Фрейда, который ведет дискурс от единичных терапевтических примеров к общезначимым выводам, следуя индуктивной логике, его ученик К.Юнг использует дедукцию, переходя от родовых антропидных посылок к частным утверждениям. На этом базируется его оригинальная лечебная система работы с архетипами, то есть с духовными символами коллективного бессознательного, «где сочетается в группах ... все то, что в сознании разъединено» (3). Каждый архетип, чью форму «можно сравнить с осевой структурой кристалла» (4), любой своей гранью высвечивают с разных сторон образ вытесненной в подсознание первичной потребности, дающей о себе знать в мифах, снах, галлюцинациях. Расшифровка архетипных моделей человеческой духовности с помощью юнгианского анализа позволяет разрушить стену отчуждения между людьми, в том числе и этнического характера, и сплотить их для борьбы с присущими всем народам психопатогенными проявлениями на общепланетарном уровне. Э.Нойманн, хотя и разделяет многие идеи К.Юнга, строит свою систему духовной психоаналитической терапии, акцентируя при этом внимание на самореализации личности через полное раскрытие талантов, заложенных в ней от рождения. Интересно, что этот аналитик снова обращается к исследованию сугубо индивидуальной психической деятельности, как поступал и З.Фрейд, однако в совершенно ином ракурсе, объявляя единственной панацеей от всех болезней мощь творческого экстаза. Духовная трансформация приносит личности не только удовлетворение, но и душевные потрясения, муки. Так вот проистекающие «страдания от них, — пишет Э.Нойманн, — достигают глубин, из которых поднимается другая целительная сила, и этой целительной силой является творческий процесс» (5). В этом плане фрейдизм дополняется терапией духовной самопомощи, творческого самооздоровления.

В русле традиции инновационного подхода к теоретическому наследию З.Фрейда движутся и более современные авторы систем духовной терапии, которых относят к поколению неофрейдистов. Например, М.Якоби суть лечения видит в оптимизации межличностных отношений по формуле Я-Ты, когда «оба испытывают теплое чувство, похожее на дружескую симпатию»

(6); Э.Минделл связывает достижение оздоровляющего эффекта с конвергенцией психоанализа и восточной мудрости в лице даосизма, открывающей перед врачом врата знаний «О душе психотерапевтического танца» (7); наконец, К.Хорни, следуя заветам Э. Нойманна, нацеливает пациентов на активацию собственной инициативы через жесткий самоанализ, на обретение здоровья через «непреклонное желание человека вступить в борьбу с собой, желание развиваться и исследовать все, что может препятствовать такому развитию» .

Таким образом, имеет смысл констатировать, что в фрейдистских системах духовной терапии имеется ряд черт, предопределяющих их актуальность как в современных условиях, так и на будущую историческую перспективу. Среди них выделяется всеохватность этих систем: региональная, национальная и индивидуально-личностная. Обращаясь к единичным клиентам, фрейдистский психоанализ подспудно имеет в виду все человечество, которое, в силу ряда экологических, экономических, сексуальных и других глобальных проблем, действительно нуждается в экстренной психокоррекции. Далее можно назвать плюрализм, позволяющий осуществить страждущим свой поступок, реализовать свободу воли в выборе наиболее подходящего варианта духовного оздоровления, не выходя за рамки фрейдистского подхода. Нельзя не сказать и о доступности многих терапевтических методик, которые дают возможность, при определенной теоретической внимательности, овладеть навыками психо-тренингов, помощи самому себе, родным и близким, что повышает личностную самооценку и способствует духовному развитию. Концептуально-методическая гибкость также способствует популяризации фрейдистских систем, ибо они устанавливают связь между настоящим уровнем знаний и древней мудростью Востока, черпая секретные рецепты исцеления из бездонных кладовых дзен-буддийских и даосских текстовых оригиналов.

Наконец, подчеркнем гуманизм фрейдистских терапий, имеющих целью заботу о человеке, размораживание инициативности, бесстрашия, решительности при стремлении к высшим мирам духовного здоровья.

Литература

- Фрейд З. Психология бессознательного. - М., 1990. С. 415.
Фрейд З. Основные принципы психоанализа. - М., 1998. С. 107.
Юнг К. Психологические типы. - М., 1995. С. 153.
Юнг К. Душа и миф: шесть архетипов. М., 1997. С. 216.
Юнг К., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. - М., 1996. С. 234.
Якоби М. Встреча с аналитиком. - М., 1996. С. 107.
Минделл Э. Психотерапия как духовная практика. - М., 1997. С. 5.
Хорни К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ. М.: 1993. С. 361

Интимность и проблемы установления терапевтических рамок

А.Н.Копылов

Изучая психоаналитическую литературу, оказалось, что упоминание интимности и близости не часты и эти термины глубоко не освещены. Чарльз Райкрофт в «Критическом словаре психоанализа» пишет: «Интимность—шестая из восьми стадий жизни человека по Эриксону. Именно на этой стадии психически здоровый индивид достигает того, что в классическом психоанализе (классическая теория), называется генитальным уровнем и становится способным к интимной любви и творческой работе. Эта стадия, очевидно, наступает сразу после 20 лет и длится до начала среднего возраста. Опасность этой фазы - страх потери Эго в состоянии, требующем самоотречения с последующим чувством изоляции». Далее дается ссылка на обстоятельную цитату из описания Эриксона этой стадии. Эриксон (1963 г.) описывает эту стадию: «... Утопия генитальности должна включать:

- 1) Обоюдность оргазма
- 2) С любимым партнером
- 3) Другого пола
- 4) С которым можно и желательно разделять взаимное доверие
- 5) С которым можно и желательно регулировать циклы
 - а) работы
 - б) прокреации
 - в) рекреации

6. Так, чтобы обеспечить и потомству все стадии удовлетворительного развития».

Представляется, что проблемы интимности актуальны для клинической практики.

Интимность предполагает баланс, равную безопасность. Большинство наших пациентов приходит в терапию именно с этой проблемой—проблемой интимности (в широком смысле). Они лишены взаимопонимания, одиноки несчастны, имеют трудности интимной жизни. Большинство взрослых пациентов обращаются к терапевту в период от конца юности до начала среднего возраста, что соответствует шестой стадии жизненного цикла по Эриксону, которая называется «интимность — изоляция».

Эту стадию характеризуют :

- физическая близость
- способность заботится о другом человеке, делится с ним всем существенным, без боязни потерять при этом себя

Способность поддерживать интимные отношения зависит от того насколько успешно человек прошел предыдущие стадии:

1. ст. доверия - недоверия
2. ст. самостоятельности - нерешительности
3. ст. предприимчивости и чувства вины

4. ст. умелости и неполноценности

5. ст. идентификации личности и путаницы ролей

Если эти стадии продуктивно не разрешены, не пройдены, то пациент не имел опыта достаточно интимных отношений с ближайшим окружением, которое не было способно сформировать достаточно интимное пространство.

Терапевтический процесс предполагает достаточную близость и интимность взаимоотношений пациента и терапевта, взаимоотношений с завершением (которые имеют начало, содержание и конец). Фонда в статье «Несколько заметок к психоаналитическому взаимоотношению и его сеттингу» говорит:

«Взаимоотношения с завершением типичны между родителями и детьми, поскольку их цель обычно в стремлении иметь сначала избыточность, а потом автономность. Другие отношения, устанавливаемые на программируемой основе, планируются как более продолжительные (отношения между супружескими парами или в группах других видов). Мы можем таким образом, выделить отношения с завершением, которые мы можем назвать, используя метафору из строительного дела, отношениями «конструкции или возведения» (роста, вы-хода из болезни) и потенциально вечные отношения «непрерывной поддержки» (продолжающейся адаптации к событиям жизни)».

Чертами интимности являются принадлежность только двоим, в данной обстановке, в данном пространстве, здесь и сейчас, что является уникальным опытом, который потом нигде и никогда не повторяется. Способность и умение сохранить и удержать рамки, создает интимность процесса, ведет к безопасности и реальному опыту переживания интимности. Мы приглашаем пациента говорить все о себе как можно более свободно, объясняем конфиденциальность процедуры, это является неким терапевтическим соблазнением. Это само по себе является угрозой его внутреннему миру и провоцирует защитные реакции. Одни пациенты готовы тут же слиться, соблазниться, другие резко дистанцируются от терапевта. Оба крайние варианта обнаруживают проблемы интимности, безопасности.

Важным фактором взаимоотношений терапевта и пациента являются фундаментальные установки, относящиеся к поведению аналитика, которые не сообщаются пациенту, которые являются естественным и необходимым отражением неравенства ролей и вкладов пациента и терапевта. Например - терапевт не должен соблазняться в ответ на соблазнение пациента. Интимность поддерживается анонимностью терапевта, его способностью распоряжаться своей частной жизнью, его спонтанностью реагирования и способностью справляться с нарушениями внутреннего и внешнего сеттинга, т.е. с вторжениями в его интимное пространство.

Говоря о процессуальных фазах психического развития, Фонда ссылается на связь между достижением сепарированности и появлением символической мысли. «Это происходит с образованием фундаментального потенциального пространства между субъектом и объектом, между матерью и ребенком (когда ребенок становится способным чувствовать сепарацию от

своей матери). В этом пространстве ребенок может производить репрезентации объекта, когда уровень фрустрации (т.е. отсутствия матери) оптимален в атмосфере надежности. Это позволяет установить дистанцию с объектом - сепарированность. Запускается развитие символической мысли». Это фундаментальное потенциальное пространство и является базисом интимности.

Когда мы имеем дело с символом, говорил Винникот, символ содержит в себе парадокс. По Винникоту парадоксальные и символические мысли структурно родственны игре. Игра - фундаментальный аспект ментальной жизни, с этой точки зрения задача аналитика перевести пациента из состояния неспособности играть в способность играть. Что возможно воспроизвести только в ситуации интимности.

Нарушения развития могут происходить на любой из стадий. Нужды пациента и уровень поддержки терапевтом должны быть уравновешены, адекватны. Можно говорить о процессе взаимопроникновения. Гармоничный переход из одной стадии в другую возможен при разрешении предыдущей. Это может быть достигнуто только при отсутствии дефицита интимного пространства (опыта взаимодействий в котором, было позволено достаточно достижений, разрешений, запретов, ошибок и д.р.).

Естественное неравенство ролей пациента и терапевта позволяет иметь пространство безопасности и поддержки. В ответ на претензию на знание о личной жизни терапевта, терапевт имеет право не удовлетворять её, чем поддерживает интимность процесса. Поэтому тенденции нарушать принцип конфиденциальности, должны интерпретироваться и прорабатываться. (В этом случае стоит говорить о недостаточной способности быть в интимности.). Цель терапевтического процесса в соответствии с этим создание эмоционально - интеллектуального равновесия, чувственного адекватного отражения реальности здесь и сейчас, там и тогда.

Пример. Пациентка 30 лет с нарциссическими проблемами постоянно обвиняла терапевта в недостаточном к ней внимании. Она разрешила себе атаковать терапевта, после начального периода ожидания и удивления, что её терпят и принимают, а не выталкивают. Недовольство и нападки на терапию говорит о её бессознательном стремлении подтвердить, оправдать свою незащищенность, невозможность иметь удовлетворяющие отношения, бессознательное стремление контролировать жизнь терапевта. Бессознательное стремление отрицать существование интимности.

Сохранение и удержание рамок поддержки и безопасности, устойчивость к тенденциям разрушения этого создает реальный опыт (сознательный и бессознательный) интимности. Что позволяет создавать и поддерживать рабочий альянс.

Способность терапевта сохранять свою независимость, достаточную анонимность, иметь спонтанность, контролировать внутренний и внешний сеттинг, дает возможность поддерживать пациента, не отвергать, не пренебрегать, не использовать его, а поддерживать веру пациента, новое знание и опыт возможного обладания защищенностью, стабильностью,

уверенностью и т.д., а также позволять аналитику сохранять себя для близких, других пациентов и, конечно, для себя.

Опыт аналитической работы дает нам понимание, что навязчивое повторение не дает свободы, связано с отсутствием пространства выбора. Интимность предусматривает наличие этого пространства, которое можно использовать для игры (по Винникоту). Это то пространство, которое необходимо для терапевтической работы.

Т.е. «достаточно хороший сеттинг» представляет собой пространство, в котором можно позволить себе приближаться и отдаляться, отходить и возвращаться. Это дает возможность преодоления безопасного регресса.

Интимность- это то, что принадлежит обоим, но для каждого свое (сокровенное и собственное), объединенное совместным опытом переживания.

В этом аспекте признание существования и ценности интимности есть цель терапии.

Интимность взаимоотношений включает:

1. Наличие взаимодостижимого, взаиморазрешенного пространства
2. Взаимопроникновение
3. Стабильность и достаточность собственного Я, т.е. цельность
4. Созидательность
5. Гармоничность
6. Абсолютность
7. Потенциальную способность восстановления континуума.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 88-89

Конфигурация психотерапевтического пространства

С.Е.Маневский

То, что психоаналитическая работа осуществляется с внутренними объектами, а, стало быть, во внутреннем пространстве, мысль очевидная и не требующая доказательств. Также очевидным является возникновение психоаналитической ситуации во внешнем пространстве. Достаточно ли для описания психотерапевтического процесса этих двух традиционных аспектов?

Дональд Винникотт в своей книге «Игра и действительность» предлагает расширить взгляд на пространственные рамки терапии, или, по-другому, пристальнее взглянуть в то «место, где мы живем» (1971). Для него нет сомнения в том, что между двумя крайностями, внешнее - внутреннее, существует среда обмена. Д.Винникотт отмечает, что мы не заполняем большую часть нашего времени ни поведением, ни созерцанием, мы пребываем «где-то еще». Это место было названо «промежуточной зоной», «потенциальным пространством», «третьей областью». Практически все они являются синонимами, как и понятие «игровое пространство».

Итак, важным оказывается еще один, третий аспект, третья область, сфера человеческой жизни, в которую в одинаковой мере включены и внутренняя и внешняя реальности. Возникает эта реальность сразу же, как только младенец, появившийся на свет, входит в контакт с матерью - первым живым объектом из мира внешнего. Этот «не-Я» объект (или его часть) может быть приобретен ребенком навсегда, то есть, полностью включен в становящуюся личность. Формирование интроектов предполагает посредничество, оно выражается в появлении предметов, названных «промежуточными объектами», они постепенно заполняют «потенциальное пространство».

Таковыми объектами могут оказаться любые предметы, попадающие в поле действия ребенка; сначала - части постели и одежды, части собственного и материнского тела, потом ими становятся игрушки. Манипуляции с этими предметами или их частями осуществляются в сопровождении разнообразных звуков (оральных, анальных и пр.). Создается некий тактильно-кинетический аудио-визуальный комплекс из объектов, которые для ребенка мало чем отличаются от живых. Кроме того, все выше перечисленное, происходящее во внешнем пространстве, увязывается с фантазиями и мыслительными процессами (насколько это возможно в младенчестве). Таким, приблизительно, образом в «потенциальном пространстве» рождаются «переходные феномены», «которые приобретают для ребенка жизненное значение во время засыпания и используются, как защита от страхов, идет ли речь о пучке ниток, крае покрывала или подушке, о слове, или мелодии или стереотипном жесте».

Начав существовать с периода 4-12 месяцев в «потенциальном пространстве», «переходные объекты» претерпевают множество изменений; все зависит от того, к чему прикасается ребенок в том или ином возрасте для достижения цели. Надо сказать, что все метаморфозы «потенциального пространства» касаются не только детства, но могут быть распространены и на взрослый период. Если ребенок использует игрушку, чтобы достичь цели или удовлетворить желание, в мире взрослом игрушка заменяется любым «не-Я» объектом. Однако, остановимся, так как есть искушение расширить «потенциальное пространство» до пространства культуры, а это тема другого сообщения.

Как уже было упомянуто, «потенциальному пространству» синонимично понятие «игрового пространства», а оно, в свою очередь, есть пространство психотерапии, в которую включен ребенок. Невозможность проведения психоанализа с детьми без учета присущего им игрового способа постижения и отражения внешнего мира и способа выражения мира внутреннего была продемонстрирована Мелани Клайн еще в 1919 году с пятилетним мальчиком невропатом. Его фантазии, выраженные в игре, могли быть интерпретированы также как это делалось во взрослом психоанализе, с той лишь разницей, что место свободных ассоциаций заняли действия с игрушками, причем действия эти также свободны.

Любая психотерапевтическая ситуация, а в случаях с детьми — игровая возникает и развивается в пространстве, прежде всего внешнем, например в детском доме, как это было в первом случае М.Клайн, или в специально оборудованной игровой комнате, как это происходит сегодня. Что происходит с игровым внешним пространством по мере развития аналитического процесса? В какой мере метаморфозы игрового пространства отражают трансформации пространства внутреннего? Как это знание может помочь терапии в целом?

Morton Chethik описал общую последовательность развития игрового терапевтического процесса (1989).

Добавим к этому описанию параметр пространства.

M.Ch.

1. Начальный период бездеятельности: установочная стадия. Ребенок не играет, или он играет один, или его игра не понятна или бесполезна. Часто терапевт озадачен и не может включиться в процесс. Появляется некоторый «разговор» о симптомах, тревогах и формах поведения ребенка.

C.M.

Неструктурированное, пугающее пространство. Пространство оказывается либо безграничным, либо оно «отсутствует». В первом случае хаотично обследуется комната и игрушки, иногда хаос усиливается разбрасыванием предметов по всей территории. Ни на чем не концентрируется внимание. Во втором случае пространство сокращено до почти симбиотического контакта или «слипания» с матерью, от которой ребенок не отходит.

М.Сh.

2. Ранняя фаза эмоциональных проявлений. У терапевта медленно появляется ориентация в игре, он начинает отделять определенные значимые метафоры, которые появляются в игре. Проявляется возрастающий вклад ребенка. Его связи с терапевтом начинают принимать характер сильного либидинального вклада.

С.М.

Начало структуризации пространства. Постепенно устанавливаются границы как в самой игре ребенка, так и между терапевтом и ребенком (границы дозволенного).

М.Сh.

3. Появление центральных фантазий. Ребенок медленно разрабатывает ранее глубоко скрытые фантазии, которые имеют важное значение, хотя терапевт может иметь об их значении довольно смутное представление. На фоне разворачивания истории игры родители начинают сообщать об изменениях (облегчение-усугубление симптоматики, улучшение-ухудшение поведения, возрастание беспокойства).

С.М.

Локализация пространства. Ребенок использует не всю территорию, а отдельный участок. Время фиксации игры на ограниченном пространстве постепенно возрастает. На выбранный участок перемещаются необходимые предметы и игрушки.

М.Сh.

4. Период проработки. Часто, с некоторым запозданием, терапевт объединяет различные значения разворачивающегося материала и вмешивается с толкованием, что помогает или стабилизировать выгоду или управлять процессом.

С.М.

Фаза трансформаций. Пространство свободно изменяется ребенком как по его величине, так и по степени сложности и насыщенности объектами в зависимости от потребности.

Для того, чтобы продемонстрировать вариации формы психотерапевтического пространства можно привести пример маленького мальчика П. двух с половиной лет.

Заявленные матерью проблемы ребенка были следующими: когда мать занята каким-то своим делом и не обращает внимания на ребенка, он начинает сосать пальцы (эта привычка была отмечена с трех месяцев); если мать сердится или взволнована, ребенок настойчиво и с силой начинает ковырять себе левую щеку (в это место, приблизительно в год, его укусила собака); не всегда охотно идет в ясли; ночной энурез; может драться с матерью, бить и кусать ее; случаются «истерички», крайняя степень протестного поведения.

На первой сессии, она длилась около получаса, П. продемонстрировал обе формы организации пространства в начальном периоде бездеятельности. Какое-то время он вообще не отходил от матери и ничего не предпринимал,

хотя его взгляд скользил по полкам с игрушками. Мать находилась все время в комнате. П., казалось, действительно был напуган теми неограниченными возможностями, которые предоставляло окружающее его пространство, он не отходил от матери, и если что-то попадало в его руки из близ лежащих предметов, манипуляции с ними происходили рядом с матерью. Надо сказать, что мать сидела довольно пассивно и никак не участвовала в действиях ребенка, как и он не включал ее в свой игровой сценарий.

Отсутствие структурированности пространства проявилось несколько позже на этой же сессии, когда П. начал передвигаться по комнате свободнее. Он брал те или иные игрушки, некоторое время с ними манипулировал, затем переключался на другие. Хаотичность проявлялась как в движениях П., не слишком уверенных, так и в разбрасывании игрушек по полу. Уловить смысл таких постоянно прерывающихся действий было практически невозможно. Единственно, что могло быть отмечено в эту первую встречу — это повторяющийся мотив «заполнения-опорожнения», который выражался в загрузке и выгрузке мелких предметов в вагоны поезда или выбрасывании игрушечной мебели из кукольного дома.

Уже на второй и третьей сессии П. мог спокойно оставаться один с терапевтом без присутствия матери, он даже мог сам предложить ей уйти. Это попытка с одной стороны выйти из тесного пространства «симбиотической скорлупы», а с другой - уберечь осваиваемое пространство от интервенций матери, воображаемое ее уничтожение. Хотя на самых первых сессиях уже можно говорить, что П. вступил в раннюю фазу эмоциональных проявлений, однако начало структуризации пространства еще не наступило. Дело в том, что как только обозначалась фиксация на каком-то сюжете игры в определенном месте комнаты, через короткое время пространство разрушалось, причем в буквальном смысле этого слова: разбрасывались ранее сцепленные вагоны, могли быть сломаны сами игрушки или их части. После этого наблюдалось переключение на другой сюжет в другом месте с последующим разрушением.

По мере укрепления доверительных отношений П. смог позволить себе начать выражать свои чувства в пространстве, которое утратило пугающие характеристики не только для ребенка, но и для матери, оно в прямом смысле становилось «промежуточным пространством». В нем П. начал постепенно выстраивать границы дозволенного, то есть наметилось движение в сторону структуризации.

Две иллюстрации поведения на последующих сессиях могут продемонстрировать выше упомянутую динамику.

Первый пример связан с выражением переживаний и ощущений, которые П. испытал в годовалом возрасте при нападении на него собаки. П. берет резиновую лягушку с открытым ртом, которая пытается проглотить фигурку человека. Действия сопровождаются соответствующими словами: «Ням, ням». Затем лягушка заменяется большой резиновой крысой, которая тоже «ест» фигурку человека. Терапевт внимательно наблюдает за происходящим в непосредственной близости от разыгрываемого сюжета.

Через мгновение агрессия обращается на него, удерживаемая рукой ребенка крыса вбуравливается в левую (!) щеку терапевта. Это ситуация, когда трудно выбрать «правильную» ответную реакцию. Терапевт: «Да, она неожиданно напала, и кусает в щеку. Это очень больно, правда?» П. отвечает утвердительным кивком. Терапевт: «Ты мог бы показать как это произошло?» П. прекращает нападение на щеку и обращает агрессию на куклу «Кена», потом оставляет крысу. Больше к этому эпизоду П. не возвращался. Когда он хотел выразить свою агрессию, он это делал исключительно на «переходных объектах», то есть игрушках.

Это очень важный аспект построения отношений в терапии, так как без обозначения рамок аналитической ситуации работа с одной стороны может превратиться либо в просто игру, либо выйти из под контроля и стать «серьезностью», потакая инстинкту. На необходимость создания «терапевтической рамки» указывала Барбара Дипольд, анализируя баланс нарциссических проявлений и давления инстинктов в работе с детьми (1997).

Второй пример еще больше демонстрирует тенденцию к развитию «рамочных» отношений, тенденцию возникновения локального терапевтического пространства.

На пятой сессии П. обратил свое внимание на поднос с песком, который уже сам по себе создает условия локальности, так как события происходящие в нем неизбежно будут ограничены стенками. На последующих сессиях П. либо выбирал эту готовую «терапевтическую рамку» на все время, либо, если он менял место игры, поднос с песком все равно использовался хотя бы на короткое время.

Поиск оптимальных условий, локализации пространства игры сопровождается появлением центральных фантазий. Одну из таких фантазий, которую П. воспроизвел в первый же раз, когда соприкоснулся с песком, продолжал демонстрировать долгое время. Происходило следующее. П. мог брать маленькие машинки и засыпать их полностью песком. Потом он их отрывал и высыпал застрявший песок. Часто в той же ситуации оказывались маленькие фигурки человечков из конструктора Lego или, что характерно, другие пластиковые фигурки, изображающие детей. Они также как и машинки могли зарываться в песок, засыпаться им сверху с последующим освобождением из-под него. Совершенно справедливым является замечание М.СНethik по поводу «смутного представления» относительно значений реализуемых в игре фантазий. Действительно, можно лишь предполагать, что означает погружение маленьких предметов в песок. Пока время прямых интерпретаций не наступило.

В одной из бесед с матерью терапевт коснулся навязчивого погружения в песок различных предметов, по преимуществу маленьких. Мать сказала, что ей это напоминает семейные ситуации, когда она и бабушка как будто «засыпают» ребенка своим настойчивым, чрезмерным вниманием практически навязывая свою помощь, не нужную в конкретной ситуации, например при одевании.

Ребенок оказывается «засыпанным» или «погруженным» в материнские проекции. Они, также как и песок, не дают возможности начать строить адекватные связи с матерью и внешним миром, без того чтобы не использовать механизмы расщепления.

Можно ли считать, что в каждом случае ребенок организует, строит пространство в описанной последовательности? Скорее всего, нет. В частности, пространственная психотерапевтическая динамика — от хаоса к локусу и трансформациям, отсутствует в работе с аутичными детьми и детьми с аутичным поведением.

Шестилетний мальчик Л. оказался в терапии по поводу заявляемого родителями упрямства, которое особенно ярко выражалось во время еды или одевания. До полутора лет был «удобным ребенком». В это же время его отдали в ясли. В возрасте примерно трех лет агрессивно вел себя по отношению к матери; мог ее ударить, ущипнуть. Мать могла, в свою очередь, кричать на него.

Л. родился с осложнениями, мозговым кровоизлиянием, а выписан был из родильного дома с компенсированным гипертензионным синдромом и левосторонней пирамидной недостаточностью. Одно из очень важных событий которое пережил Л. в младенчестве касалось тотальной материнской депривации. Он, сначала после родов, а потом в клинике, провел почти две недели без матери. Это огромный срок для формирующегося Я. В первые дни жизни реализуется такой важнейший механизм как импринтирование, без запечатленного положительного первичного образа затруднено развитие в целом, не только душевное, на что указывал Джон Боулби (1953).

Основным пространственным паттерном в терапии Л. была поза стоя у подноса с песком спиной к терапевту или лежа на ковре и тоже чаще спиной к терапевту. Участок, где происходили все важные события был ограничен либо стенками подноса, либо воображаемыми рамками на полу. В данном случае локальность пространства была первоначальной характеристикой. Была ли отстраненность, отграниченность между Л. и терапевтом результатом первоначальной младенческой материнской депривации? Вероятно, да, причем еще и потому, что вербальный контакт был также минимален.

Трудно сегодня оспаривать то, что было блестяще продемонстрировано Бруно Беттельхеймом в работе с аутистами относительно формирования «терапевтической среды», адекватной желанием и нуждам ребенка (1999). В случаях, когда терапевт сталкивается с теми или иными формами аутичного поведения, организация терапевтического пространства играет ключевую роль в успехе терапии.

В заключении следует сказать, что пространственная динамика в терапии, помимо собственного рисунка и закономерностей, может осуществляться в условиях первоначально созданного «потенциального пространства», которое наполняясь «промежуточными объектами» перерастает в «терапевтическую среду», в которой осуществляется процесс индивидуации.

Литература

Winnicott D.W. *Playing and Reality*. Tavistock Pub. Ltd. L., 1971

Chethik M. *Techniques of Child Therapy. Psychodynamic Strategies*. The Guilford Press. N.-Y., L., 1989

Diepold B. *Zum Spielraum zwischen Narzibmus und Triebdynamik*. *Z., Kinderanalyse*, 1997, 4, 370-383

Bowlby J. *Child and the Growth of Love*. Penguin Books, L., 1953

Беттельхейм Б. *Терапевтическая среда / Эволюция психотерапии*, т.2, М. 1999.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 90-92

Динамические аспекты аналитической позиции

А.В.Россохин

В ходе многолетней супервизии студентов-аналитиков я постепенно убеждался, что одну из основных технических трудностей для начинающего специалиста представляет осознанный поиск собственной позиции во взаимодействии с пациентом. Начальный этап анализа характеризуется выходом на первый план эмпатиче-ской составляющей аналитической работы. Стремясь лучше понять и прочувствовать пациента, студент-аналитик постепенно погружается в его внутреннюю реальность, что может приводить к чрезмерной идентификации с ним со свойственной ей эмоциональной вовлеченностью и бессознательным обменом ролями (Сандлер). Другая характерная для начинающего специалиста реакция на невротические ожидания и требования пациента - защитная отстраненность, рационализируемая ссылками на нейтральность аналитика, его беспристрастность и объективность.

Вступая во взаимодействие с пациентом, аналитик стремится к эмоциональному сопереживанию, сохраняя в активном состоянии свою аналитическую рефлексивность. Эго аналитика при этом расщепляется на аналитическую и эмпатическую части. Этот процесс, происходящий во внутренней реальности аналитика, по аналогии с терапевтическим расщеплением у пациента (Штерба), можно назвать аналитическим расщеплением (Россо-хин, 2000). Внутренние конфликты пациента переносятся не только в аналитическую ситуацию, но также по мере разворачивания невроза переноса, воспроизводятся и во внутреннем мире аналитика - в психической реальности, создаваемой его эмпатическим Эго.

Позиция аналитика, которую он занимает в отношении пациента, напрямую зависит от той рефлексивной позиции, которую его аналитическое Эго занимает относительно тех мыслей и переживаний, которые вызывает у него пациент, и в, конечном счете, относительно самого внутреннего конфликта, разворачивающегося в собственной психике аналитика, являющегося реакцией на развивающийся невроз переноса пациента.

Эта внутренняя позиция может быть полностью бессознательной и тогда внешняя аналитическая позиция может «дрейфовать» в соответствии с защитным использованием аналитиком привычных для него способов реагирования на возникновение конфликтной ситуации в своей душе. Фрейдовское понимание нейтральности аналитика часто расценивается начинающими аналитиками как запрет на эмоциональную включенность во внутренний конфликт пациента, необходимость фрустрации его бессознательного желания втянуть аналитика в свою болезненную реальность - подобное понимание аналитической позиции зачастую превращается в мощное защитное поведение самого аналитика как в отношении собственного субъективного опыта, связанного с пациентом, так и в отношении самого пациента.

Часто описание одной из целей анализа сводится к утверждению, что в ходе психоаналитического процесса пациент постепенно избавляется от невротического восприятия внешнего мира (и, в частности, аналитика как одного из его представителей) и постепенно становится способным воспринимать его более «реальным» (в соответствии с принципом реальности) и более адекватно с ним взаимодействовать. Проблема возникает в тот момент, когда мы задумываемся над вопросами: «С какой реальностью взаимодействует пациент?»; «Как пациент приходит к пониманию аналитика как нового (в терминах Левальда) объекта?»; «Что представляет собой эта новая для пациента реальность и является ли она новой также и для аналитика?»; «К чему приходит пациент, уходя от ригидного влияния своего «прошлого», - к новому и более продуктивному для себя, но также ригидному «настоящему» аналитика, - или все-таки к чему то иному?» Мне представляется, что ответы на эти вопросы зависят от того, как мы подходим к решению проблемы аналитического расщепления Эго аналитика и формированию процесса, интегрирующего аналитическое и эмпатическое Эго.

То с какой реальностью в лице аналитика будет взаимодействовать пациент зависит от той позиции, которую занимает аналитик в этом взаимодействии. В свою очередь эта позиция формируется в соответствии с процессом разрешения внутреннего конфликта, порожденного реакцией на перенос пациента - конфликта между аналитическим Эго, мотивированным стремлением к рациональному пониманию и принятию пациента, и эмпатическим Эго - переживаниями аналитика, вызванными его идентификацией с пациентом или с объектами его психической реальности. Треурнит, обрисовывая проблему, остроумно замечает, что несмотря на то, что влияние личности аналитика на отношения «здесь и теперь» в анализе было далеко не сразу осознанно в теории и технике, отрицать его «намного более вредно, чем допускать тот факт, что аналитик втягивается в мир внутренних объектов своего пациента аффективным лассо, и что он должен что-то делать с этим миром, затрагивая как психическое равновесие пациента, так и свое собственное, если он хочет добиться хоть какого-то терапевтического эффекта» (Treurniet, 1993, p.882).

Постепенное разрешение внутреннего конфликта, индуцированного взаимодействием с пациентом, приводит к возникновению сначала в психической реальности аналитика, а затем и в психоаналитической ситуации зон, свободных от конфликта, отражающих собственные инсайты аналитика в его попытках понять динамику взаимоотношений с пациентом. На каждом этапе такой микро-интеграции это понимание и соответствующие ему чувства могут быть в той или иной форме донесены до пациента путем интерпретации и соответствующих средств невербальной коммуникации, отражающих новый опыт взаимоотношений, создающий предпосылки для структурных изменений в личности пациента. В этом смысле успешная интерпретация - это продукт межличностной коммуникации,

вербализованный результат «микро-инсайта» во взаимодействующей диаде аналитик-пациент.

В такой интерпретации в интегрированном рациональном и эмоциональном выражении проявляется достигнутая аналитиком на данном этапе психоаналитического процесса позиция.

Как мы видим, техническое овладение аналитической позицией, в смысле формирования динамически и функционально понимаемой нейтральности, выходит на передний план в первый год супервизорской работы. В ходе супервизии студент-аналитик попадает в необычную ситуацию, требующую от него наличия устойчивой способности к аналитическому расщеплению. Он должен одновременно постараться наиболее полно и точно представить пациента, дать возможность супервизору почувствовать своего клиента и для этого «говорить за него и вести себя также как он», и в тоже время предъявлять материал собственной аналитической работы. Идентифицируясь с пациентом, супервизируемый студент-аналитик, при еще недостаточно развитой способности к аналитическому расщеплению, может бессознательно занимать позицию пациента и частично переносить ответственность за анализ на супервизора («параллельный процесс» (Baudry, 1993)).

Пациент имплицитно присутствует в супервизорском процессе вместе с аналитиком (фигура и фон). Что выходит на передний план, а что остается фоном зависит, с моей точки зрения, не только от большей активности эмпатического или аналитического Эго студента-аналитика, но и, в не меньшей степени, от фокусирования внимания супервизора или на собственном эмпатическом Эго, воспринимающем конфликтные внутренние взаимоотношения в «расщепленном» Эго аналитика, или на «супервизирующем Эго» - той части своего Эго, которая осуществляет процесс супервизии.

Соответственно, проблема определения, поиска и достижения требуемой позиции для супервизора представляется мне такой же актуальной, как и для практикующего аналитика. Колебание внимания супервизора между фигурой и фоном, — динамическое балансирование между аналитиком и пациентом, с одной стороны, и между собственным эмпатическим и супервизирующим Эго, с другой стороны, - его умение не раствориться ни в том, ни в другом — требуется для того, чтобы найти их возможные точки соприкосновения, области взаимодействия, в которых и будет постепенно выкристаллизовываться новая более интегрированная реальность.

Способность к сознательному, а, следовательно, контролируемому и управляемому аналитическому расщеплению, переходу от одной части Эго к другой, от эмпатической к аналитической реальности, использование подобных переходов для разрешения возникающих между ними конфликтов, налаживание новых способов взаимодействия между ними и, в результате, постепенное возникновение «островков» новой реальности — свободной от конфликтов и отражающей процесс постепенной интеграции аналитического

и эмпатического Эго - все это и представляет собой, с моей точки зрения, динамические аспекты аналитической позиции в ходе психоаналитического процесса.

* Исследования проводятся при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (Грант 00-06-00088а) 92

Литература

Россохин А.В. Коллизии современного психоанализа: от конфронтации подходов к их динамическому взаимодействию (эволюция теории аналитической техники) //Антология современного психоанализа, т.1, М., 2000, стр.23-76.

Baudry F. 1993 The personal dimension and management of the supervisory situation with a special note on the parallel process. The Psychoanalytic Quarterly, 62, 588-613.

Treurniet N/ 1993 What is psychoanalysis now. The International Journal of Psycho-Analysis, 74, 873-891.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 92-94

Место анализа латентного негативного переноса в обучении психоаналитической технике

А.В.Россохин

Введение

Некоторая неуверенность в своих силах, свойственная любому начинающему профессиональную деятельность специалисту, у будущего психоаналитика может вызывать бессознательное желание любыми путями удержать в анализе своих первых клиентов. Аналитическое требование быть эмпатичным в отношении пациента превращается при этом в инструмент создания позитивного объектного отношения пациента к аналитику.

Это отношение приобретает для обучающегося аналитика высокую значимость, так как он полагает, что оно образует основу для установления терапевтического союза, способного выдерживать воздействие фрустрационных напряжений, возникающих в ходе анализа. Для достижения такого позитивного отношения студенты-аналитики, как правило, злоупотребляют различными приемами убеждения и косвенного внушения, типа: «Здесь Вы можете чувствовать себя в безопасности»; «Вы можете свободно довериться мне»; «Вы можете проявлять здесь любые эмоции», «В Ваших интересах говорить откровенно и сотрудничать со мной» и т.п. Подобное «воспитание для анализа» приводит к возникновению псевдо-позитивного переноса, который искусственно создается, а не выкристаллизовывается из инфантильных переживаний.

Исследуя признаки позитивного переноса в начальной фазе анализа В.Райх пришел к выводу, что «за исключением определенного остатка, который соответствует рудиментарной части настоящей любви, речь идет:

1) о «реактивном позитивном переносе», т.е. о том, что пациент компенсирует перенесенную на аналитика ненависть в форме любви. Фон, задний план здесь создает латентный негативный перенос;

2) о преданности аналитику, которая происходит из чувства вины или из морального мазохизма, за которым опять стоит не что иное, как вытесненная и компенсированная ненависть;

3) о переносе нарциссического желания, о нарциссической надежде, что аналитик будет любить пациентов, утешать их или восхищаться ими. Никакой вид переноса не разрушается быстрее, чем этот, ни один не превращается легче в горькое разочарование и в полную ненависти нарциссическую обиду» (W.Reich, 1933, p. 119).

Желание создать эффективный терапевтический союз на базе такого позитивного переноса заставляет аналитика концентрировать все внимание преимущественно на явно видимых положительных аспектах взаимоотношений, не обращая внимания при этом или не желая замечать

скрытых, еле заметных признаков недоверия, настороженности, враждебности. Пациент эмпатически усваивает существующую у аналитика имплицитную модель психоаналитического процесса и бессознательно старается вести себя в соответствии с ней. Аналитик — живой человек и манифестируемые им эмоциональные предпочтения могут оказать значительное влияние на динамику разворачивания переноса и сопротивления — пациент начинает скрывать свои сопротивления, демонстрируя при этом плодотворное сотрудничество и полное доверие к аналитику.

Латентный перенос: подводные рифы в психоаналитическом процессе

Пренебрежение тем, что «в начальной фазе позитивный перенос скрывает латентный негативный перенос, который в свою очередь сам проявляется в сопротивлениях» (Lagach, 1953, p.5), порождает ситуацию, при которой оставшаяся непроработанной скрытая бессознательная агрессия в трансферентных отношениях способна сокрушить такой позитивный перенос и привести к агрессивному отвержению пациентом аналитика и прекращению анализа. То, что терапевтический союз, созданный на базе подобного позитивного переноса, вследствие постоянно усиливающегося латентного негативного переноса может привести к неудачному результату при анализе подчеркивают многие психоаналитики (Bernstein, 1983); (Horwitz & Hertel, 1984); (Levine, 1985); (Bassen, 1989). О.Кернберг (1974) отмечает, что очень часто пренебрежение интерпретациями латентных негативных сопротивлений, анализом различных аспектов латентного негативного переноса может только увеличить страх пациента перед собственной агрессией и деструктивностью и привести к еще большему усилению нарциссических сопротивлений.

M.Schroter и L.Hermanns (1992) считают, что одной из причин непонимания важности работы со скрытым переносом является отношение к этой проблеме Фрейда. Фрейд избегал рассмотрения скрытого переноса, однако его ближайшие ученики (Райх, Штерба, Фенихель, Гловер и др.) не только обосновали необходимость работы с ним, но и разработали конкретные технические рекомендации по его анализу. Позднее проблема работы с латентным сопротивлением и переносом поднималась в работах: (Baudry, 1991); (Blum, 1987); (Epstein, 1979); (Fenichel, 1974); (Hoffman, 1988); (Josephs, 1988); (Kernberg, 1968), (1974), (1993); (Morgenstern, 1990); (Pfeffer, 1963); (Stern, 1957); (Stone, 1967), (1981).

Так например, Кернберг, в отличие от фокусирования в аналитическом процессе преимущественно на либидозных элементах и на смысловых интерпретациях, настаивает на «систематическом исследовании проявлений явного и скрытого негативного переноса раньше проведения полной генетической реконструкции» (Kernberg, 1968, p. 601).

Исходя из вышеизложенного, можно было бы полагать, что обучение принципам работы с латентным негативным переносом должно занимать

одно из ключевых мест в теоретической и практической подготовке будущих психоаналитиков.

Г.Блум подчеркивает, что «трудности в анализе скрытого негативного переноса имеют специальное значение в теории, технике, в обучении и психоаналитическом образовании психоаналитиков» (Blum, 1987, p. 40).

Томэ и Кэхеле считают, что «роль техники лечения в усилении сопротивления в форме негативного переноса долго недооценивалась» (Томэ, Кэхеле, 1996, т.1, с. 158).

Тем не менее, по свидетельству M.Schorter и L.Hermanns «до сих пор в психоаналитическом образовании не сделан шаг в сторону осознания важности работы со скрытым переносом» (Schorter & Hermanns, 1992, p.206).

Одной из причин такого «особого» отношения к латентному переносу, как я полагаю, является значительная сложность его анализа и трудность определения того момента в аналитической ситуации, когда необходимо начинать с ним работу.

С одной стороны, игнорирование скрытых проявлений сопротивления переноса и пренебрежение их анализом может привести к ситуации когда сопротивление достигнет такой интенсивности, при которой оно становится неразрешимым.

С другой стороны, существует опасность, что слишком ранние интерпретации скрытого переноса могут быть восприняты пациентом как критика - негативная оценка того, что на поверхности, может усилить недоверие и самоутверждение пациентов, а следовательно усилить сопротивление. И здесь также многое зависит от имплицитных представлений аналитика о стратегии работы с защитами, трансферентными сопротивлениями пациента. То терпение, которое позволяет аналитику последовательно, упорядоченно (В.Райх) и систематически (О.Кернберг) исследовать скрытые проявления сопротивления переноса, должно на мой взгляд основываться в первую очередь на глубоком уважении аналитика к защитной способности пациента, которая позволяла ему преодолеть тяжелые жизненные периоды.

Понимание важности и ценности для пациента его сопротивлений помогает аналитику относиться к ним чрезвычайно бережно и осторожно. В противоположность этому отношению к сопротивлению пациента как к препятствию в работе, которое требуется сломить, преодолеть или разрушить порождает стремление ускорить аналитический процесс.

Форсированный анализ скрытых проявлений негативного переноса при наличии подобной установки, как правило, приводит к противоположному результату — пациент воспринимает такой анализ как попытку аналитика доказать ему, что он неискренен, фальшив в любых своих действиях, расценивает это как желание аналитика доминировать.

Критикуя такой анализ сопротивления Ж.Лакан справедливо замечает, что «если все, что предстает вначале, считать защитой, можно с полным основанием рассматривать все как маску, позади которой скрывается нечто другое» (Лакан, 1998, с. 372).

Протестуя против такого отождествления себя с маской, пациент приходит к отстранению от такого аналитика и от такого психоанализа. О.Кернберг в связи с этим отмечает, что «ключевой техникой при работе с такими пациентами заключается в фокусировании внимания ... на реалистичной оценке самим пациентом усилий аналитика, что может помочь ему избежать неправильного понимания концентрации на анализе латентного негативного переноса как убежденности психоаналитика, что пациент «совсем плох» (Kernberg, 1974, p. 227).

Необходимые акценты в обучении

От того, как студенты, специализирующиеся по психоанализу, мыслят, определяют и понимают технику анализа трансферентных сопротивлений в работе с пациентом; какие представления об эффективном терапевтическом союзе формируются у них в процессе обучения; какие способы действия и формы терапевтического вмешательства кажутся им уместными в каждом конкретном случае; насколько они осознают последствия выбора той или иной стратегии аналитической работы - зависит не только их успешность в работе с пациентами, но и потенциал профессионального развития.

Умение замечать скрытые, самые незначительные признаки латентного сопротивления; правильно оценивать опасность остающегося латентным негативного переноса; понимать его актуальный и инфантильный смысл; в нужный момент начинать его интерпретацию; осуществлять ее систематически и упорядоченно; понимать опасности форсированного анализа латентного сопротивления — все это составляющие одной из ключевых аналитических способностей. Формирование этой способности - важнейшая задача психоаналитического образования, личного анализа и супервизии. В ходе обучения студенты должны научиться исследовать не прямое аффективно-экспрессивное поведение пациента при наличии скрытого сопротивления, изучить разнообразные формы проявления латентного переноса, особенности их анализа и интерпретации.

Условия подготовки психоаналитиков должны включать возможность практического овладения навыками работы с латентным негативным переносом. Начинающие аналитики, должны научиться анализировать мотивы, которые активизируют защиты пациента, избегая воспитательных воздействий и нравоучений.

В отличие от «активно-внушающего» воспитания готовности к анализу необходимо формировать у студентов навыки «воспитания для анализа с помощью анализа» (В.Райх) — не убеждать пациентов в том, что они могут довериться аналитику, а прорабатывать причины скрытого недоверия, настороженности и критичности.

Студенты должны учиться создавать надежную основу для установления устойчивого терапевтического союза «и связанной с этим способности реально слушать психоаналитика и идентифицироваться с ним,

рассуждая о самом себе с психологической точки зрения» (Kernberg, 1974, p. 227).

* Исследования проводятся при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (Грант 00-06-00088а) 94

Литература

- Bassen C. 1989 Transference-Countertransference Enactment in the Recommendation to Convert Psychotherapy to Psychoanalysis. *The International Review of Psycho-analysis*, 16, 79-92.
- Baudry F. 1991 The relevance of analyst's character and attitudes to his work. *The Journal of the American Psychoanalytic Association*, 39, 917-939.
- Bernstein S. 1983 Treatment preparatory to psychoanalysis. *The Journal of the American Psychoanalytic Association*, 31, 363-390.
- Blum H.P. 1987 Analysis terminable and interminable: a half-century retrospective. *The International Journal of Psycho-Analysis*, 68, 37-47.
- Epstein L. 1979 The therapeutic use of countertransference data with borderline patients *Contemporary Psychoanalysis*, 15, 248-275.
- Fenichel O. 1974 Review of Freud's "Analysis terminable and interminable". *The International Review of Psycho-analysis*, 1, 109-116.
- Glover E. 1955 Counter-resistance and counter-transference. In: *The Technique of Psychoanalysis*, N.Y., pp. 88-107.
- Hoffman I.Z. & Gill M. 1988 Clinical reflection on a coding scheme. *The International Journal of Psycho-Analysis*, 69, 55-64.
- Josephs L. 1988 A comparison of archeological and empathic modes of listening. *Contemporary Psychoanalysis*, 24, 282-300.
- Kernberg O.F. 1968 The treatment of patients with borderline personality organization. *The International Journal of Psycho-Analysis*, 49, 600-619.
- Kernberg O.F. 1974 Further contributions to the treatment of narcissistic personalities. *The International Journal of Psycho-Analysis*, 55, 215-240.
- Kernberg O.F. 1993 The current status of psychoanalysis. *The Journal of the American Psychoanalytic Association*, 41, 45-62.
- Lagache D. 1953 Some aspects of transference. *The International Journal of Psycho-Analysis*, 34, 1-10.
- Levine H. 1985 Psychotherapy as the initial phase of psychoanalysis. *The International Review of Psycho-analysis*, 12, 285-297.
- Morgenstern S. 1990 Psychoanalytic process and transference resistance with notes on the need for reanalysis. *The Psychoanalytic Quarterly*, 59, 712-740.
- Pfeffer A. 1963 Panel: Analysis terminable and interminable – twenty-years later. *The Journal of the American Psychoanalytic Association*, 11, 131-142.
- Reich W. 1933 *Charakteranalyse*. 1 st ed. Sexpol Verlag, Berlin.
- Schroter M. & Hermanns L. 1992 Felix Gattel (1870-1904): Freud's First Pupil. Part II. *The International Review of Psycho-analysis*, 19, 197-206.

- Sterba R. 1927 Uber latente negative ubertragung. Internationale Zeitschrift fuer Psychoanalyse. Xiii, 160-165.
- Stern M.M. 1957 The ego aspect of transference. The International Journal of Psycho-Analysis, 38, 146-157.
- Stone L. 1967 The psychoanalytic situation and transference. The Journal of the American Psychoanalytic Association, 15, 3-57.
- Stone L. 1981 Some thoughts on the here-and-now in psychoanalytic technique and process. The Psychoanalytic Quarterly, 50, 709-733.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 94-96

Карнавал проработки

А.М.Шибяев

В море определений «тщательной проработки» мы предлагаем ориентироваться на маяк, высвечивающий необходимое понимание данного термина как технической процедуры и как терапевтического процесса. Тщательная проработка для нас - вариант аналитической ситуации после серии пробных предварительных интерпретаций терапевтом (аналитиком) материала пациента, относящихся к осевому конфликту, и серии мутационных интерпретаций, когда не подлежит сомнению налаженный лечебный (рабочий) альянс, структурировалось в основном наблюдающее Эго пациента и наметились более-менее устойчивые тенденции выдерживать ранее непереносимые фрустрации, исходящие из внешней действительности, не разрушая собственные достижения, что показывает картину кристаллизации аллопластической адаптации.

По нашему мнению, такое развитие аналитической ситуации возможно лишь через 1,5-2 года терапии (анализа) и при общем количестве сессий не менее 150-200. Думается, краткие курсы терапии и «терапия по заказу» не удовлетворяют этим условиям. Сомнительно достижение уровня тщательной проработки при частоте сессий менее 3-х в неделю в течении названных сроков. Данных по Shuttle - анализу нет. У детей можно опустить планку до трёх месяцев и 36 часов.

Таким образом, мы не поддерживаем мнения о вездесущности тщательной проработки или не важности её определения и обоснования. Аналитик сначала должен занять место между чужеродностью и слитностью, сначала должен быть принят значимым, достаточно безопасным, затем интересным, наконец — упругим «костылём», чтобы пациент решился поискать себя (self) среди маскарада возможностей действительности (внутренней и внешней реальности). Надеяться, что это произойдёт сразу и сейчас же - иллюзия. Опыт показывает, что время, требуемое на тщательную проработку, не бывает меньше времени, требуемого на её постановку. В силу многих причин, проработка может полностью «не вложиться» в рамки терапии или анализа. Однако, если достигнут и закреплён её уровень, пациент, в неоспоримом ряде случаев, способен осуществлять бессознательные, предсознательные и сознательные операции, используя прежние достижения взаимодействия с интегрированными объектами, исходя из терапевтического наследия. Указанный шлейф, бывает, длится от нескольких месяцев до нескольких лет.

Терапевт ответственен за закрепление в аналитической ситуации уровня тщательной проработки.

Подразумевая под тщательной проработкой техническую процедуру, мы устремляем взгляд преимущественно в сторону терапевта. Мало ограничиваться повторением и разработкой инсайтов (Greenson, 1965, 1967)

— терапевт должен обеспечить пациенту новый опыт: аналитик не попугай, мало даже быть творцом вариаций, — обеспечить право хода пациенту, обеспечить пациента умением пользоваться правом хода, правом повторять, разрабатывать, творить. Мы категорически против точки зрения, лучше всего озвученной много лет тому назад (Loewald, 1960) и живущей до сих пор, что аналитик должен выступать как носитель более высокой степени организации.

Этот манипулятивный приём имеет право на существование в терапии только с последующим объяснением его пациенту. Терапевт должен создать условия для «очеловечивания» себя после трансферных кошмаров идеализации и девальвации, - не запрограммированные реакции, но и не манипуляция!

Тщательная проработка как терапевтический процесс. В узком фокусе преимущественно находится пациент (мы не будем здесь рассматривать широкий фокус, - тогда туда нужно поместить и «процедуру», плюс - и сам аналитик, конечно, реагирует изменениями при работе с каждым последующим клиентом). Пациент откликается на безопасную доверительную атмосферу с тем, чтобы: 1- выпустить из засады последние резервы подозрительности, сомнений, упрёков, «непонимания», всего того, что принято именовать сопротивлением; 2- попытаться справиться с ними в большей степени самому (!), утвердиться в этой способности; 3- найти self и интегрировать с ним прошлый и новый опыт.

Меняются маски сопротивления, им противостоят маски нового опыта (ещё игрушечного, не до конца принятого, «учебного» оружия). «Свои» и «чужие» часто меняются местами. Карнавал проработки вступает в свои права. Радость и гордость от достижений сменяются скорбью и отчаянием... и наоборот. «Свои» и «чужие» репрезентации сталкиваются; выигрыш идёт на пользу адаптации.

Важным показателем успешного развёртывания проработки пациентом служит столкновение, в представляемом материале, масок одной полярности между собой, и занятие пациентом позиции третьей стороны, которая опирается на стремление продолжать работу с аналитиком как с устойчивым определенным объектом. Например, пациент конфронтует репрезентацию «себя = терапевта» с репрезентацией «себя = хорошего пациента» (полярность «здесь и сейчас»). Или - конфронтация «себя = никчемного и обидчивого» с «собой = выдающимся и гордым» (полярность «там и тогда»). При этом ищется не идеальное или минимально удовлетворяющее решение, а реально приемлемое, отвечающее потребностям как текущей ситуации, так и перспективы. Реже принимаются ошибочные решения; они чаще фиксируются пациентом; пациент самостоятельно предпринимает новые попытки интеграции.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 96-97

Терапия родителей, дети которых больны сахарным диабетом

И.И.Шибаетва

Речь идёт о групповой психоаналитической психотерапии, осуществляемой в связи с определённой проблемой. Рассматривается работа с родителями в случае врождённого или возникшего в первые три года сахарного диабета у ребёнка.

Рождение больного ребёнка, нуждающегося в специфическом медицинском уходе (диета, инъекции инсулина, уход за кожей) является действительно катастрофическим событием, вызывает потрясение, оживляет примитивную тревогу и первичные механизмы защиты: расщепление, проекция и отрицание. Психологическая ситуация, обусловленная массивной тревогой напоминает отчаяние и замешательство.

Родители чувствуют себя ответственными за болезнь ребёнка, испытывают глубокое чувство вины, считают себя никудышными родителями, не сумевшими иметь здорового ребёнка. С другой стороны - рождение хронически больного ребёнка может привести к коренному изменению отношений внутри семьи: эмоциональные последствия для других детей, депрессивные реакции у матери, и даже распад семьи.

Цель групповой аналитической терапии - помочь родителям понять и принять ситуацию, сложившуюся в связи с хронической болезнью ребёнка; проработать чувства беспомощности и вины, а также тревогу; наладить стабильность родительской пары и особенно готовность отца быть вовлечённым в болезненный родительский опыт.

Технически такая работа ориентирована на модель контейнирования (Bion, 1962), терапевтический эффект которой основан на возможности стимулировать эволюционные процессы в глубоких регрессивных ситуациях. В процессе терапии у пациентов проявляются трудности разделить опыт, принять его смысл на ментальном уровне и использовать для роста и развития внутри отношений. Важно, чтобы родители не оставались в изоляции. Необходимо предложить им понять и принять ту боль, которая мучает их беспрестанно.

Во время терапии постепенно пациенты осознают, что их тревога, отчаяние, агрессивность понимаются и принимаются аналитиком, при этом не нанося ему вреда; осознают, что эти разрушающие, пугающие чувства не столь всемогущественны и могут быть приняты благодаря эмпатической заинтересованности терапевта. Чувства, выражаемые вначале родителями, связаны с глубоким разочарованием в ожиданиях, недоверием, ошеломлением.

Вступают в действие мощные механизмы отрицания. Наблюдается потребность сохранять дистанцию, отделиться от ребёнка, связанная с потребностью защититься от страдания, не думать о нём, т.к. это невыносимо. Выявляется и неизбежное чувство вины. В отдельных случаях

из-за особой болезненности оно проецируется на какой-нибудь внешний объект (врачи, больница).

Ребёнок также может стать объектом чувств ярости, ненависти и враждебности, или наоборот — чрезмерной опеки и «удушающей» любви. В терапии могут возникнуть депрессивные чувства, необходимые, чтобы переработать скорбь, после чего возникают предпосылки идентификации с собой как с хорошей родительской фигурой, берущей на себя ответственность перед ребёнком.

Возможность в терапии выразить свои чувства, прочувствовать эмпатический ответ, сострадание и соучастие позволяет родителям ощутить себя менее опасными для ребёнка и постепенно приблизиться к нему, заботиться о нём и любить его, т.е. продолжать полноценную жизнь, не взирая на монстра - сахарный диабет.

Возможность для родителей найти пространство и объект, способные вобрать их проблемы, кажется основополагающим моментом предупреждения и защиты их отношений с ребёнком, создание условий для формирования его нормальной психики.

Бытие и время психоанализа. М.: МГЛУ, 2000, с. 97